НОВАЯ ПОЛЬША

№2(149) 2013

БРИТАНСКИЙ МИНИСТР О ПОЛЬСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

БЕСЕДЫ С МИТРОПОЛИТОМ ЛЮБЛИНСКИМ ЮЗЕФОМ ЖИЦИНСКИМ

ЮЗЕФ ХЕН НИКТО НЕ ЗОВЕТ

ДЕБОРА ФОГЕЛЬ ПЕРЕПИСЫВАЛАСЬ С БРУНО ШУЛЬЦЕМ

ЛАГЕРНЫЕ МЕМУАРЫ ЮЗЕФА ЧАПСКОГО

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata.*

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Szczepańska 1
31-011 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2 (149)
2013
февраль

ISSN 1508-5589

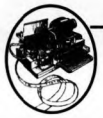
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Войцех Пастушка 3
ЗАКАЗ НА БУДУЩЕЕ

ПОЛЬСКАЯ ШКОЛА — ЕЩЕ ОДНО «ЧУДО НА ВИСЛЕ» 5
Беседа с Майклом Гоувом, министром образования Великобритании

Лев Оборин 7
ДНЕВНИК ВРОЦЛАВСКИХ СЕМИНАРОВ

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ 11
УЧАСТНИКОВ ВРОЦЛАВСКОГО МАСТЕР-КЛАССА



Виктор Кулерский 27
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Патриция Лигас 36
БЕЗ ИММИГРАНТОВ НАМ НЕ СПРАВИТЬСЯ

Юзеф Хен 40
НИКТО НЕ ЗОВЕТ
(Главы из книги)

IN MEMORIAM
Валерий Мастеров 54
ОНА РАСПОЛАГАЛА К СЕБЕ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Дебора Фогель 57
ПИСЬМА БРУНО ШУЛЬЦУ

Пётр Черёмушкин 66
МАРШАЛ РОКОССОВСКИЙ — ВЕРНЫЙ СЫН ИМПЕРИИ

Эльжбета Савицкая 71
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Татьяна Косинова 75
ВОСПОМИНАНИЯ ЮЗЕФА ЧАПСКОГО
ИЗДАНЫ ПО-РУССКИ

Лешек Шаруга 77
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Томаш Достатний 80
ОКОНЧЕННЫЕ БЕСЕДЫ
С АРХИЕПИСКОПОМ ЮЗЕФОМ ЖИЦИНСКИМ

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале
для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Переводчики: И. Белов, А. Векшина, Т. Дубинина, Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, Л. Оборин, В. Окунь, Д. Пелихов, Д. Пинчевская, С. Политыко, Н. Процкая, Л. Сыроватко, Е. Шиманская, В. Штокман
© Фото: E. Lempp (стр. 54)

Войцех Пастушка

ЗАКАЗ НА БУДУЩЕЕ

Высокие стипендии, интересная практика, учеба за границей, дополнительные курсы — на всё это могут рассчитывать студенты заказных специальностей*, в чьих учебных заведениях осуществляются проекты по программе «Человеческий капитал».

Уже много лет огромное число молодых поляков принимает решение поступать в вузы. Как следствие, в нашей стране еще никогда не было такого количества людей с высшим образованием. До недавнего времени, однако, преобладала тяга к гуманитарным знаниям. Не хватало специалистов по точным наукам: химиков, информатиков, инженеров, физиков или биотехнологов, — которые так существенно влияют на развитие государства и мощь его экономики. Именно они составляют фундамент общества, основанного на знаниях.

В 2008 г. начала действовать Оперативная программа «Человеческий капитал», цель которой — поощрить молодежь учиться по техническим специальностям. Сейчас осуществление проектов, связанных с заказными специальностями, контролирует Национальный центр исследований и развития (НЦИР), ежегодно объявляющий конкурсы для вузов.

Почувствуй химию с химией

Одним из вузов, в которых решили воспользоваться дополнительными фондами для обучения студентов по техническим специальностям, стал Познанский университет им. Адама Мицкевича (УАМ). В 2009 г. он начал проект «Почувствуй химию с химией — увеличение числа выпускников по специальности «химия» в Познанском университете им. Адама Мицкевича».

— У нас никогда не было проблем с набором, число поступающих всегда намного превышало количество мест, мы принимали на специальность «химия» около 250 студентов в год. Однако очень немногие из них доучивались до конца. Химия — трудная специальность, к тому же у студентов не хватает знаний, полученных в средней школе. Например, многие не могли сдать экзамен по математике на первом курсе, — объясняет причины появления этого проекта профессор УАМ Изабеля Новак. Полученные фонды позволили повысить мотивацию студентов: лучшие из них получают ежемесячную стипендию в размере тысячи злотых (как максимум, это половина студентов курса, охваченного программой). Кроме того за счет дополнительных денег университет обеспечил студентам компенсирующие занятия по математике и химии, чтобы дать им возможность наверстать упущенное в средней школе. — Благодаря проекту, нам удалось улучшить положение, и теперь больше студентов показывают результаты, позволяющие завершить образование.

Еще проект дает возможность повысить качество образования с особым упором на потребности рынка труда.

— Мы ввели на специальности «химия» занятия по английскому языку. Студенты также могут участвовать в семинарах, где лекции читают люди из промышленности. Благодаря этому, выпускники будут больше знать о рынке труда и практическом применении своих знаний. Помимо этого, в рамках проекта у нас есть оплачиваемая стажировка для 30 лучших студентов в год в таких фирмах, как BASF, «Орлен», «Dramers», «Imperial Tobacco», «Adamed». Финансируем мы и участие студентов в научных конференциях в стране и за границей, что дает им ценный опыт и контакты, — рассказывает проф. Новак. Проект УАМ включает, ко всему прочему, лабораторные занятия в области систем качества и курсы по хроматографическим и спектральным методам.

* Заказные специальности — перечень специальностей из области техники, математики и естествознания, утвержденный польским министерством науки и высшего образования, чтобы обеспечить подготовку необходимого числа специалистов в этих областях. — *Пер.*

Больше информатики

Охотно пользуются дополнительными фондами и вузы, готовящие информатиков. Проект Польско-японской высшей школы компьютерной техники (ПЯВШКТ) «Поддержка студентов информатики как ключ к развитию экономики, основанной на знаниях, — обогащение образовательной программы ПЯВШКТ» тоже позволил выплачивать стипендии в размере тысячи злотых почти половине студентов, приступивших в 2009-2010 академическом году к учебе по инженерным специальностям. Конечно, стипендия назначалась по результатам учебы.

Но это не единственная выгода проекта. Вуз приобрел специализированное оборудование и программное обеспечение, облегчающее занятия для слепых и слабовидящих, а для будущих выпускников были организованы курсы активного поиска работы.

— На них студенты учатся, как разговаривать с работодателем и эффективно демонстрировать свои сильные стороны, — говорит Павел Веман, специалист ПЯВШКТ по вопросам проекта. Существенным элементом проекта стало и усиление внимания к программированию на языке Java. — В основе этого решения лежали предложения Программного совета, в состав которого входят и предприниматели, а также информация, поступающая из службы подбора кадров.

И решение себя оправдало, так как программисты, знающие Java, в последние годы входят в число работников, пользующихся наибольшим спросом.

Сделала ставку на информатику и Бяло-Подлясская государственная высшая школа им. Папы Иоанна-Павла II. В соответствии с проектом «Заказная специальность — информатика» вуз предложил десяти лучшим студентам курса стипендию в размере 1000 зл. в месяц, которую можно получать начиная уже с первого семестра. Это не единственная награда для отличников.

— Все студенты-информатики должны пройти практику, но для лучших из них мы подготовили в рамках проекта дополнительную практику в известных фирмах в Польше и за границей. За нее студенты не получают денег, но им оплачивают проживание и питание по месту практики. Каждый год ее проходят десять человек, — рассказывает руководитель проекта Малгожата Миколайчук. Практику предоставляют, в частности, Польский кредитный банк, «Heller Consult», «Пентакомп — Информатические системы».

Деньги программы «Человеческий капитал» позволили создать и новую специальность — «Инженерия программирования и сетевые системы».

— Рыночные исследования показывали, что существует очень большой спрос на специалистов в этой области. Специальность теперь вызывает у студентов огромный интерес, — говорит Малгожата Миколайчук. Кроме того, вуз дает возможность студентам заказной специальности пройти специализированное обучение вне программы и отраслевые курсы, по окончании которых они получают сертификаты (в том числе IT Academy Microsoft, обучение по обслуживанию платформы Moodle, TS: Windows Applications Development with Microsoft.NET Framework 4, TS: Accessing Data with Microsoft.NET Framework). Еще один важный элемент проекта — компенсирующие занятия по физике и математике для первокурсников.

Дополнительные фонды позволили также ввести в действие «Академию компьютерных игр и графики».

— Это дополнительные занятия, предлагаемые студентам-информатикам. В ходе занятий они изучают компьютерную графику с помощью оборудования, которое мы закупили в рамках проекта. Участники устраивают и турниры по компьютерным играм, включая те, что создали сами во время учебы, — рассказывает Малгожата Миколайчук.

Предлагаемой на заказных специальностях поддержкой воспользовалось уже более 60 тыс. студентов. С учетом результатов конкурса, организованного НЦИР в этом году, общий объем выделенных вузам средств превысит миллиард злотых.

Newsweek POLSKA

ПОЛЬСКАЯ ШКОЛА — ЕЩЕ ОДНО «ЧУДО НА ВИСЛЕ»

С Майклом Гоувом, министром образования Великобритании, беседует Александра Пезда

Майкл Гоув, британский министр образования, посетил польские школы. В «Газете выборчей» прошла встреча министра с несколькими десятками польских учителей и работников сферы образования. Возникла странная ситуация. Министр Гоув нас хвалил, а мы на польскую школу жаловались.

А может, прав британский министр? «Персон», одна из крупнейших в мире частных образовательных фирм, которой принадлежат издательство «Пингвин» и газета «Файнэншл таймс», опубликовала отчет о состоянии образования в 50 странах мира «Кривая обучения». Польская школа занимает 14-е место в мире, сразу за Швейцарией, Ирландией, Данией. Разумеется, это только средняя величина, выведенная из многих принимавшихся в расчет показателей и не означающая, что в нашем образовании всё хорошо. Во введении к отчету Майкл Барбер, некогда возглавлявший авторитетную консалтинговую фирму «МакКинси», написал: «Еще десять лет тому назад подобный доклад министры образования спрятали бы в шкафу, из страха перед СМИ. Сейчас, к счастью, они рассматривают его как основу для формирования образовательной политики». Майкла Гоува — вместе с ЛПР (лицами, принимающими решения) из Сингапура, постоянного лидера образовательных рейтингов, — Барбер называет человеком, отслеживающим самые результативные решения в области образования во всем мире.

— Зачем вы посещали польские школы?

— Я хотел понять польский успех в образовании, о котором уже слышно в Евросоюзе. Вам удалось улучшить результаты слабых учащихся, сократить разницу между лучшими и худшими школами. Невелики и различия в образовании между детьми из состоятельных и бедных семей. Об этом свидетельствуют все известные мне замеры результатов, например в области изучения языков или даже в математике. Поэтому можно сказать, что у вас произошло второе «чудо на Висле».

— Мы о своих школах гораздо худшего мнения.

— Поляки очень скромны, но, может быть, не стоит так уж отбиваться от похвалы? На месте польских политиков я сделал бы образование экспортным товаром. Европа — под впечатлением польских образовательных реформ, проводимых с конца 90-х годов. Продление общего образования на год [т.е. после введения гимназий молодежь на год позже выбирает между профессиональным училищем и лицеем], что дало лучшие результаты в тестах PISA (Программа международной оценки студентов. — *Пер.*). Школы могут свободно выбирать образовательные программы, а учителя — решать, как учить. Вместе с тем у вас есть единая базовая программа, которая гарантирует, что каждый школьник в каждом уголке страны получит одни и те же базовые знания и приобретет сходные навыки. В Англии совсем не так: учащимся разных школ бывает не о чем друг с другом разговаривать. На вашем примере я хочу понять, как написать такую базовую программу и одновременно сохранить автономию учителей.

— Сейчас школу упрекают в том, что она «учит под тесты».

— Тесты исключают любую предвзятость. Именно благодаря им стал возможен переход от авторитарной власти к либеральной государственности. Меритократия — достижение, которым мы обязаны тестам. В школе мы используем систему тестов, чтобы дети не стали жертвами национального или социального предубеждения. Дети — неважно, белые, черные, евреи, — получают равные шансы на образование, в том числе благодаря тестам. Не будем забывать, что так было не всегда.

— Позиция Великобритании в рейтингах PISA ухудшается. Почему?

— Наши школьники слишком рано выбирают между профессиональным образованием и продолжением образования общего. Успех Польши в PISA показывает, что в нашей стране мы должны момент этого выбора отсрочить. Если мы позволим школьникам дольше следовать общей, одинаковой программе, их возможности должны возрасти. У нас также существует проблема так называемого «выпадения школьника из системы». И тут польская статистика опять-таки лучше нашей. Это важно, потому что Европа вынуждена преодолевать экономический кризис. Победит та страна, граждане которой будут более гибкими, научатся лучше справляться. То есть те, кто получил лучшее образование.

— В Польше всё больше людей с высшим образованием, но всё меньше веры в ценность их дипломов. Быть может, нам следует ставить только на элиту?

— Это было бы ошибкой. Люди привыкли считать, что раз всё больше людей имеют диплом, то этот диплом меньше значит. Но это не так. Образование формирует лучшего, более осведомленного гражданина. Это не только подготовка к профессии. Кроме того, если сохранить образование на высоком уровне только для малочисленной группы, мы заблокируем потенциал общества. Значит, необходимо, чтобы у еще большего числа людей было желание получать более длительное и более общее образование.

— Вы также требуете от британских учителей, чтобы они учились. Почему они должны сдавать экзамены по математике и английскому языку?

— Я убежден, что невозможно эффективно учить, не имея прочной основы в области языка и математики. Даже учитель рисования или физкультуры должен контролировать навыки чтения, письма и счета у своих учеников. Это особенно важно в многонациональном сообществе, таком как британское. Таких умений от наших учеников требуют их будущие работодатели, и мы хотим им это гарантировать.

Математика лежит в основе всей науки о природе, поэтому ее необходимо хорошо преподавать, чтение и письмо дают возможность не только функционировать в обществе, но и участвовать в развитии культуры. Поэтому я считаю, что каждый учитель, независимо от предмета, который он преподает, должен быть готов дать своим ученикам ответы на вопросы, касающиеся этих базовых областей знания.

gazeta WYBORCZA

Лев Оборин

ДНЕВНИК ВРОЦЛАВСКИХ СЕМИНАРОВ

С 9 по 15 ноября во Вроцлаве прошли мастер-классы переводчиков польской поэзии: в них приняли участие финалисты и лауреаты прошлогоднего конкурса переводов поэзии и прозы Чеслава Милоша, а также некоторые не прошедшие в финал участники. Мастер-классы были организованы фондом «За вашу и нашу свободу» при большой поддержке польского Института книги и города Вроцлава. Главным образом семинары были посвящены Милошу: за эти дни перед участниками выступили, наверное, все главные специалисты по творчеству поэта, в том числе знавшие Милоша лично. Кроме того, значительная часть программы была отведена переводу новых стихотворений Тадеуша Ружевича.

В первый день председатель фонда «За нашу и вашу свободу» Николай Иванов открыл мастер-классы и рассказал участникам, что их ожидает в ближайшие дни. Программа началась с доклада Натальи Горбаневской «Мой Милош» — название совпадает с ее книгой, вышедшей в прошлом году. Горбаневская кратко представила эту книгу, в которую входят переводы поэзии и эссеистики Милоша, делавшиеся на протяжении многих лет, а также оригинальные и переводные статьи о Милоше (см. «Новая Польша», 2012, №6).

Горбаневская прочла статью Милоша «Бесы» — о причинах неослабевающего воздействия романа Достоевского — и подчеркнула, что статья и сегодня звучит невероятно актуально. Также речь зашла о книге «Порабощенный ум» и полемике вокруг нее. Кроме того, Наталья Евгеньевна прочла три поздних милошевских стихотворения: «Без dajmonion'a», «Старый человек смотрит телевизор» и «В честь ксёндза Баки». Очевидные формальные различия этих стихотворений вызвали разговор о принципах перевода. По мнению Горбаневской, исповедуемый советской школой перевода принцип эквиритмичности далеко не всегде обязателен, а для перевода верлибров требуется еще более чуткое ухо, чем для перевода регулярного стиха. В завершение Наталья Евгеньевна объявила, что готовится книга с лучшими переводами участников, финалистов и лауреатов Милошевского конкурса и предложила собравшимся перевести еще одно стихотворение Милоша из его посмертного сборника — «Żywotnik» (варианты русского заглавия у тех, кто уже успел справиться с этим заданием, различаются).

После небольшого перерыва выступил классик польского литературоведения, один из ведущих специалистов по творчеству Милоша, личный друг поэта — Александр Фьют. В своем докладе «Милош известный и неизвестный» он коснулся некоторых тем, затронутых и Горбаневской: так, по его мнению, «Порабощенный ум» — книга, направленная против идеологического порабощения как такового, вовсе не только антикоммунистическая. Фьют подробно остановился на стихотворении «Бедный христианин смотрит на гетто» и разобрал несколько его мотивов. По мнению Фьюта, Милош связывает цивилизацию фактически XIX века с современностью; его долгая творческая биография полна парадоксами — начиная с права рождения (поляк или литовец?) и заканчивая системой ценностей (высокое против нигилизма). Речь шла и о параллелях в биографиях Милоша и Мицкевича; в обсуждении доклада этот вопрос поднимался не раз. Собственно «Милош неизвестный» появился именно в пространных ответах на вопросы: здесь говорилось о дружеских связях поэта, его жизни в Америке, его семье, реакции на Нобелевскую премию и даже алкогольных предпочтениях.

Последний доклад в этот день представил еще один знаток Милоша — Станислав Бересь. Доклад был выстроен как характеристика милошевского творчества, его историософии и философии. После «Скамандра» и авангардистских опытов Милош показывает, что поэзия может быть территорией мысли, она оказывается посланничеством. Милош размышляет на множество тем: природа, эротика, кризис цивилизации, проблематика греха. Бересь затронул и своего рода мессианство Милоша, который видел свое призвание в сохранении и обновлении польского языка и культуры — и одновременно в их критике. Многим современникам такая позиция была чужда, но, по мнению докладчика, Милош имел на нее полное право.

Второй день мастер-классов начался с обсуждения переводов из Ружевича; руководил семинаром Игорь Белов. Участники прочли свои варианты стихотворения «я боюсь бессонных ночей»: оно оставалось загадкой до проницательных комментариев Натальи Горбаневской, разъяснившей, что текст построен на

многочисленных отсылках к жизни и творчеству друга Ружевича — прозаика Юзефа Хена. Говорили также о стихотворении «на ты с Чеславом» (последовала дискуссия о передаче польского сленга и польской специфики обращений).

Первым докладчиком в этот день был доктор Адам Поправа. В докладе «Русское ухо и польское ухо в поэзии» речь шла о передаче просодии и эвфонии, их адекватных эквивалентах — а также о самых общих вопросах: зачем вообще делается перевод? не есть ли он лишь суррогат? к чьей литературе — оригинальной или принимающей — он принадлежит? Доктор Поправа привел множество примеров, среди которых — влияние, оказанное переводными текстами Фрэнка О'Хары на польскую поэзию, и полемика Юлиана Тувима с Адамом Важиком о переводе «Евгения Онегина». В конце доклада в аудитории звучал голос самого Чеслава Милоша — аудиозапись его чтения стихов. Оживленная дискуссия после доклада затрагивала проблемы артикуляции в поэтическом чтении — равно как и вопрос, сколько вообще «ушей» должно быть у переводчика поэзии.

Игорь Белов представил свои мастерские переводы с польского, белорусского и украинского, попутно комментируя некоторые проблемы перевода с родственных языков. Стихотворения Андрея Хадановича в оригинале прочитал сам белорусский поэт, только что приехавший во Вроцлав из Гданьска (где вместе с Адамом Поморским руководил мастер-классами польско-белорусского перевода): «На дороге», «Маленький нищий», «Детка, я вышел из дому...», «Сто пудов одиночества», «Вечер поэзии, увы, переносится...». Белов также выступил с переводами украинца Сергея Жадана; звучали как верлибры, так и регулярные тексты. В связи с разговором об аллюзиях и влияниях в стихах Жадана была поднята тема «чужого слова» в стихах. Как указала Горбаневская, это почти не решенный вопрос: стараться находить эквиваленты незнакомым русскому читателю цитатам или давать к тексту пространные комментарии?

Кроме того, Белов прочел стихотворение Галины Крук «Любовь на расстоянии» и три стихотворения польских поэтов — «Польшу» Мартина Светлицкого, «Просыпаюсь и чувствую руку...» Януша Джевуцкого и программное стихотворение Милоша Беджицкого «Ашьлоп».

Андрей Хаданович постепенно превратил свое выступление в музыкальный вечер. Для начала он прочитал стихотворение Богдана Задуры «Отдел убийств работает круглосуточно», а затем свой, достаточно вольный, перевод на белорусский; Игорь Белов продолжил собственным, более точным, переводом на русский. Затем Хаданович представил собравшимся аудиокнигу стихов Милоша, вышедшую к столетию поэта в разных странах, и прочитал свои переводы Милоша на белорусский под фонограмму группы «Рациональная диета», создав мощное и трогательное звучание. Завершилось выступление Хадановича его переводами песен (попутно было сказано несколько слов о специфике этого переводческого жанра). Участники мастер-классов услышали песни «белорусских поэтов» Яцека Качмарского, Сержа Генсбура и Леонарда Коэна. Пожалуй, самым сильным моментом вечера были песни Качмарского «Анкор, еще анкор» и «Одноклассники»: Андрей Хаданович спел, а Игорь Белов прочитал прекрасные переводы на белорусский и русский язык. Вечер завершился переведенной на белорусский песней Качмарского «Стены». Наше изложение не может, конечно, передать всех эмоций — нам жаль, что вы не были с нами.

Воскресный день 11 ноября участники мастер-классов провели в большой экскурсии по Вроцлаву, валбжихскому замку Ксёнж и костелу Мира в Свиднице, а на другой день семинары возобновили свою работу.

12 ноября было объявлено днем Тадеуша Ружевича. К сожалению, сам поэт по состоянию здоровья не смог присутствовать на мастер-классе. Друг Ружевича, досконально знающий его творчество и биографию Ян Столярчик, представил аудитории два доклада. Первый был посвящен характеристике творчества Ружевича. Ружевич затрагивает проблемы языка и коммуникации; поэзия, работа поэта, его статус, миф и ответственность — темы, вокруг которых строится его творчество. Речь шла о пародии и скепсисе в творчестве Ружевича, о новаторском для польской поэзии взгляде на эстетику (своего рода «дискредитации прекрасного»), о правдоподобии как важнейшей задаче его творчества. Большое внимание Столярчик уделил религиозности Ружевича — вся его поэзия указывает на необходимость очищения; Ружевича нельзя причислить к какой-либо конфессиональной идеологии, но, по мысли Столярчика, его творчество — это творчество христианина. Столярчик также рассказал о своем знакомстве с Ружевичем, которое началось в 1980-х; когда Столярчик впервые пришел к Ружевичу в гости, невысокого роста поэт позвал домашних: «Идите сюда, пришел очень высокий человек!»

Второй доклад был посвящен долгим и непростым взаимоотношениям Ружевича и Милоша. Поэты узнали друг о друге еще до Второй Мировой войны. В то время как происходило становление голоса Ружевича, Милош избавлялся от рудиментов своей довоенной поэтики, держал курс на лапидарность и прозаизацию. В 1947-м поэты начали переписываться. Милош был одним из первых пропагандистов поэзии Ружевича на

Западе, первым перевел его на английский, помогал Ружевичу (в частности, присылал из-за границы лекарства его матери). Несмотря на то что поэты приятельствовали, между ними всегда сохранялась дистанция. Причину этого Столярчик видит в разности творческих подходов; так, игровая ипостась языка Ружевича практически чужда Милошу. По-разному два поэта относятся и к религиозной проблематике. Разумеется, общим у них было понимание, что поэзия — не просто конвенциональная речь. «Я ношу в себе весь ад Ружевича», — сказал однажды Милош.

Между двумя докладами прошло занятие мастер-класса под руководством Игоря Белова. Оно было посвящено стихам Ружевича; присутствие пана Столярчика было очень полезно. Речь опять шла о самом сложном из предложенных для перевода текстов — «Я боюсь бессонных ночей»; кроме того, переводчики представили свои переводы стихотворения «Об одной букве» («За одну букву»).

День завершился поэтическим вечером Натальи Горбаневской. Наталья Евгеньевна прочла свои переводы из Милоша, Кшиштофа Камиля Бачинского и Виславы Шимборской — и свои стихи из сборников последних лет («Штойто», «Круги по воде», «Чайная роза»). Отвечая на вопрос, она также рассказала о своей дружбе с Александром Галичем — в СССР и Франции, а затем подписала собравшимся сборники своих переводов, вышедшие в «Библиотеке «Новой Польши»» — последний остаток тиража.

Пятый день мастер-классов начался с доклада Кшиштофа Чижевского «Другая верность Чеслава Милоша». Чижевский говорил о пожизненной верности Милоша местам своей юности — в том числе городку Красногруде, куда он приезжал на каникулы, где пережил первую, несчастную, любовь (и даже пытался застрелиться). Свой переезд из Вильно в Варшаву Милош уже считал изгнанием; тем более эмиграция во Францию была для него событием драматическим. Чувство малой родины — определяющее для Милоша, его «литовский текст» вызывал у некоторых поляков протесты. У Милоша было множество врагов как в Польше, так и на Западе: он не соответствовал модели представителя польской диаспоры.

Вторым докладчиком выступил Никита Кузнецов: он говорил о переводе прозы Милоша. Кузнецов только что издал по-русски знаменитый и лучший роман Милоша «Долина Иссы». Рассказав немного о книге Милоша «Захват власти» и выходящем в ближайшее время, ранее не публиковавшемся фантастическом романе «Парнасские горы», в котором автор пытается предсказать судьбу цивилизации, Кузнецов перешел к истории создания «Долины Иссы». Роман был написан в 1953-1955 годах, вскоре после эмиграции во Францию, то есть в один из самых сложных периодов в жизни Милоша. Перед нами книга о взрослении в бесконечно дорогих местах. В то же время сам Милош говорил, что «Долина Иссы» — один большой богословский трактат, пытающийся ответить на вопрос о происхождении зла. «Долина» — не полностью автобиографическая вещь, но из нее можно узнать многое о биографии Милоша. Многослойный и изменчивый язык романа заставляет многих говорить о поэтической прозе: это язык экзотический, наполненный литуанизмами, которые не знакомы даже многим образованным полякам. Пытаясь узнать смысл отдельных слов и выражений, Кузнецов должен был производить целые микроисследования; помогали ему в этом разные источники — от словаря Даля до современных жителей милошевских родных мест (так, название местного блюда «бандуки» разъяснила только недавно скончавшаяся жительница Шетеняя — последняя хозяйка, которая умела их готовить). Здесь встает классическая проблема переводчика — «остранение или одомашнивание?». Выбор первого пути позволяет судить о «самоэкзотизации» Милоша, его творческой позиции. В конце доклада Никита Кузнецов прочитал несколько фрагментов своего перевода «Долины Иссы» и продемонстрировал снятые в Шетеняе кадры, а также фотографии семьи Милоша, сделанные в начале XX века.

Мастер-класс этого дня был вновь посвящен недавним стихам Тадеуша Ружевича, в том числе «Профессия: литератор» и «Еще один день». Речь зашла о лаконизме Ружевича, его отказе от фигур и поэтизмов, драйве его текстов. Звучали сравнения с философскими текстами Витгенштейна.

День завершился встречей с вроцлавскими поэтами. Николай Иванов предложил участникам мастер-класса прочитать свои стихи и переводы. Выступили (по порядку) Лев Оборин, Анастасия Векшина (прочитавшая переводы из Мирослава Марцоля при участии самого автора и свои стихи), Наталья Горбаневская (переводы из Норвида, свои стихи), Уршуля Козёл, Сергей Семенюк, Владимир Штокман (свои стихи на польском языке), профессор Станислав Бересь, Владимир Окунь, Сергей Островских, Игорь Белов, Вера Виногорова (переводы из Лешека Журинского). Встреча с Уршулей Козёл произвела такое впечатление на лауреатов конкурса Ярославу Ананко и Генриха Киршбаума, что они отвлеклись от предложенных в мастер-классе заданий и принялись за переводы ее стихов. Надеемся, что вскоре эти переводы можно будет прочитать на страницах «Новой Польши».

Шестой день мастер-классов начался относительно поздно: с утра участники мастер-класса смогли побывать на проходившем во Вроцлаве фестивале Бруно Шульца. Не обошлось без накладок: переводчики так увлеклись разбором текстов Ружевича, что следующее событие дня началось с получасовым опозданием.

Перед участниками мастер-класса выступил поэт Евгений Чигрин, активно публикующийся в изданиях России и зарубежья, — в частности, была представлена только что вышедшая подборка его стихов в польской литературной газете «Миготаня» («Мигания»). Чигрин, один из учредителей Волошинского поэтического фестиваля в Крыму, недавно выпустил новую книгу «Погонщик». Он прочитал тексты из нее, а также из недавних журнальных подборок и еще не опубликованные. Стихотворения Чигрина — пространные полотна со сложным синтаксисом и своеобразным, эклектичным лексически-стилистическим строем, посвященные произведениям изобразительного искусства, городам, их обитателям и местным особенностям (например, подчеркивая колорит тех или иных мест, поэт неизменно упоминает здешний алкоголь); огрубляя, можно сказать о пейзажности/«физиологичности» текстов Чигрина. Польский переводчик Чигрина — финалист Милошевского конкурса, участник вроцлавских мастер-классов Владимир Штокман. Передачу формальных особенностей стиха в его переводах можно назвать виртуозной; изобретателен он и в подборе эквивалентов специфической чигринской лексики. Штокман отметил, что работа над переводом на неродной язык — это 80% интуиции.

Мощным итогом дня стал приезд из Америки сына Чеслава Милоша — Тони. Все отметили удивительное внешнее сходство сына с отцом. Тони Милош поблагодарил переводчиков за интерес к поэзии и назвал поэтический перевод мостом к толерантности. По предложению Николая Иванова участники мастер-класса прочли свои переводы из Чеслава Милоша: «Вальс» (Лев Оборин, Генрих Киршбаум/Ярослава Ананко), «Песенка на одной струне» (Татьяна Дубинина); «Рецепт» в переводе лауреата Милошевского конкурса Игоря Булатовского прочла Наталья Горбаневская. Она же завершила чтение фрагментом из своего перевода «Поэтического трактата».

Последний день мастер-классов начался с новой встречи с Тони Милошем. На этот раз он подробно рассказал о жизни своего отца во Франции и Америке, о времени, когда в Польше Милоша считали изгоем и вычеркивали из энциклопедий. Попав во Францию, Милош ощущал, что в воздухе здесь носились марксистские идеи. Через некоторое время он переехал в Америку, где как раз разгоралась антикоммунистическая паранойя и его как выходца из Восточной Европы считали коммунистом. Студенты Милоша, знавшие польский, первыми перевели его на английский язык, и постепенно он получил признание и в Америке. Милош говорил, что то, что часто произносят о разврате и паранойе Америки, справедливо, но большинство американцев — прекрасные люди, добрые труженики. Сегодня американцы, по словам пана Тони, считают Милоша своим поэтом, наравне с Уитменом или Фростом, — то, что Милош писал по-польски, их не останавливает.

Участники семинара Вера Виногорова, Лада Сыроватко и Сергей Семенюк прочитали свои переводы стихотворения «Żywotnik» — остальные участники продолжали работать над стихотворением во время и после окончания мастер-класса, уже разъехавшись по домам. Тони Милош подчеркнул необходимость сохранения ироничного тона в этом стихотворении и прочитал его блестящий перевод на английский. После этого он ответил на вопросы — о религиозности своего отца, об отношениях Милоша и Иосифа Бродского (в частности, речь зашла об известном письме Милоша к Бродскому, черновик которого пан Тони пообещал поискать в семейном архиве), о неприязненном отношении Милоша к песням на его стихи, предпочтениях поэта в музыке и живописи (о Пикассо Милош говорил: «Что-то с ним не так»). Говорилось и о привычках поэта в работе и чтении.

После перерыва участники семинара собрались, чтобы послушать Гжегожа Гаудена, директора польского Института книги. Пан Гауден рассказал о работе института, о поддержке переводчиков польской литературы: институт организует семинары, проводит Международный конгресс переводчиков польской литературы, оказывает финансовую поддержку проектам по переводу и популяризации польской литературы: только в прошлом году на перевод 1283 книг на 45 языков был выделен миллион злотых. Для переводчиков существуют стипендии с проживанием в Польше и премии (русским лауреатом премии «Трансатлантик» была Ксения Старосельская). Институт сотрудничает с крупнейшими книжными ярмарками мира, в том числе с российской «non/fiction». В 2011 г., который был объявлен годом Милоша, Институт книги помог выпустить 301 книгу поэта в 37 странах. В этом году такая же программа проводится для творчества Бруно Шульца и Януша Корчака. Планируются конкурсы и программы, посвященные Виславе Шимборской. Пан Гауден пригласил всех переводчиков польской литературы делиться с институтом своими проектами.

На торжественном закрытии семинаров были подведены итоги стихийно объявленного конкурса переводов Тадеуша Ружевича. По решению Игоря Белова и Натальи Горбаневской, первую премию — книгу Ружевича с автографом — получил автор этой статьи, вторые — Анастасия Векшина, Лада Сыроватко и Владимир Окунь. Кроме этого, всем участниками достались дипломы и книги от фонда «За вашу и нашу свободу» и вроцлавского отдела культуры. На банкете поднимались тосты за то, чтобы эта встреча переводчиков во Вроцлаве была не последней; фонд уже начинает думать о новых конкурсах в ближайшие годы.

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ УЧАСТНИКОВ ВРОЦЛАВСКОГО МАСТЕР-КЛАССА

Поскольку мастер-класс проводился во Вроцлаве и планировалась встреча с Тадеушем Ружевичем, возникла идея перевода его стихов. Благодаря Яну Столярчику мы получили шесть стихотворений из книги Ружевича «то да сё», которой еще только предстояло выйти в декабре. Оригиналы стихов были разосланы участникам мастер-класса заранее, так что работа началась еще до приезда во Вроцлав. Здесь приводятся по одному переводу пяти стихотворений и три перевода стихотворения (из восьми), вызвавшего как наибольшие трудности при осмыслении, так и наиболее разнообразные решения.

«Домашнее задание», перевод стихотворения Чеслава Милоша «Żywotnik», я дала участникам мастер-класса, честно признавшись, что сама на нем «зубы обломала». Далеко не все переводы оказались удачными. Выбираю лучшие.

Тадеуш Ружевич
ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗ КНИГИ «ТО ДА СЁ»

Улов

небеет
бледнеет
белеет
ветреет
пейзаж и человеческий образ
почему мне нельзя к этому бедолаге
прикоснуться стихом пером
снова вдохнуть в него жизнь

я случайно поймал его
а теперь он сквозь память
сквозь слова вытекает
и отплывает в ничто

а ведь эта мгновенная
фотография взглядом
была явлением Сущности Человека

никакого голоса свыше
только два слова

«добрэ утро»
и лицо старика

в синей рабочей куртке
выцветшие глаза
щетина белесая
мятая шапка, вместо трости
сучковатая палка
черные (пыльные) башмаки

15-16 июля 1978 года, Дом творчества в Ситнякове, Болгария.
Перевела Анастасия Векшина

еще один день

начинался
слепой день
без рассвета света
я начал вставать
вместе с ним
в пять в шесть
начинался день
встряхивался за окном
чёрный стряхивал воду
с ветвей с перьев
я поднимался
с незрячим днём
под каркающей тучей
кто-то умерший
впутался в мои
мысли пишущие пальцы
я говорил без слов
с ним ему

начинался какой-то день
теперь часто бывает суббота
два раза в неделю
вчера был вторник или пятница
сегодня воскресенье
знаешь
я снова написал стихотворение
вчера я прочитал
моё стихотворение которое вы написали
перед смертью
обрадовался что мы пишем
похожие стихи
я пишу стихи которые
похожи на стихи
многих поэтов
исполняется мечта
моей жизни
антология польской поэзии
без дат и без фамилий

произведения анонимных авторов
как это прекрасно
нет премий
за сочинение стихов

Перевел Денис Пелихов

на ты с Чеславом

Не «тыкали» мы,
не пили на
«брудершафт» («братаясь»)

всегда говорили друг другу
учтиво вы
был уговор
что «ты» это не для нас
а знакомы были мы
пожалуй лет 55
я не называл его ни
Чеслав ни Чесь
ни Чесек
не было такой потребности
ни ему ни мне
между «вы» и «вы» не может быть той
формы общения, которая может
быть между
Тадзем и Чеськом.

Перевела Наталия Процкая

из-за буквы

полумёртвые они еще грызутся
всё торгуются между собой
из-за слова
из-за буквы
на обелиске
ладно бы речь шла всего лишь
о том что в слове
стражался
есть одна лишняя буква
ладно бы речь шла
о букве «т»

но у них речь идет обо всём слове
о смысле истории
о том что он сражался
за нас
за них за нас
за вас
кровь сердца

кровь былого
разбавлена словами
беззубых стариков
которые грызутся
за погребенные ставшие пеплом кости

молодую кровь переливают сейчас
из пустого в порожнее

сводят счёты счета выставляют на счётах
костяшки щёлк-щёлк туда горы трупов
сюда крематорный дым
слышите как щёлкает зубами
разношёрстная
свора псов
националистов
что
наполняют ненавистью
слова «прощается вам»

видите стариков
над могилой
неизвестного и известного солдата
трупным ядом ненависти
отравляют они молодые сердца
и головы внуков

сказал же Неизвестный
вам поэт наш поэт
«Не Бог создал прошлое, смерть и страданье,
Но тот, что рвет закон (...)
Прошлое — нынче, чуть-чуть лишь подале (...)»*

Перевел Владимир Окунь

профессия: литератор

вижу и описываю
это эпика
роман повесть

чувствую и описываю
это лирика
поэзия

думаю и описываю
это философия
«дидактическая» поэзия

* Из стихотворения Ц.Норвида «Прошлое» (пер. Н.Горбаневской)

чувствую вижу думаю
и должен Это описать
это вдохновение

чтение переписывание
поправки и чтение
молчание и бешенство
прочитывание
именно это и есть «профессия»
писателя поэта и
литератора

Перевел Владимир Штокман

боюсь бессонных ночей

Как за тридевять земель
да за тридевять морей
был в Узбекистане хен он
не боялся бессонных
ночей принесло его из Самарканда
да в Констанцин
на Собеского 21
глядь хен под руку идет
с королем Стасем
Телком да Боем да Монте (с кем?)
пробуждаюсь
верчусь с боку
на бок потом на третий
четвертый да сколько же этих боков?
боюсь я бессонных ночей
прямо не знаю что делать
с ногами с ушами волосами
глядь
хен-то уже в Самарканде
под руку с Тамерланом
этот Тимур-Хромец
вот уж был супер-любитель резни геноцида
хен и там хен и сям
тут палит на Поморском валу
там штурмует Варшаву
а тут Иренку (у меня отбивает)
на танго просит
аж Люцину великую
как возгордился гляди
он же ей едва до груди
недомерок
но мы недомерки
сила...
вот и Наполеон и старина Фриц Великий
были не выше...

и Александр Мать-его-Донский
corpore parvus erat
и маленький рыцарь что усик крутит
братный тоже не longinus
айда! Юзек купим себе котурны
а после... марш-марш
в свои урны...

Перевела Татьяна Дубинина

я боюсь бессонных ночей

Ой да хен за семью горами
ой да хен за семью лесами
в Узбекистане был хен
он не боялся бессонных
ночей занесло его из Самарканда
в Констанцин
на Собеского 21
смотрю он идет под руку
с королем Стасем
Циолеком Боем и Монте (скье?)
просыпаюсь
переворачиваюсь с одного боку
на другой после на третий
четвертый да сколько их у меня?
потому что не знаю что делать
с ногами с ушами волосами
смотрю
а тот уже далеко в Самарканде
под руку с Тамерланом
ведь это же
Тимур Хромой мясник
это был суперпалач
то тут хен то там
тут шмальнет из ружья на Поморском валу
там завоевывает Варшаву
а тут Иренку (отбитую у меня)
на танго просит
самоё Люцину
вот как его заносит
он к ней на грудь головой бросается
коротышка
но мы коротышки
это сила...
и Наполеон, и Старый Фриц Великий
были маленькие, как...
и Александр Маке-Донский
corpore parvus erat
и маленький рыцарь так и стригущий усами
братный тоже не longinus

эй! Юзек купим котурны
а потом... марш марш
да в урны...

Перевел Лев Оборин

Боюсь бессонных ночей

Хен ли за семью горами
хен ли за семью лесами
в Узбекистане жил-был хен
он не боялся бессонных
ночей занесло его из Самарканда
аж в Констанцин
на Собеского 21
смотрю идёт под руку
с королем Стасем
Циолеком и Боем и Монте(скьё?)
просыпаюсь
поворачиваюсь с одного боку
на другой потом на третий
четвертый сколько же у меня боков-то?
боюсь бессонных ночей
ибо не знаю что делать
с ногами ушами волосами
смотрю
а хен уже в Самарканде
с Тимер-Ленгом под руку рассекает
с Тимуром-Хромцом живорезом
вот уж был редкостный кровопийца
хен тут хен там
тут бабахнет на Поморском валу
там Варшаву возьмёт с налёту
здесь Иренку (у меня отбитую)
вот уж саму диву Люцину
на танго просит
куда кичливость его возносит
а головой-то не выше бюста
шибздик
нас шибздиков
нет сильнее
ведь и Наполеон и старина Фриц Великий
были малы как...
и Александр Мачо-Донской
corpore parvus est
и малютка-рыцарь что стрижет усами
братный тоже не longinus
Гей! Юзек, станем на котурны
а потом ать-два
до урны...

Перевела Лада Сыроватко

КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ «Я БОЮСЬ БЕССОННЫХ НОЧЕЙ»

Стихотворение насыщено сложной и многозначной игрой слов, связанной с биографией, названиями и темами произведений Юзефа Хена (род. 1923) — польского прозаика и сценариста. В начале Второй Мировой войны Хен бежал из Варшавы на восток и оказался на территории, оккупированной Советским Союзом. Почти все его родные, оставшиеся в Польше, погибли в гетто или лагерях. В 18 лет был призван в Красную армию. В 1942 был отправлен в армию Андерса, но эвакуироваться с ней не смог (возможно, его не взяли по состоянию здоровья, но более вероятно, потому что еврей). Когда армия эвакуировалась в Иран, добрался в *Самарканд (Узбекистан)*, где учился в педучилище, работал рабочим на винно-водочном заводе. Долго добивался, чтобы его взяли в армию. В 1944 был наконец взят в польскую армию, создававшуюся на территории СССР под названием Войско Польское. Оно, в частности, принимало участие в битве за прорыв *Поморского вала* — сильно укрепленной линии обороны немцев. Заметим, что ни в этой битве, ни во взятии *Варшавы* Хен участия не принимал. В интервью «Новой Польше» он говорит: «...мы шли из Жешува вперед — освобождая Дембицу, Тарнув, Бохню и двигаясь на Краков...» После войны Хен начал печататься и с годами стал популярным писателем и киносценаристом. Среди его книг — три тома дневников «Не *боюсь бессонных ночей*», давших название стихотворению Ружевича, биографические книги «Шут — великий муж» об упоминаемом в стихотворении *Бое* (Тадеуше Бое-Желенском), «Я, Мишель Монтень...» — автор стихотворения «колеблется», о каком *Монте* идет речь, тем более что Хену принадлежит еще и очерк о французских энциклопедистах; «Мой друг король. Повесть о Станиславе Августе», откуда в стихотворение попал *король Стась*. С ним же связан и *Телок* (Тёлек, или, если угодно, Циолек, в переводе телок, теленок) — герб рода Понятовских: «...в белом поле вол, или теленок, цвета красного, идущий вправо. В нашлемнике выходящая голова теленка, также обращенная вправо...» (Русская геральдика. Гербы родов выезжих. Гл. 17). Не исключено, что с родом Понятовских связано и вышеупомянутое *Монте*: Conte di Monte Rotondo, граф Круглой Горы, — титул К.Л.Понятовского, внучатого племянника короля Станислава, и его потомков.

Констанцин — под Варшавой (ныне в черте города), где находился Дом творчества польского литфонда (на ул. Яна *Собеского, 21*).

Тимур-Ленг — в русской традиции Тамерлан, по прозвищу *Хромец*.

Люцина — по-видимому, знаменитая красавица-актриса Люцина Винницкая.

Aleksander Mace-Doński (в оригинале, переведено у разных переводчиков по-разному) — так по-польски (только, конечно, без дефиса и заглавной буквы в середине слова) пишется Александр Македонский (см. след. прим.).

corpore parvus erat — «был ростом мал», формулировка, часто встречающаяся в латинских сочинениях, в частности в переводе Марциала из Гомера, и в русских: «Певец Давид был ростом мал» (Пушкин), но нам важен лишь один случай ее употребления, крылатая фраза, автора которой мы не нашли: «Alexander Magnus corpŏre parvus erat», «Александр Великий (т.е. Македонский) ростом был мал».

маленький рыцарь — прозвище пана Володыёвского, героя одноименного романа Сенкевича.

Братный Роман — участник Варшавского восстания, затем коммунистический писатель, приближенный к партийным верхам. Заметим, что, парадоксально (и о чем вряд ли знал Ружевич), роман Хена «Тост», по которому снят к/ф «Закон и кулак», и роман Братного «Тают снега» вышли в СССР в 1989 (т.е. уже во времена «перестройки и гласности») в одной и той же антологии польских детективов.

longinus — вероятнее всего, в этом стихе имеется в виду «тоже не длинный» (длинный — longus). При подготовке комментария мы вспомнили ряд исторических лиц, носивших это имя: мученик-сотник Лонгин, философы Псевдо-Лонгин и Кассий Лонгин — тогда фразу о Братном можно было бы понимать (но не переводить!) как «тоже не мученик» или «тоже не философ». Однако, как указал нам специалист по Ружевичу Ян Столярчик, речь идет не об историческом лице, а о действующем лице исторического романа Сенкевича «Огнем и мечом» — это Лонгин Подбипента, «сорвиголова», худой и длинный, обладающий «нечеловеческой силой». Он погиб, прорываясь из Збаража к королю Яну Казимиру.

Комментарий составлен коллективно участниками мастер-класса
(особенно большой вклад внесла Лада Сыроватко)
и Натальей Горбаневской.

Czesław Miłosz

ŻYWOTNIK

1.
Niezbyt rozumny ale wyznaczony,
Żeby swoj język rodzinny uświetnił.
Pewnie za sprawą specjalnej ochrony
Wiek zatracenia i zagłady przeżył.

2.
Igraszka losu, ktory się otwiera
Tylko stopniowo, jak gdyby gra w karty,
Nie oczekiwał rozgłosu ni berła,
Ani że dotknie strun krolewskiej harfy.

3.
Pobożne dziecię, zabobonny chłopek,
I prostoduszny miał zostać do końca.
Jego naiwność czytali na opak,
Choć była śmieszna i zawstydzająca.

4.
W rejestrze plemion był Polak litewski,
Mieszkaniec baśni pogańskich i mitu.
W dzieciństwie słyszał starodawne pieśni,
Nie wiedząc o tym uczył się sanskrytu.

5.
Dymiła wojną porażona ziemia.
Mowiono wtedy, że bol nas oczyści.
Zazdrościł innym czystego sumienia
I wiary w triumf narodowej misji.

6.
Cierpiał i myślał, że cierpi za mało.
Szedł korytarzem w nieruchomym tłumie.
Wielu z nich jego pamięci żądało.
Czuł wstyd, że żyje i więcej rozumie.

7.
Można rzec o nim, że podziwiał ludzi
Albo ich kochał, co pewnie jest jedno.
Bo ostatecznie dla kogo się trudził
Skoro odrzucał abstrakcyjne piękno?

8.
W swoim myśleniu nieco pogmatwany,
Zgłaszał swoj udział w rozmowie pokoleń.
Bardzo potrzebni są tacy szamani.
Bez ich mamrotań co począłby człowiek?

9.
Trwało wznoszenie ogromnej katedry
Z westchnień, okrzykow, hymnow i lamentow
Na dom dla wszystkich, wiernych i niewiernych
Na poskromienie prymitywnych lękow.

10.
Inaczej mowiąc, wierzył, że są wagi
Albo i miary ostatniego sądu,
Kiedy ukaże się nareszcie nagi,
Bez udawania i światopoglądu.

11.
Bawił się poźniej nadzieją kompensat
Za to, że stary, głuchy i kulawy
Poszukiwania sensu nie zaprzestał
I nie chciał żyć z samej tylko wprawy.

12.
A dużo było niezrozumiałego.
Choćby dwoistość żądz i aspiracji.
Ostatnim słowem stało się «Dlaczego?»
Zanim świadomość i pamięć utraci.
[2002]

ЖИВУЧИЙ

Не одарён — скорее, предназначен
Родной язык раскрыть с особой силой,
В столетье нескончаемого плача
Он выжил под защитою незримой.

Игра судьбы была неторопливa
(Так опытный игрок скрывает карты):
Его рука сыздетства не спешила
Взять скипетр, прикоснуться к струнам арфы.

Ребёнок набожный и суеверный отрок,
Всю жизнь он оставался простодушным.
Конфузливая дикость шла за гордость,
Наивность диковатая — за ушлость.

Поляк литовский в племенном реестре,
Последний всплеск языческого мифа,
Из колыбельных, из потешек детских
Впервые получил урок санскрита.

Во все концы земли война дымила.
Твердили: «Нас страдание очистит».
Как он завидовал неколебимой
Уверенности в правде общей миссии!

«Страдаю мало», — он, страдая, думал.
Чутью послушный, памятью ведомый,
Шёл длинным коридором толп угрюмых,
Стыдясь, что жив и верой их не болен.

Сказать ли: «До того он восхищался
Людьми — или любил их, всё едино —
Что ради них, обычных, отказался
От красоты как высшего мерила»?

Слегка растрёпан мыслями, сумбурен,
В спор поколений взнос вложил подушный.
Как многие, шаманий слушал бубен:
Кто проживёт без этих погремушек?

Из вздохов, гимнов, тихих ламентаций
Возводятся незыблемые своды.
Здесь общий дом для верных и отпавших,
Здесь укрощенье первобытных фобий.

Он верил: есть весы с неложной мерой.
На Страшный Суд все явятся такими,
Как есть — без покрывал мировоззрений,
Без фиговых листков идей. Нагими.

Всё тешился надеждой: возместится
И хромота, и глухота, и старость,
Всё смысл искал и не хотел смириться,
Что только по привычке жить осталось.

А сколько в ум вмещаться не хотело —
Да хоть бы двойственность его желаний.
Последнее, что выдохнул: «Dlaczego?» —
И всё померкло: память и сознанье.

Перевела Лада Сыроватко

ЖИТИЙНИК

1
Не слишком мудрый, был он предназначен
К тому, чтоб свой язык прославить в мире.
Его опека свыше, не иначе,
В век катастроф от гибели хранила.

2
Как шулер забавлялся рок лукавый,
Поочередно раскрывая карты,
И он не ждал ни скипетра, ни славы,
Ни что коснется струн священной арфы.

3
Он с детства был благочестивый малый
И простодушным до конца остался.
В наивности его подвох искали,
А он, стыдясь, смешным себе казался.

4
Был помесью поляка и литвина
Из сказки, из языческой легенды.
Ребенком, слушая напев старинный,
Санскриту он учился незаметно.

5
В войну земля сплошной дымила раной.
Завидовал он говорившим твердо
О пользе очистительных страданий
И о триумфе миссии народной.

6
Страдал, жалея, что страдает мало,
Шел коридором, где толпа застыла.
И столько мертвых к памяти взывало,
Что жить и мыслить ему было стыдно.

7
Людей любил или дивился только?
Еще вопрос, считать ли это разным:
Ведь он трудился, отвергая стойко
Любой абстрактной красоты соблазны.

8
Порой блуждала мысль тропой окольной,
Но в споре поколений вес имела.
В таких шаманах есть большая польза —
Без плясок с бубном не начнется дела.

9
По вздоху, вскрику, по слезе, по гимну
Строительство собора шло с размахом —
Во разрешенье разногласий мнимых,
Во укрощенье первобытных страхов.

10
Иначе говоря, он верил в чаши
Весов и в меры, то есть в суд последний,
Где будет взвешен он как есть, без фальши,
И без одежд, и без мировоззренья.

11
Он тешился надеждой компенсаций
За то, что став и хром, и глух под старость,
До смысла все пытался докопаться,
Одной привычкой жить не соглашаясь.

12
Но даже личных чувств и притязаний
Не смог понять он противоречивость.
С последним «почему?» угасла память,
А следом и сознанье отключилось.

Перевела Татьяна Дубинина

ВЕЧНОЗЕЛЕНЫЙ

1.
Не за ум, но за нечто иное был призван
Польскую речь утвердить знаменитой.
Пережил свой век и его катаклизмы —
Видимо, был под особой защитой.

2.
Им играла судьба, и в игре открывалась
Медленно, будто умелый картежник.
Славой не был обласкан; рука не касалась
Арфы монарха, регалий вельможных.

3.
Он набожность детства из сердца не вытряс,
Простодушие также осталось на месте.
Только ему, в ком все видели хитрость,
Эта наивность не делала чести.

4.
Родом он был из литовских поляков.
Сказки и мифы достались в наследство.
Он не различал еще призрачных знаков
Санскрита, впитанных с песнями детства.

5.
Оставляла война за собой пепелища.
Иные искали надежду в потере.
Боль, говорили, нас сделает чище.
Как он завидовал искренней вере!

6.
Сквозь толпу неподвижных пытался пробиться.
Думал: еще ему мало страданий.
Помни о нас, говорили те лица.
Он стыдился своих и жизни и знаний.

7.
Можно сказать, что он людям дивился,
Или — что одно и то же — любил их.
Для кого же иначе он отрешился
От красот абстрактных, некогда милых?

8.
В мыслях неточный и непостоянный,
На равных вступал в разговор поколений.
Миру нужны такие шаманы,
Как жили бы люди без их песнопений?

9.
На возведенье громады собора
Шли восклицания, гимны и вздохи.
Дом для неверных и верных, в котором
Усмирится страх примитивной эпохи.

10.
Верил он, если сказать по-иному,
Что к нему подойдут с неложною меркой
На последнем суде, где не стыдно нагому
И душа не покажется лицемеркой.

11.
В том, чтоб жить по привычке, мало отрады:
Он на поиски смысла пустил свою старость,
Хромой, тугоухий — и чаял награды,
Что за упорство ему причиталась.

12.
Многих ответов он не добился.
Например, отчего так двоились желанья?
Напоследок сказал «Почему?» — и свалился
В пропасть без памяти и сознанья.

Перевел Лев Оборин

Другие переводы заглавия: «Живу-честь» (Вера Виногорова); «Живучи» (Наталия Процкая) — в письме ко мне она объяснила множественное число: имеются в виду и автор, и язык; «Жизнестойкий» (Алла Чучина) с примечанием: *Żywotnik* — Туя, вечнозеленое растение. Символ благочестивого очаровательного человека, способного пережить упадок, следующий за периодом расцвета... Подобно вечнозеленому растению, одетому в природную зелень, он сохраняет приятный и милый внешний вид в самом тяжелом климате и в самую неблагоприятную погоду (EMSYI,таб.51-11, с.322). Дерево представляет неистощимую жизнь, а потому оно эквивалентно символу бессмертия (Эмблематика); «Живчик» (Александр Быков, в мастер-классе не участвовал, сделал перевод по подстрочнику участницы мастер-класса Ирины Титоренко) — это заглавие я и сама выбрала бы. Сергей Семенюк выбрал то же заглавие, что и Лев Оборин.

И, наконец, позже всех — и, по-моему, лучше всех перевел стихотворение мой коллега по мастер-классу Игорь Белов. Вот его перевод:

ЖИВЧИК

Лёгок он был на подъём, тот парень,
время убийц и утрат переживший —
знал он, что кто-то ему подарит
новую речь и заботу свыше.

С ним в подкидного судьба играла,
пряча тузы в рукаве до срока,
и в комплиментах под звон бокалов
он никакого не видел проку.

Набожный юноша, робкий мальчик,
был он таким — и таким же будет,
пусть даже это совсем не значит,
что простодушию верят люди.

Был он поляк, но поляк литовский —
там, где за сказкой полжизни скрыто,
песни былого почти по-свойски
в детстве учили его санскриту.

Дымилась от пролитой крови планета,
болтали, что боль очищает души.
Он молча завидовал вере этой
и тем, кто тогда уже знал, как лучше.

Страдал, и считал, что страдает мало,
шёл коридором стоящих смирно.
Солнце с упрёком над ним пылало.
Стыдно, что жив. И что умный — стыдно.

Нет у любви ни границ, ни правил —
чтоб над строкой не краснеть от злости,
ради читателя он оставил
свой бастион из слоновой кости.

Путаясь в мыслях, но не робея,
он разговаривал с целым миром.
Право, без эдаких чародеев
глохнут сердца и ржавеет лира.

Строился храм — из вчерашних песен,
завтрашних вздохов, молитв и плача,
дом, что вовеки не будет тесен
и не окажется вдруг утрачен.

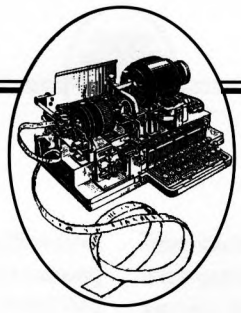
И шелестело его устами
это предчувствие непростое —
мол, на последнем суде узнаем,
кто мы, зачем и чего мы стоим.

Пусть его зрение, слух и почерк
старость упрямо брала в кавычки,
смысла взыскующий днём и ночью
не научился жить по привычке.

Когда ж на границе вселенской стужи
сознание тлело и гасла память,
он только вымолвил «Почему же?» —
и ничего не успел прибавить.

Перевел Игорь Белов

Выбрала и подготовила к печати Наталья Горбаневская



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» «Европейский союз из «Европы национальных государств» всё отчетливее преображается в «Европу наций», где нация выступает в роли экстратерриториальной культурной автономии, как ее рассматривали Карл Риттер и Отто Бауэр применительно к Австро-Венгрии, а Владимир Медем — применительно к Польше, Латвии и России. В определенной степени Европа уже стала территорией диаспор, и этот процесс развивается всё дальше. Сегодня можно оставаться поляком в Лондоне и Эдинбурге точно так же, как в Варшаве или Торуни. (...) Синхронное разнообразие (равно как и диахронная изменчивость) — обычное в наши дни явление, во многом определяющее состояние современной культуры. Можно быть одновременно кашубом и поляком, равно как великополянином и поляком», — проф. Зигмунт Бауман *(«Польска», 28-30 дек.).*

» «4 декабря 2012 г. (...) председатель Общества польских экономистов Рышард Петру на страницах портала Biznes.pl беседовал с комиссаром ЕС по делам бюджета Янушем Левандовским. Тот заявил, что у польского правительства есть полгода, чтобы принять ключевое решение, вступит ли Польша в зону евро в течение ближайших двух лет. В противном случае Польша останется за границами еврозоны со всеми вытекающими последствиями — смертельным для предпринимателей валютно-курсовым риском, огромной стоимостью обслуживания долга, низким доверием в глазах европейских инвесторов и, как результат, плодами политического характера, связанными с нахождением Польши в «буферной зоне». (...) Беседа произвела такое сильное впечатление, потому что в течение нескольких месяцев польское общественное мнение кормилось устаревшей информацией и заоблачными прогнозами относительно ситуации в Евросоюзе вообще и в еврозоне в частности. (...) В случае с евро речь идет о проводимой с 1989 г. политике (...) глубокой и безоглядной интеграции Польши в западные военные, политические и экономические структуры. Отказ от этой политики (...) свел бы на нет все усилия правительств Мазовецкого, Белецкого, Бузека и Миллера» *(Цезарий Михальский, «Тыгодник повшехный», 6 янв.).*

» «Поляки (...) скептически относятся к переходу на евро — следует из опроса общественного мнения, проведенного институтом изучения общественного мнения «Homo Homini». В настоящее время около трети поляков выступают за введение общей валюты. При этом примерно две трети хотели бы остаться со злотым. (...) В этой связи «Гражданская платформа» (ГП) готовит информационную кампанию и публичные дебаты о евро с целью скорректировать настроения поляков. (...) Переход на другую валюту невозможен без соответствующих изменений в конституции. А без поддержки «Права и справедливости» (ПиС) или «Солидарной Польши» коалиция не наберет большинства голосов для внесения поправок в основной закон» *(Гжегож Осецкий, «Дзенник — Газета правна», 4-6 янв.).*

» «Охваченные внутренней паранойей, мы не понимаем, что наши судьбы решаются совсем не здесь. Измученная кризисом Европа ищет выход. (...) И если мы упустим момент, то потом очнемся где-нибудь на ее периферии, на солидном расстоянии от объединившегося в трудную минуту центра, без всякой поддержки, без всяких гарантий, без тормозов, сдерживающих наше собственное безумие. В первом десятилетии Третьей Речи Посполитой приоритеты во внешней политике были общими для всех политических сил. Все (...) понимали, что во внутренние дела не стоит впутывать дела внешнеполитические. Сейчас так уже мало кто думает». *(Ян Видацкий, «Пшегленд», 31 дек. — 6 янв.).*

» «Экономисты прогнозируют, что до 2017 г. о переходе на евро нечего и мечтать. Так что основная борьба разворачивается вокруг конституционного большинства в новом парламенте. Весьма возможно, что предвыборная кампания будет проходить под лозунгом: голосуйте за нас,

и тогда Польша окажется в зоне евро. А предвыборный лозунг оппонентов может звучать так: голосуйте за нас, и мы убережем вас от зла, которое сулит нам вхождение в зону евро. Кто знает, не станет ли это главной интригой грядущих парламентских выборов» ***(Роберт Альберский, «Жечпосполита», 5-6 янв.).***

» «Беднее нас в Евросоюзе только три страны, а всего полгода назад мы опережали четыре — гласят данные «Евростата». Средний ВВП на душу населения с учетом покупательной способности составляет 64% от средней по Евросоюзу — посчитал недавно «Евростат». Хуже дела обстоят только в Латвии (58%), Румынии (49%) и Болгарии (46%)» *(Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 17 дек.).*

» **«В первое десятилетие века наша экономика выросла на 46%. Однако при этом разрыв между самыми богатыми и самыми бедными регионами только усилился. Если в начале первого десятилетия объем ВВП в самом развитом регионе был в 25 раз выше, чем в самом слабом, то за десять лет этот показатель вырос до 29-ти. Не помогли и финансовые потоки, которыми накачивались экономически слабые регионы в целях хоть как-то поднять их уровень развития»** ***(Патриция Мациевич, «Газета выборча», 24-26 дек.).***

» «Сотен миллиардов евро — и тех, что уже достались Польше безвозмездно, и тех, что ей обещаны, — не хватит, чтобы уничтожить цивилизационную разницу между нашей страной и западным миром. За 22 года экономической свободы — я не говорю о свободе политической, она тут, скорее всего, ни при чем, — мы так и не поднялись в рейтинге наций по сравнению с временами ПНР и межвоенной Польши. Земли, сегодня принадлежащие Польше, куда выше котировались в XIX веке», — проф. Бронислав Лаговский. *(«Пшеглёнд», 31 дек. — 6 янв.).*

» **«Европа, а в особенности Евросоюз, — сегодня крупнейший торговый партнер США, куда крупнее, чем Китай. Объем же торговых операций между США и Польшей составляет только 1% от всех торговых сделок между США и всей Европой», — Стивен Д. Мулл, посол США в Польше** ***(«Газета выборча», 28 дек.).***

» «Почти на 20% по сравнению с 2011 г. выросло количество реализованной сельхозтехники, — сообщает агентство «Мартин & Якуб». — (...) 40,2 млрд. злотых получили сельские хозяйства в рамках Программы развития сельских районов на 2007-2013 гг. (...) По сравнению с другими странами Польша оказалась лидером по реализации данной программы» (*Мартина Войцеховская, «Дзенник — Газета правна», 28-30 дек.).*

» **«Запрет на использование генетически модифицированных семян. (...) Посев семян картофеля Амфлора и 225 сортов кукурузы MON810 официально запрещен в Польше на основании двух распоряжений, принятых вчера советом министров. (...) Противники ГМО считают, что этого недостаточно, так как сам оборот семян не запрещен».** ***(«Жечпосполита», 3 янв.).***

» «Только с января по июль 2012 г. с учета снято 27 тыс. розничных торговцев, а зарегистрировано 18,1 тысячи. Это значит, что 8 тыс. субъектов торговли прекратили свою деятельность. Быстрее всего разоряются продуктовые магазины. (...) С января по июль прекратило существование 2,8 тыс. таких торговых точек. Часть коммерсантов, владеющих маленькими сельскими магазинами, не без успеха ищут спасения в системе франчайзинга. (...) Несмотря на кризис, рынок франшиз в Польше сегодня динамично развивается. (...) Авторы рапорта о рынке франшиз в Польше, подготовленного фирмой «Profit System», предсказывают, что к концу года количество магазинов, арендующих чужой бренд, вырастет на 7,5 тыс. — всего до 50 тыс. торговых точек» *(Александра Желенерская, «Польска», 4-6 янв.).*

» **«В прошлом году разорилось 940 предприятий — это печальный рекорд последних восьми лет. В 2013 г. этот показатель может вырасти до 1300».** ***(«Газета выборча», 3 янв.).***

» «Все вокруг говорят, что нас ждет трудный, кризисный год. (...) Рассчитывать на значительное увеличение заработной платы не приходится. В частных фирмах за целый год она увеличится на 3%, средняя годовая зарплата там составит 368 тыс.злотых. В секторах, где уменьшилось число заказов и, соответственно, уменьшилась прибыль, о повышении зарплат можно забыть. (...) Правительство заморозило фонд заработной платы бюджетникам. Пенсии вырастут примерно на 4%, а зарплаты в вузах — на 9%. Минимальная зарплата вырастет на 100 зл. и составит 1600 злотых. (...) Безработица может подскочить в первом квартале на 14,6%, это значит, что в службах занятости помощи будут искать

2,33 млн.человек, на 194 тыс. человек больше, чем в марте прошлого года, и на 277 тысяч больше, чем в ноябре. Экономисты рассчитали, что в конце года без работы окажется 13,9% поляков. Инфляция составит около 2,1% (...) то есть цены будут расти медленнее, чем зарплата. Мы будем больше платить за продукты, сигареты, городской транспорт и вывоз мусора. Может подорожать энергия. (...) Зато на 10% снизятся цены на газ и бензин. (...) В конце 2012 г. евро стоил 4,07 зл., доллар — 3,08, а швейцарский франк — 3,37. Курс валют, прогнозируемый на 2013 г., таков: 3,9 зл. за евро, 3 — за доллар и 3,2 — за франк. (...) В 2013 г. ожидается рост ВВП на 1,5% (по сравнению с 2,1% в 2012 г. и 4,3% в 2011-м). Правительство рассчитывает, что ВВП вырастет на 2,2%» *(Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 2 янв.).*

» **«По данным ЦИОМа, за последние 18 лет в два раза выросла доля поляков, довольных своими финансовыми успехами (с 9 до 23%). И в два раза (с 24 до 51%) выросло количество людей, удовлетворенных материальными условиями своей жизни. Разочарованных становится всё меньше. Сегодня 71% поляков утверждает: «В принципе мы довольны тем, как мы живем». 20% — «очень довольны», и за последний год группа «очень довольных» увеличилась вдвое. (...) ЦИОМ, 30 ноября — 6 декабря». *(«Газета выборча», 4 янв.).***

» «Как следует из опроса, проведенного институтом «Homo Homini», 34% анкетированных поляков боятся потерять работу. Свыше 60% верят, что им удастся ее сохранить. (...) Умеренные ожидания относительно роста зарплаты — сама по себе парадоксально позитивная информация. Эти люди рассчитывают остаться при своих рабочих местах за счет временного прекращения роста заработной платы. Для экономики это скорее благо, так как лучше пережить тяжелые времена, пусть и позволив себе определенную потерю дохода, чем стать безработным. (...) Ожидания работников совпадают здесь с декларациями работодателей, которые по мере сил стараются сохранить уровень занятости. (...) Они знают, что найти нового сотрудника после того, как экономические трудности останутся позади, будет нелегко» *(Гжегож Осецкий, «Дзенник — Газета правна», 31 дек. — 1 янв.).*

» **«Вознаграждение, которое платят своим сотрудникам зарубежные компании, на 72% выше, чем на отечественных предприятиях. (...) Почти 4,5 тыс. злотых — столько в среднем зарабатывают в месяц сотрудники фирм с преобладанием иностранного капитала. Польские частные компании платят своим сотрудникам немногим больше 2,6 тыс. зл. — согласно новейшим данным Главного статистического управления (ГСУ)». *(«Дзенник — Газета правна», 3 янв.).***

» «В 2012 г. (...) вплоть до ноября фирмы были должны своим сотрудникам свыше 208 млн. зл. невыплаченного жалованья — почти на 75,5 миллиона больше, чем в 2011-м. Согласно подведенной за 11 месяцев прошлого года статистике Государственной трудовой инспекции, 101 тыс. фирм имела проблемы с выплатой заработной платы, что на 34 тысячи больше, чем в 2011-м. Сложности с получением жалованья испытала 151 тыс. человек (в 2011 г. — 77 тысяч, что почти в два раза меньше)» *(Бартош Сендрович, «Газета выборча», 4 янв.).*

» **«Армия безработных насчитывает почти два миллиона, а свободных рабочих мест все меньше. (...) Среднее по стране количество безработных на одну вакансию выросло до 62 человек — еще в октябре их было 52» *(Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 20 дек.).***

» «30 ноября ГСУ представило два новых отчета — «Нищета в Польше в 2011 году» и «Многоликая польская бедность». В чем эта бедность, если коротко, заключается? Ей в первую очередь подвержена необразованная прослойка, а также многодетные семьи; молодежь как правило беднее стариков; семьи, живущие в деревнях и маленьких городках, чаще всего оказываются беднее семей из больших городов; высшее образование (...) по-прежнему служит надежным гарантом достатка; хуже всех живется безработным и людям, которых содержит общество. (...) Количество поляков, существующих на грани выживания, в 2004-2008 гг. сократилось с 12,3% до 5,7%, но начиная с 2011 г. снова стало расти — пока что минимальными темпами» *(Адам Ещинский, «Газета выборча», 29-30 дек.).*

» **«Я мечтаю, чтобы поляки наконец осознали: то, что для них норма, другие люди искренне считают роскошью. В Польше есть дети,**

которые недоедают, специально для них мы проводим программу «Арлекин» и собираем деньги, чтобы организовать бесплатные обеды в школах. Но в Африке дети вообще умирают с голоду! В Могадишо мы спасаем детей, находящихся на пороге голодной смерти. Но им нельзя просто дать кусок хлеба, потому что тогда они немедленно умрут, — тут необходимо специализированное питание. Для такого ребенка роскошь — это вовремя попасть в специальный центр, где ему спасут жизнь», — Янина Охойская, основатель и президент «Польского гуманитарного действия» (ПГД) ***(«Газета выборча», 3 янв.).***

» «У слез нет цвета, они у всех людей одинаковы», — Анжелика Киджо, певица из Бенина, выступила на гданьском фестивале «Солидарность искусств», а 28 декабря — на концерте в варшавском кафедральном соборе. *(«Жечпосполита», 27 дек.).*

» **«По данным «Евростата», финансовое положение польских пенсионеров значительно лучше, чем у их собратьев из стран Центральной и Восточной Европы. Однако для того, чтобы сравняться по уровню жизни с пенсионерами Западной Европы, им придется подождать еще... 59 лет. Средний размер пенсии в Польше два года назад был на 1% выше, чем в Чехии, почти на 5% выше, чем в Венгрии, и на 20% выше, чем в Словакии (...) на 69% выше, чем в Румынии, на 85% выше, чем в Болгарии. (...) Средний доход пенсионеров применительно к лицам, занимающихся своим хозяйством, ниже только по сравнению с доходами лиц, работающих на самих себя, но выше, чем в семьях служащих, крестьян и рантье. Терпят нужду 12% стариков, в то время как среди лиц, занимающихся своим хозяйством, количество бедствующих составляет 15%».** ***(Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 2 янв.).***

» «Каждый год в это время на интернет-форумах появляется множество сообщений родителей, шокированных информацией о том, что у их ребенка обнаружены вши. (...) Впрочем, подобные новости не удивляют сотрудников санэпидстанций» *(Иоланта Ойчик, «Жечпосполита», 15-16 дек.).*

» **«В 2012 г. пропало без вести свыше 17 тыс. человек. Специалисты бьют тревогу: в Польше всё чаще пропадают люди молодые и образованные, только вступающие во взрослую жизнь. Отсутствие работы и невозможность соответствовать требованиям, которые к ним предъявляет действительность, приводят к тому, что они порывают с семьей и друзьями, исчезая без следа»** ***(Гражина Завадка, «Жечпосполита», 20 дек.).***

» «Даже в Америке всё больше людей хочет не столько свободы, сколько безопасности. Боюсь, что проблемы будут нарастать, как снежный ком, люди станут жить дольше, детей будет рождаться всё меньше, а правительства будут не в состоянии выполнять свои обещания. Что в итоге может вызвать огромное общественное разочарование», — проф. Майкл Новак. *(«Жечпосполита», 29-30 дек.).*

» **«Власть над экономикой всё больше переходит в руки центральных банков. Они перестают быть политически нейтральными учреждениями. (...) Не успеем оглянуться, как окажемся в очень странно устроенном мире, очень мало напоминающем знакомую нам либеральную демократию»** ***(Витольд Гадомский, «Газета выборча», 7 янв.).***

» «67% поляков считают, что ситуация в стране меняется к худшему, — сообщает ЦИОМ. — 24% опрошенных полагают, что дела обстоят хорошо, 13% не определились с ответом. По сравнению с ноябрем оптимизм респондентов снизился на 10%. Подобным же образом люди оценивают политическую ситуацию (51% — негативно, 10% — позитивно), а также положение дел в экономике (41% считают его скверным, 40% — средним, 15% — хорошим). *(«Жечпосполита», 19 дек.).*

» **«Поддержка партий: ГП — 31%, ПиС — 22%, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Движение Паликота» — 4%, не определились — 22%. В выборах планирует участвовать 58% опрошенных. Избирательный порог составляет 5%. По данным ЦИОМа от 3-9 января».** ***(«Газета выборча», 11 янв.).***

» «В Польше Твиттер куда менее популярен, чем Фейсбук. Но именно в Твиттере политическая жизнь цветет пышным цветом. Количество пользователей Твиттера в Польше насчитывает 1-1,5 млн. человек. (...) С недавних пор на Твиттере зарегистрирован премьер-министр Дональд Туск (@premiertusk), его записи читают уже

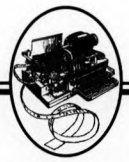
20 тыс. пользователей. Вот как выглядит рейтинг правительственных чиновников, составленный пользователями Твиттера исходя из критериев коммуникативности и остроумия: 1. Пресс-секретарь польского правительства Павел Грась @pawelgras (...). 2. Министр иностранных дел Радослав Сикорский @sikorskiradek (...). 3. Министр национальной обороны Томаш Семоняк @TomaszSemoniak (...). 4. Министр транспорта, строительства и морского хозяйства Славомир Новак @SlawomirNowak (...). 5. Министр администрации и информатизации Михал Бони @MichalBoni (...). 6. Премьер-министр Дональд Туск @premiertusk. 7. Министр финансов Яцек Ростовский @janrostowski. Информация из первых рук на тему экономической ситуации в Польше. Облигации и их рентабельность, публичный долг, ВВП. Для людей интересующихся знать о ситуации в польской экономике обязательно» *(Иоанна Мизютек, «Польска», 4-6 янв.).*

» Лех Валенса: «Туск действительно великолепен. Его поливают грязью со всех сторон — мол, он предатель, фашист, немецкий оккупант. А он держится. Кроме того, в прямых столкновениях не дает слабины, иногда даже выигрывая. (...) Работы у него навалом, да еще и сплошные несчастья кругом. (...) Он полностью самостоятелен. Это солист. (...) Всем остальным за ним не угнаться. (...) Коморовскому нравится быть президентом. Это сразу видно. Он порядочный, галантный. Да вот только подходит ли он для современного этапа развития Польши? Или нам всё-таки нужен президент-боец? Боец в хорошем смысле этого слова. То есть президент, который в открытую будет говорить о насущных проблемах, обращать внимание на самые разные аспекты, а не просто гладить всех и каждого по головке. (...) Ярослав Качинский и его брат не могли играть роль больше той, которая была им предназначена. Всегда оказывался кто-то, кто был лучше их. Поэтому они хладнокровно, осознанно сделали ставку на недовольных. На демагогов и популистов, хотя сами таковыми не были. Качинские — интеллигентные люди, они сделали это ради карьеры. Поэтому их и не любят. Они натаскали разных закомплексованных неудачников и в конце концов вышли в тираж». *(«Впрост», 17-26 дек.).*

» «12 декабря 2012 г. стала известна позиция Комиссии национальных и этнических меньшинств польского Сейма по поводу заявления депутата Ярослава Качинского во время его визита в Ополе. Комиссия с глубокой обеспокоенностью восприняла слова Качинского, произнесенные им в ходе визита в Ополе. (...) Однозначный протест комиссии вызвало заявление о том, что национальные меньшинства в Польше представляют угрозу для польского большинства. (...) Манипуляция национальными и этническими меньшинствами с целью взбудоражить общественность заслуживает безусловного осуждения. С этой точки зрения планировавшийся в Ополе марш «Здесь Польша», поддержанный Ярославом Качинским, — бессовестная апелляция к самым худшим традициям национальной ксенофобии и нетерпимости. Председатель Комиссии Мирон Сыч». *(«Пшеглёнд православный», янв. 2013).*

» «Нормальный поляк довольно-таки отстранен от того, что ему показывают по телевизору. И даже если какая-то политическая организация близка его сердцу, это не означает, что он принимает всё, что говорят ее лидеры. (...) Поляков не так легко заразить политическими эмоциями. Разумеется, они готовы выйти и отстаивать свои права, если кто-то попытается их нарушить, — хотя здесь речь идет не об идеологии или системе ценностей, а скорее о ситуациях, напрямую бьющих по карману. (...) В целом же поляки довольно аполитичны (...) и я не думаю, что борьба между политическими верхами привлечет обычных граждан. (...) Польша — не та страна, в которой легко спровоцировать конфликт, и политики, которые таким образом прокладывают себе путь к власти, должны быть для этого исключительно коварны и циничны», — проф. Януш Чапинский *(«Польска», 31 дек.).*

» «Калининград для поляков стал своего рода залом ожидания, — сокрушается Елена Рогачикова, председатель местной Национально-культурной автономии поляков «Полония». — Они приезжают сюда ненадолго, рассчитывая, что Польша совсем рядом и им удастся уехать обратно. Только очень многие так здесь и остаются. Насовсем, — добавляет она. (...) В области сейчас живет более 7 тыс. человек польского происхождения. Поскольку население всей Калининградской области насчитывает 940 тыс. человек, поляки составляют менее 1% населения региона» *(Петр Косцинский, «Жечпосполита», 19 дек.).*



» «В 2012 г., чтобы занять почти половину вакантных рабочих мест в Пясечненском повете, требовалось знание китайского или вьетнамского языков. Это связано с тем, что под Пясечным находится Волька-Косовская — огромный азиатский торговый центр. Вьетнамцы лучше китайцев интегрируются в местное общество (...) и на более долгий срок задерживаются в Польше. Их дети посещают местные школы, и учителя ставят трудолюбивых учеников-вьетнамцев в пример остальным. (...) Молодые вьетнамцы становятся юристами, врачами» ***(Войцех Карпешук, «Газета выборча», 20 дек.).***

» «Нелегальные мигранты — не преступники, поэтому центры, в которых они находятся, не должны быть похожи на тюрьму. Общественные организации представили вчера отчет, составленный на основании изучения условий в этих центрах. (...) В частности, общественники требуют: ликвидировать тюремный режим; ограничить досмотр, в особенности личный (включая досмотр тела человека) (...) ограничить использование наручников, прекратить вооруженное конвоирование, не перевозить людей в тюремных автомобилях; наладить оказание психологической помощи (при этом психолог не должен быть сотрудником пограничной службы); организовать юридическую помощь и обеспечить доступ к информации (...) не размещать детей в закрытых центрах» *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 19 дек.).*

» «Тихий, сдержанный герой польской демократии, каковым является Европейский суд по правам человека в Страсбурге, снова и снова пытается заставить польское государство уважать законы, принятые польским парламентом», — проф. Клаус Бахман, специалист по международным отношениям и европейским делам ***(«Газета выборча», 2 янв.).***

» «В Лодзи навстречу сотне националистов из Национально-радикального лагеря, «Всепольской молодежи» и группе футбольных фанатов в одиночку вышел *Лешек Яжджевский с плакатом «16 декабря 1922 г.: «Захента» — помним!»* [убийство президента Габриэля Нарутовича]. Когда националисты стаскивали его на землю и рвали плакат, он только успел крикнуть: «Помните о Нарутовиче!» (...) То, что случилось в Лодзи: когда националисты и футбольные фанаты бьют человека за то, что он хотел почтить память Нарутовича — одного из символов польской демократии, — наглядно демонстрирует, что сегодня угрожает нашей родине». *(Павел Вронский, «Газета Выборча», 18 дек.).*

» «В воскресенье перед «Захентой» представители левых сил отдали дань памяти убитому президенту Нарутовичу. Досадно, что всего их набралось человек 200-300. Пока националистов насчитываются сотни, есть смысл проводить индивидуальные акты протеста. Это, конечно, рискованно: всё-таки бьют, хоть и слабо. Но, когда националистов будет несколько тысяч, возможно, окажется поздно». — Лешек Яжджевский, главный редактор «Liberté!» ***(«Газета выборча», 18 дек.).***

» «Полиция задержала пятерых участников нападения на вроцлавский сквот «Вагенбург». (...) Это случилось 11 ноября [в День независимости] около 19.30, сразу после манифестации, организованной «Национальным возрождением Польши» (...) Большинству жителей сквота удалось бежать. Однако нападавшим удалось догнать 34-летнего Даниэля, жившего в «Вагенбурге» последние четыре года. Его сильно избили, к врачам он поступил с переломанными конечностями и серьезной травмой головы. Парень выжил, но медики всю ночь боролись за его жизнь. (...) Нападавшим было от 18 до 29 лет». *(Яцек Харлукович, «Газета выборча», 19 дек.).*

» «Это было той пасхальной ночью, когда горело варшавское гетто. Пламенем была охвачена целая треть города. Никогда не забуду ту картину: стена огня, и напротив нее — два светловолосых мускулистых солдата в черных мундирах с закатанными рукавами, с энтузиазмом поливающие из автоматов людей, прыгающих в этот самый огонь из окон и с балконов. Один из солдат заметил нас и жестом приказал: «Raus». Через несколько минут мы уже сидели за накрытым столом, делились пасхальным яйцом, произносили пожелания. Кто-то запел, и все подхватили: «Радостный день настал, которого мы так ждали. Христос воскрес из мертвых. Аллилуйя! Аллилуйя!..». Я хорошо запомнил фразу, которую убежденно произнес один из присутствующих — хороший человек, инженер, патриот, конспиратор, впоследствии погибший, как и большинство из сидевших тогда за столом, в «нашем» восстании: «Так или иначе, но в одном Гитлер нам помог»»,

— Станислав Брейдыгант, член правления Союза артистов польской сцены. ***(«Жечпосполита», 31 дек. 2012 — 1 янв. 2013).***

» «Культ реликвий в Польше распространяется довольно быстро. Церковь обеспечила массовое распространение реликвий второй степени — кусочков ткани, прикасавшейся к мощам святых» *(«Жечпосполита», 22-23 дек.).*

» **«Вчера в Страсбурге Польша подписала Конвенцию о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Конвенция призвана защитить женщин от дискриминации, в том числе экономической. Епископат полагает, что развитие «нетипичных гендерных функций», к чему прямо призывает конвенция, можно расценивать как пропаганду «гомосексуализма и транссексуализма»».** ***(«Газета выборча», 19 дек.).***

» «С христианской точки зрения причинять боль животному считается плохим поступком не потому, что заставляешь страдать живое существо, а потому, что человек, осознанно издевающийся над животным, совершает грех» *(Филипп Мемхес, «Жечпосполита», 27 дек.).*

» **«Кристоф Кох, американский нейробиолог (...) заявил (...) что «структурно-бихевиоральная связь между человеком и животным противоречит укорененной в иудеохристианском мировоззрении вере в исключительность человека». Если мы хотим сохранить собственную человечность, мы должны научиться распознавать ее и в животных. Сумеешь это сделать — значит, ты человек открытый и можешь смело подвергать сомнению очевидные вещи»** ***(Александра Клих, Роберт Шеветек, «Газета выборча», 29-30 дек.).***

» «Не только животные становятся жертвами ритуального убоя скота. В определенном смысле жертвой оказывается всё общество, допускающее такую жестокую практику. Во-первых, у людей существенно снижается эмоциональный «болевой порог». Одобряя жестокость, мы становимся хуже. Во-вторых, демонстрируем, что экономические и мировоззренческие факторы делают возможным издевательство над другими существами. А это может иметь самые опасные последствия. Легализуя неоправданную жестокость в одном случае, мы рискуем сделать это повсеместной нормой, распространив такую порочную практику на остальные сферы жизни», — доктор Богдан Дзебковский *(«Жечпосполита», 3 янв.).*

» **«— По данным ООН, в Польше ежегодно забивают 600 млн. голов скота (...), — сообщил Дарек Гзыра из общества «Сострадание» в ходе посвященной отношению к животным дискуссии на страницах «Газеты». — В настоящее время проблемами скота занимается министерство сельского хозяйства, которое относится к коровам как к ходячим кускам говядины, — подчеркнул биоэтик проф. Анджей Эльжановский»** ***(«Газета выборча», 21 ноября).***

» «В 2012 г. Ясную Гору посетило 3,3 млн. паломников и туристов. В 203 всепольских паломничествах участвовало ок. 780 тыс. паломников. По сравнению с предыдущим годом количество людей, посетивших святыню, выросло на сто тысяч. *(«Жечпосполита», 2 янв.).*

» **«Как сообщает RadioFrack MillwardBrown SMG/KRG, рейтинг радио «Мария» в сентябре-ноябре составил 2,9%, тогда как в аналогичный период 2011 г. насчитывал 2%. Рост этого показателя отмечается в основном в сельской местности».** ***(«Жечпосполита», 28 дек.).***

» «Почему мы, поляки, католики, охотно признаём христианские ценности, но при этом спокойно вывозим мусор в леса, сливаем нечистоты в каналы, ездим «зайцем», нарушаем правила дорожного движения? (...) Налоговые махинации, нарушение авторских прав, плагиат, пиратство, коррупция, использование служебного положения в корыстных целях — всё это мы понимаем как нарушение закона, но не рассматриваем в категориях греха. (...) А коль скоро это не грех — значит, не нужно о нем жалеть, не нужно пытаться исправить ситуацию, не нужно в этом исповедоваться» *(Конрад Савицкий, «Газета выборча», 22-23 дек.).*

» **«Ошибку чиновников, передавших Церкви сотни гектаров земли, пытается исправить министр администрации и информатизации Михал Бони. Следующим шагом должна стать реституция или — если вернуть землю уже нельзя — взыскание убытков. (...) В мае 2012 г. Вроцлавский апелляционный суд постановил, что земля была передана с нарушением законодательства. Сотрудники Управления сельхознедвижимости были осуждены за взяточничество. (...) Во многих случаях возврат земельных участков в соб-**

ственность государства невозможен. Подобным образом обстоят дела с возмещением ущерба. За ошибочные решения отдельных административных органов расплачивается всё государство» ***(Изабеля Кацпшак, «Жечпосполита», 20 дек.).***

» «Он не шел на компромиссы с коммунистами». (...) «Самый непримиримый епископ в Польше, решительный противник социалистического строя, постоянно подчеркивавший это во время своих публичных выступлений», — так об умершем в субботу архиепископе Игнации Токарчуке написал полковник Адам Петрушка, начальник 4-го департамента МВД [ПНР]. (...) Без всякого согласования с властями он открыл 220 новых приходов. (...) В 1966-1993 гг в Перемышльской епархии было построено свыше 400 храмов и столько же домов катехизации. (...) Он активно поддерживал «Солидарность», а до того, еще в 70-х, — членов Комитета защиты рабочих и Движения защиты прав человека и гражданина. (...) Выступал за люстрацию священников. (...) В 2006 г. был отмечен наивысшей польской наградой — орденом Белого Орла» *(Эва К. Чачковская, Войцех Выбрановский, «Жечпосполита», 31 дек. 2012 — 1 янв. 2013).*

» **«После того как тысячи пользователей интернета возмутились рекламой мобильной связи, в которой было использовано изображение Ленина, оператор решил эту рекламу приостановить. (...) Ленин появился в рекламе мобильной сети «Хейя», которая принадлежит «Польской цифровой связи». (...) Тысячи потребителей объявили бойкот этим двум фирмам. (...) Организаторы бойкота вопрошают: «Кто будет следующим? Адольф Гитлер с поднятой в нацистском приветствии рукой и рекламным слоганом «Хейя Гитлер»?» В итоге «Хейя» решила приостановить такую рекламу, сделав соответствующее заявление: «Приносим свои извинения всем, кого это могло каким-либо образом задеть»»** ***(Войцех Выбрановский, «Газета выборча», 8 янв.).***

» ««В 31-ю годовщину введения в Польше военного положения [13 декабря 1981] вспомним о тех, кто сегодня обделен возможностью жить в условиях демократии и свободы», — призвал президент Бронислав Коморовский. Вчера вечером президент с супругой поставили в окне Бельведерского дворца зажженную свечу в память о жертвах военного положения и одновременно в знак надежды и солидарности с народами Белоруссии и других стран, борющихся за свободу» *(«Дзенник — Газета правна», 13 дек.).*

» **«Вчера Европарламент раскритиковал Польшу за действия, в результате которых был арестован белорусский оппозиционер. (...) В июне 2011 г. польская прокуратура предоставила официальному Минску выписку из банковского счета Алеся Беляцкого, через который тот финансировал свой правозащитный центр «Вясна». МИД не сообщил прокуратуре о значении этой информации, несмотря на то что сам Беляцкий просил польских дипломатов не разглашать данные о состоянии счета. В результате правозащитник был арестован и осужден на четыре с половиной года лишения свободы. Министр иностранных дел был вынужден принести официальные извинения»** ***(Ярослав Стружик, «Жечпосполита», 14 дек.).***

» «13 декабря 1981 года — это день нашего позора, и праздновать тут нечего, — заявил вчера президент Бронислав Коморовский во время посещения следственного изолятора в Бялоленке под Варшавой . Здесь спустя 31 год встретились интернированные в то время оппозиционеры. Президент [он сам был одним из них] сказал, что это «день национальной трагедии, разделивший страну на два враждующих лагеря». (...) Во второй половине дня президент наградил бывших оппозиционеров. — Но высшей наградой за то, что вы сделали, стала свободная Польша, — подчеркнул он». *(«Газета выборча», 14 дек.).*

» **«Человек, который ввел в Польше военное положение, смог впоследствии привести страну к соглашению «круглого стола» и смене власти. «Круглый стол» состоялся благодаря общим усилиям умеренного крыла оппозиции и наделенных властью реформаторов, которых возглавлял генерал Войцех Ярузельский. Это он своим авторитетом обеспечил достигнутый компромисс, как только таковой стал возможен. Ему также удалось обезоружить экстремистские силы во властных структурах: в партаппарате, армии и органах госбезопасности. Он обеспечил покой и стабильность в самом начале процесса преобразований, после чего по собственной инициативе сложил президентские полномочия, открыв дорогу к президентскому креслу для Леха Валенсы. За что и был «вознагражден» бесконечными судебными процессами и проклятиями обезумевших от ненависти «правых»»** ***(Ян Видацкий, «Пшеглёнд», 30 дек.).***

» «С глубокой печалью мы приняли известие о смерти Тересы Торанской, журналистки, мастера интервью и журналистской беседы. В своих интервью с оппозиционерами и представителями власти до 1989 г. и после обретения независимости она показывала читателю переломные моменты польской истории и с необычайной проницательностью говорила о дне сегодняшнем. (...) Дональд Туск, председатель совета министров». *(«Жечпосполита», 3 янв.).*

» **«После заседания Бюро национальной безопасности его начальник, генерал Станислав Козий заявил: «Нет достаточных доказательств, что кто-либо извне манипулирует следствием по делу о смоленской катастрофе». Из ставшего достоянием гласности выступления генерального прокурора Анджея Серемета следует, что версия террористического акта тоже не доказана» *(«Тыгодник повшехный», 6 янв.).***

» «Вчерашняя встреча министров иностранных дел Польши и России не добавила ясности относительно передачи польской стороне останков самолета Ту-104. (...) Несмотря на попытки вынести проблему на международный уровень через форум Совета по внешней политике ЕС, министру Радославу Сикорскому не удалось переломить ситуацию. Москва в очередной раз заявила, что обломки самолета будут переданы польской стороне только после завершения российских следственных действий. Когда это случится — неизвестно» *(Петр Косцинский, «Жечпосполита», 18 дек.).*

» **«Начиная с февраля 2013 г. в польском воздушном пространстве, а также на авиабазах польских ВВС свои навыки регулярно будут совершенствовать пилоты и обслуживающий персонал US Air Force. (...) Американское подразделение Aviation Detachment (Ay-DET), состоящее из 10 специалистов, меняющихся каждый год, будет находиться в Польше постоянно. (...) В ближайшее время в Польше дважды появятся истребители F-16 и транспортные самолеты C-130 Hercules. Они будут направляться в Польшу как минимум два раза в год. (...) Экипажи C-130 планируют отрабатывать высадку десанта и транспортные рейсы, а также оттачивать мастерство нахождения на территории противника. (...) На основании польско-американского соглашения в Польше с июня 2011 г. может находиться не более 250 американских военных» *(Мацей Шопа, «Новая военная техника», декабрь).***

» «Афганистан. Схвачен предводитель талибов, ответственный за террористические акты против поляков. Мулла Абдул Кабир был задержан в ночь с 3 на 4 января подразделением, состоящим из польских и афганских военных. Он был самым разыскиваемым предводителем талибов в восточном Афганистане». *(«Жечпосполита», 7 янв.).*

» **«Две недели назад «Польское гуманитарное действие» (ПГД) объявило, что не будет добиваться разрешения на ремонт водных цистерн, как на этом настаивает Израиль, поскольку такие вещи противоречат гуманитарному праву, в рамках которого действует ПГД. ПГД отремонтировало 50 цистерн. Две из них были уничтожены. Международные гуманитарные организации, действующие на «оккупированных территориях», потребовали, чтобы Израиль немедленно перестал уничтожать водные цистерны, которыми пользуются палестинцы. За первый месяц 2012 г. военные уничтожили там целых 36 цистерн — больше, чем в 2011-м». *(По данным «Газеты выборчей» от 2 янв.).***

» «В связи с 20-летием ПГД Янина Охойская, основатель и президент ПГД, рассказывает: «За 20 лет мы оказали помощь 44 странам — в некоторых из них наши программы продолжались 6-7 лет. (...) Мы работаем в ситуациях, связанных с природными катастрофами, конфликтами, а также там, где эти катастрофы и конфликты имели долговременные последствия. Мы помогаем людям создать такие условия для жизни, чтобы они могли не зависеть от гуманитарной помощи и самостоятельно развиваться. (...) Примером может служить строительство глубинных насосов в Южном Судане, где мы учим местных жителей, как ими пользоваться и как их обслуживать. (...) Наши доходы в основном складываются из частных взносов — поляки хотят помогать и делиться. Степень осознания глобальных проблем неуклонно растет, и люди решают помочь реализации гуманитарных программ в беднейших странах. Взять хотя бы сборы для Африки во время засухи, когда откликнулось множество людей и за два-три месяца мы собрали 2,5 млн. злотых. А поддержка частных компаний (...) помогает нам сохранить независимость от таких форм финансирования, как гранты и дотации». *(«Жечпосполита», 21 дек.).*

Патриция Лигас

БЕЗ ИММИГРАНТОВ НАМ НЕ СПРАВИТЬСЯ

Для стареющей Польши вся надежда на приезжих: киргизов, украинцев, грузин, чеченцев, белорусов и вьетнамцев. Без них пенсионная система рухнет, мы будем работать до 70 лет, а может быть, и еще дольше. Но политики предпочитают, чтобы армия приезжих работала налево и годами дожидалась легализации своего пребывания.

Анзору Азхиеву на ринге нет равных. Противников он валит с ног разящим ударом кулака, ударом ноги в голову или ударом колена в прыжке. Двадцатидвухлетний Азхиев знает, что в лиге ММА (Mixed Martial Arts — смешанные боевые искусства) правила простые: он выиграет, если первым атакует противника. Но есть противник, которому молодой чеченец раунд за раундом проигрывает. В схватке с польским государством у него до сих пор не было шансов выиграть. Польша совершенно определенно не желает, чтобы молодой чемпион после очередной спортивной победы жестом триумфатора обернул вокруг себя бело-красный флаг. Несмотря на то что у его семьи есть все документы, подтверждающие историю преследований, чиновники по-прежнему вынуждают его ожидать получения статуса беженца. Но ему еще повезло. С ним работает тренер, который поддерживает его и шлифует его спортивный талант. А шлифовать есть что.

Анзор, которого называют «новым Мамедом Халидовым» (один из лучших спортсменов ММА), был троекратным чемпионом Чечни по борьбе среди юношей, чемпионом Кавказа и России. В Чечне, где его родные в свое время участвовали в боях с российской армией, под угрозой оказалась не только его карьера, но и жизнь. О подробностях этого родственники Анзора не хотят рассказывать даже в Польше, но признают, что их запугивали и избивали.

— В моего мужа Магомеда стреляли, ему сломали шесть ребер, выломали пальцы, повыбивали зубы, — рассказывает Асет, мать Анзора. — У нас есть документы, подтверждающие факты преследования, есть письма, записи.

Но для польских чиновников этого мало, хотя Азхиевы готовы поселиться у нас и начать работать, вместо того чтобы быть на содержании государства. 55-летний Магомед, глава семьи Азхиевых, — водитель. Он уже подал прошение о праве на работу, но чиновники не дали разрешения. Он ожидает изменения этого решения, хотя его уже подводит здоровье. Такое ожидание — это бесконечная чиновничья карусель. Иностранец через полгода с момента подачи прошения о статусе беженца может ходатайствовать о праве на работу. К сожалению, он теряет это право сразу, как только получит отказ в признании ему статуса беженца.

Магомед не жалуется, он улыбается, ибо всё время надеется, что сможет всё начать сначала. Мансур, его младший, 14-летний сын, прекрасно учится, говорит по-польски, и с ним нет никаких проблем. Как и большинство беженцев с востока, Азхиевы попали из ада в чистилище. Они живут в Дембаке — центре для беженцев, недалеко от Отрембусов под Варшавой. В маленькой комнате с трудом размещаются кубки, которые выиграл Анзор. Кубки разместили на шкафу, так как на полке места для них нет. Металлический блеск призов хоть на мгновение отвлекает внимание от безнадежной ситуации семьи. Двое других сыновей Магомеда уже обосновались в Австрии. Легально, без проблем. У них есть семьи, они помогают родителям выжить. Асет и Магомед уже четвертый год ожидают, когда Управление по делам иностранцев признает наконец их право на достойную жизнь, на работу и на будущее для них самих и для их детей в Польше.

Прозябание или теневая экономика

Среди тех 3839 человек, которые в настоящее время находятся под опекой Управления по делам иностранцев: белорусов, грузин, киргизов и даже суданцев, — история этой чеченской семьи не ис-

ключение. Безнадежная жизненная ситуация в таких центрах привела к тому, что почти 1,8 тыс. иностранцев решили покинуть эти центры, что позволено законом, и попробовать жить самостоятельно. Им надоело прозябание, когда им полагается лишь шесть кусков хлеба в день, 70 зл. на карманные расходы в месяц и возможность получать дополнительно 50 зл. за работу, выполненную в центре.

Семья из пяти человек, которая намерена существовать самостоятельно, получает от государства 1875 зл. в месяц, и на эти деньги они должны снять жилье и содержать себя. Одинокому полагается 750 злотых. Этого может хватить, если у беженца есть право на работу. Если же такого права нет, то ему приходится работать нелегально. Таким образом, государство само создает теневую экономику. С одной стороны, оно дает пособие, которого недостаточно, чтобы выжить, а с другой — медлит с легализацией пребывания. Статистические данные явно против чиновников. На 49 729 заявок с просьбой о получении статуса беженца, поданных в 2007-2012 гг., было принято всего 746 положительных решений. Например, граждане РФ подавали подобные прошения на протяжении пяти лет 35 556 раз, но лишь 504 из них получили столь желаемые документы.

— Признание статуса беженца — это вопрос политический. Если бы Польша в массовом порядке принимала людей, прибывающих с территории Российской Федерации, то таким образом она бы признала, что там нарушаются права человека. Это означало бы ухудшение наших отношений с Москвой, — говорит на правах анонимности один из польских депутатов Европарламента.

Но дело в том, что жертвами нашей иммиграционной политики становятся беженцы из разных стран, не только из России.

Как, например, Эльмира и Азим Туранбаевы, которые приехали к нам из Киргизии. Она сотрудничала с властями в рамках секретного проекта, поэтому стала лицом нежелательным в своей стране из-за тех сведений, которыми обладает. Еще в Киргизии она получала телефонные звонки и письма с угрозами. Но на этом дело не кончилось. Одного из трех ее сыновей толкнули под машину. Он выжил. Когда мучители пригрозили, что в следующий раз будет хуже, Эльмира и Азим бежали из страны. Сначала муж, инженер по образованию, потом она. Детей через границу перевезла подруга. Таможенникам она предъявила свидетельства о рождении своих детей, двоих сыновей и дочки. Так что младший из мальчиков Туранбаевых пересек границу как девочка.

Первый раз их прошение о признании статуса беженца в Польше было отклонено в июне 2012 г., так как чиновник не поверил в правдивость тех угроз, о которых они рассказывали. По мнению чиновника, всё изложенное должно быть записано по-киргизски, а не по-русски. Во второй раз с них потребовали оригиналы документов, которых у них не было. Им удалось их раздобыть лишь теперь, полтора с лишним года спустя с момента приезда в Польшу. У них появилась надежда, что на сей раз этого будет достаточно.

Трое сыновей Туранбаевых чувствуют себя в Польше как дома. Учителя школы в Подкове-Лесной от них в восторге, так как у мальчиков одни пятерки и шестерки. По-польски они говорят так, как их одноклассники. Когда первый раз прошение их родителей было отклонено, сотрудники школы даже собрали подписи под письмом в МВД, в котором говорилось об активности родителей и способностях их детей. Но петиция не возымела действия.

Несмотря ни на что Эльмира хотела бы именно у нас создать свой новый дом. Семья Туранбаевых не собирается уезжать, так как от очередного переезда пострадали бы дети, которым как воздух нужна стабилизация.

— Мы создадим сеть точек с киргизской едой. Еда будет вкусной и здоровой, — Эльмира улыбается при мысли о своей мечте. Она улыбается сквозь слезы, ибо в тот день, когда мы беседуем, семья получила очередной отказ из МВД.

Иммигранты нежелательны

Проблемы с получением права на пребывание в Польше есть не только у лиц, преследуемых в своих странах. В июле 2012 г. истек срок подачи заявок от лиц, которые хотят воспользоваться аболицией. Лишь 150 из них поступили от лиц, ставших беженцами по политическим мотивам. Иммигрантам из Белоруссии и Украины тоже трудно легализовать свое пребывание в Польше. Александр и Ирина

из-под Одессы вот уже восемь лет живут в Польше. Оба работают в сфере информатики и хорошо зарабатывают. Их 10-летний сын ходит в польскую школу и лучше говорит по-польски, чем по-украински. Несмотря на то что они специалисты, востребованные на рынке, им каждые полгода приходится продлевать право на пребывание.

— Мы хотели бы получить польское гражданство, но ваше государство в нас не заинтересовано, — говорит Александр.

Однако появился некоторый свет в конце туннеля. Находящиеся нелегально на территории Польши иностранцы, выполняющие требования аболиции, получают разрешение на двухлетнее пребывание в стране. Но это, пожалуй, единственное за последнее время положительное решение польского государства в отношении иностранцев, тем более что масштаб проблемы огромен. Легализации своего пребывания в Польше добивается больше людей, чем в рамках обеих предыдущих аболиций — 2003 и 2007-2008 гг. — вместе взятых. В рамках первой поступило 3508 заявок, в рамках второй — 2033. Заявки в рамках третьей, нынешней аболиции находятся в процессе рассмотрения. До сегодняшнего дня из 9,5 тыс. поданных заявок рассмотрены с положительным результатом более трех тысяч.

Однако это лишь верхушка айсберга. По разным оценкам, в Польше находится от полумиллиона до полутора миллионов иностранцев. Главным образом это граждане бывшего СССР, а также приезжие с Дальнего Востока. Чаще всего приезжают люди молодые, которые хотят улучшить свою жизнь. И ведь именно в таких людях нуждается страна, где уже вскоре в связи с демографическим кризисом может стать ощутимой нехватка рабочих рук.

Безболезненная адаптация

Значительная часть приезжающих иностранцев обладает одним преимуществом: наша культура для них не совсем чужая. Часто это христиане, а если даже они исповедуют иные религии, то тем не менее принимают европейские общественные стандарты. Так что у них не будет проблем с адаптацией в нашей стране. Правительства Великобритании, Ирландии и Германии уже давно поняли, какое значение имеют иммигранты: они поощряют желание иностранцев, в том числе поляков, селиться в своих странах. Но у нас в приезжих по-прежнему видят проблему, а не выгодное дело. И это поразительно, особенно перед лицом грядущей демографической катастрофы.

— У нас нет шансов справиться без импорта рабочей силы, — утверждает проф. Кристина Иглицкая-Окульская, демограф из Высшей школы им. Лазарского. — Все западные государства привлекают в свои страны как можно больше иммигрантов. Даже консервативные партии, которые перед выборами обеспечивают себе ксенофобскими высказываниями голоса избирателей, успокаиваются после выборов и сотрудничают с другими партиями в пользу иммигрантов.

Как подчеркивают эксперты, положительный аспект открытой иммиграционной политики состоит в том, что нет необходимости инвестировать в воспитание и образование недавно приехавших. Достаточно предоставить им возможность выстраивать свое будущее, чтобы они стимулировали развитие экономики страны, которая их приняла. В будущем они будут покупать квартиры, потом их оборудуют, нарожают детей и заплатят за их образование. Польским политикам недостает осознания этого аспекта. Между тем у нас рождается детей меньше всего в Евросоюзе. Коэффициент деторождения (1,4 ребенка на одну женщину) ставит нас на последнее место в ЕС. Вдобавок нас захлестнуло эмиграционное цунами. По данным последней всеобщей переписи, за последние несколько лет из Польши эмигрировало полтора-два миллиона человек. Около 83% из них — это лица в репродуктивном возрасте. У демографов нет сомнений, что на Польшу надвигается социальная и экономическая катастрофа. Через 20 лет людей в репродуктивном возрасте будет в два раза меньше, чем сейчас. Такого не выдержит ни одна пенсионная система. Чтобы развернуть эту тенденцию в противоположном направлении, Польша должна начать проводить последовательную демографическую политику. По мнению проф. Иглицкой-Окульской, эта политика должна состоять из трех элементов: политика в интересах семьи, профессиональная активизация и иммиграционная политика.

— Именно так это работает на Западе. Между тем в области профессиональной активизации у нас самые низкие показатели в Европе, а иммиграционная политика состоит в том, чтобы держать людей

как можно дольше в состоянии неопределенности и безнадежности, чтобы им наконец надоело и они как можно быстрее уехали из Польши. Мы вроде бы выполняем договорные обязательства, действуем в рамках Женевской конвенции, но это всё для вида, — нервничает проф. Иглицкая-Окульская.

К сожалению, польские политики даже не затрагивают эту тему. На вопрос об иммигрантах, они как мантру повторяют, что иностранные приезжие отнимут работу у поляков, и напоминают о проблемах с мусульманами в других странах. Они как будто не замечают, что на берега Вислы не накатывают волны иммигрантов из арабских стран, а приезжают люди из районов, которые гораздо ближе нам по культуре.

— Нам надо упразднить бюрократию и ликвидировать безнадежность временного пребывания, следует переломить ксенофобию и бездушие чиновников. Следует их заново обучить, чтобы они относились к иностранцам просто благожелательно, — утверждает проф. Иглицкая-Окульская. — Но прежде всего необходим совсем иной профиль чиновника, который должен будет помогать, а не отпугивать.

Счастливая Подкова

О том, что достаточно беспроблемная адаптация иммигрантов возможна, свидетельствует пример общеобразовательной школы в Подкове-Лесной, где учатся 43 ребенка беженцев. Это 6,5% всего количества учащихся. Для детей, имеющих за плечами травматические испытания в своих странах, плохо говорящих по-польски, организованы дополнительные уроки. В помощь им есть человек, говорящий по-русски и по-английски. В школе работает ассистент, знаток культуры тех стран, из которых прибыли дети. Школа сотрудничает с неправительственными организациями, в частности с Польским миграционным форумом и «Польским гуманитарным действием», которые организуют мастер-классы для родителей и детей, финансируют экскурсии. Учителя составляют специальные сценарии уроков, исходя из собственного уникального опыта, полученного в школе, где присутствуют носители множества культур.

— Часто у детей, которые поступают в эту школу, нет никаких документов, аттестатов. А нам необходимо понять, каков уровень их знаний. Тогда мы проверяем их знание таблицы умножения, ведь польским языком они не владеют. Надо решать, в какой класс определить ребенка, принимая во внимание не только возраст, но и уровень знаний. Бывает и так, что 12-летний школьник может быть определен в третий класс, но ведь его нельзя посадить за парту рядом с маленькими детьми, — говорит Эльжбета Мешковская, директор школы в Подкове-Лесной.

Чтобы страна стала открытой для иммигрантов, необходима также определенная образовательная деятельность. Правительство должно позаботиться о том, чтобы граждане учились жить в стране, где существует много культур. Если оно не сделает этого, то через несколько лет премьер-министр — кто бы им ни стал — заявит, что пенсионный возраст надо продлить до 70 лет.

PRZE KRÓJ

Юзеф Хен

Перевод Никиты Кузнецова

НИКТО НЕ ЗОВЕТ

(Главы из книги)

1

Они стояли на платформе и молча разгружали щебенку. Доски были сколочены неровно, лопаты то и дело цеплялись.

— Готовься, Тщина, — сказал Божек. — Завтра даем деру.

Тщинский не ответил, и они снова принялись за работу. Ночь была теплой, от недалекой речки шел пар. Трещали камыши — в них шла таинственная ночная охота. Платформа потихоньку пустела. Тщинский орудовал лопатой как никогда. Вот и всё: щебенка ссыпана в кучу, бригадир Хведченя может проверять.

Неверной походкой они возвращались к палаткам. Светало. В камышах поднялся птичий писк, послышался треск. Божек спросил:

— Поедешь с нами, Ушер?

— Нет. Я не такой перекати-поле, как вы. Я домосед, — он усмехнулся и добавил: — С ног падаю от усталости.

Оставшись вдвоем, Божек и Тщинский сели на землю перед палаткой. Они тоже устали, но возбуждение не давало заснуть. Божек изложил свой план.

— С тобой всё просто. С андерсовцами* ты договоришься без труда: у тебя документы в порядке. Со мной дело хуже, но ты можешь помочь. Сейчас скажу, что́ я придумал. Сжигать за собой мосты в батальоне мы на всякий случай не будем: возьмем справку у врача. Если андерсовцы отправят нас ни с чем, мы сможем вернуться, как будто и не собирались никуда.

— Но ведь андерсовцы нас примут?

— Тебя точно.

— А тебя?

— Если сделаешь всё, как я придумал, то, наверное, и меня тоже. Значит, мы приезжаем в Янги-юль. Подходим вдвоем к окошечку. Я остаюсь стоять сбоку. Ты даешь свой паспорт. Ясно?

— Ну, вроде ясно. Даю свой паспорт.

— Точно. Польский паспорт с орлом. Даешь его и говоришь, что хочешь в армию.

— И что ты...

— Нет, обо мне ни слова! Пусть сперва возьмут тебя. Значит, он тебя записывает и так далее. Когда он скажет «готово», или «всё», или еще что-нибудь в этом роде, ты говоришь: «Господин капрал»...

— Капрал?

— Капрал или взводный, смотря сколько у него лычек. Ты говоришь: «Господин взводный, тут со мной корешок из Варшавы». Не говори «друг» или, упаси Боже, «товарищ», а именно так: «кореш», «корешок».

— Ладно, пусть будет корешок, — запомнил Тщинский.

---

* Имеются в виду представители армии генерала Андерса, формировавшейся в СССР с осени 1941 — главным образом из солдат и офицеров, прошедших советские лагеря. — *Здесь и далее прим. пер.*

— Важно, что из Варшавы. Тут, скажешь, со мной корешок из Варшавы. Земляк, мол, из столичных. Только, понимаете, без документов. Свой парень, жалко будет, если пропадет. Может, удастся его как-нибудь пристроить? Только не вздумай сказать «*устроить*»*.

— Нет-нет! Можешь не беспокоиться! Я ж понимаю. Я ему так скажу: «Варшавский жох, господин взводный, ей-богу... Надо бы, господин взводный, его как-нибудь пристроить». Сойдет?

— То, что надо. Тогда он должен сказать: «Где этот твой корешок? Давай его сюда».

— Он так скажет?

— Если он нормальный человек, то скажет: «Давай его сюда». Тут я подойду и начну ему по-варшавски зубы заговаривать. Тогда он скажет: «Варшавянин, курва его мать! Непременно надо пристроить». Фамилия, имя — и я в списке.

— Может не получиться...

— Может. Но он должен сказать: «Давай его сюда».

— Я не подведу, Божек, честное слово.

На следующий день они получили по продуктовым карточкам последний хлеб. На работу не пошли. Они больны и идут к докторше за справкой.

Божек должен был идти в амбулаторию первым. Посмотрим, что там за злая собака сидит, думал он. Но никакой собаки не было. Была тридцатилетняя женщина в белом халате, гладко причесанная темная блондинка. Она смотрела на него грустными глазами из-под слегка приподнятых бровей. Ничего я не придумаю, — понял он. Если она не поможет, все пропало.

— *Я вас слушаю*, — обратилась к нему женщина.

— Мне бы, *товарищ доктор*, освобождение получить.

— На что жалуетесь?

— Не знаю. Просто плохо себя чувствую. Вообще.

— Температура есть?

— Не знаю.

— Хорошо, померим. Озноб есть?

— Случается.

— Стул?

Божек не ответил. Докторша улыбнулась.

— Так как вы думаете? Что у вас за болезнь?

— Психическая депрессия.

На этот раз ее брови поднялись еще выше.

— Вот только не знаю, — сказал Божек, — причина это плохого самочувствия или следствие.

— Садитесь, — услышал он.

Божек сел, она заняла место по другую сторону стола.

— Выглядите вы неплохо, хотя вид как будто невеселый. Надо стараться по-другому смотреть на жизнь... Вам ведь, наверное, еще тридцати нет?

— Мне девятнадцать.

— Боже мой... — прошептала она.

— Девятнадцать, — повторил Божек, наслаждаясь эффектом от этой новости. — Скоро исполнится.

Несколько секунд докторша молчала и наконец спросила:

— Зачем вам эта справка?

— Я должен уехать на несколько дней. В самом деле должен. У меня сестра нашлась в Самарканде, — врал Божек. — Дорога — почти сутки. Когда я оттуда вернусь, наверняка буду лучше себя

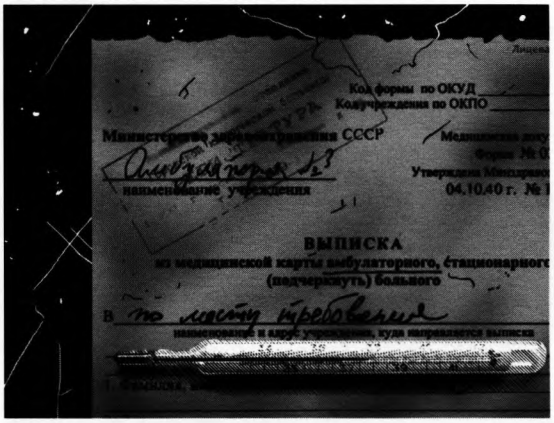
* Слова, выделенные курсивом, — по-русски в тексте.

чувствовать. Сделайте что-нибудь, а то я совсем расклеюсь. Профилактика болезней — такая же важная задача, как лечение, правда ведь? Сделайте что-нибудь.

В палатку вошла медсестра. Докторша бросила на нее быстрый взгляд. Потом обратилась к Божеку:

— Возьмите термометр. Мы не можем дать вам справку без температуры. Сядьте снаружи. Будет выше тридцати семи — тогда поговорим.

Божек взял термометр и вышел из палатки. Медленно опустился на землю, лениво нащупал подмышку. Его охватила необъяснимая слабость. Косые лучи солнца резали глаза. Надо перейти в тень. Но для этого пришлось бы вставать — слишком много усилий. Ему не хотелось двигаться. Он грелся на солнце (правда, понапрасну выжигавшем глаза), и ему было хорошо.


Код формы по ОКУД
Код учреждения по ОКПО
Министерство здравоохранения СССР
Медицинская документация
Форма № 0
Утверждена Минздравом
04.10.40 г. № 1
наименование учреждения
ВЫПИСКА
из медицинской карты амбулаторного, стационарного
(подчеркнуть) больного
в по месту требования
наименование и адрес учреждения, куда направляется выписка

Неохота было даже вынимать термометр и тереть его. Будь что будет. Если поездка окажется неудачной, пусть уж лучше всё пойдет наперекосяк с самого начала. Но ведь должна же ему в конце концов улыбнуться удача. Должно же и ему когда-нибудь повезти. Тщинский поможет. Он скажет: «Господин взводный, тут со мной корешок из Варшавы». А тот сразу скажет: «Давай его сюда».

— Вы спите, — послышался голос из амбулатории. — Десять минут уже прошло.

Он вскочил и зашел в палатку. Докторша взглянула на термометр, потом на Божека, высоко подняла брови и снова посмотрела на термометр.

— Тридцать семь и семь, — сказала она.

Откуда это взялось? — думал он с удивлением.

— Вы получите освобождение, — сказала докторша. — На четыре дня. Вас это устроит?

— Да. Да, устроит. Но я его не тёр...

— Меня это не интересует...

— Но я в самом деле его не тёр. Пожалуйста, поверьте мне. Я сидел на солнышке, размышлял о том, о сем. Но термометр не тёр. Вы мне верите?

— Освобождение на четыре дня, — сухо произнесла докторша. — После возвращения явитесь на обследование.

Божек посмотрел на нее с мольбой: поверь, поверь.

— Желаю удачи, — отрезала она. Что-то ее раздражало — возможно, то, что он не оценил ее добрую волю.

Ты мне еще поверишь, — думал Божек. — Когда буду уже там, пришлю тебе открытку: «Милостивая государыня, и все-таки я тебя не обманул». Но не все ли равно, в конце концов? Видимо, нет, раз мы оба сердимся.

Тщинского он застал с окровавленным пальцем — тот решил порезаться перочинным ножиком.

— Похвально, — сказал Божек, — только вот не знаю, достаточно ли этого для освобождения.

— Не боись. Точно поверит. Мне везет — меня жалеют.

Меня в последнее время тоже, — подумал Божек. — Сам не знаю, что бы я предпочел.

Тщинский вернулся с забинтованным пальцем, которым придерживал крышечку от какой-то банки.

— Плохо дело, Божек, — пожаловался он. — Не дала она мне справки. Сказала, что за палец может дать только на один день.

— И была права.

— Обозвала меня идиотом.

— Не бери в голову.

— А я ей в ответ, что у меня понос. «Это другое дело», — говорит. И дает мне эту крышечку, чтоб я ей принес на анализ.

— Что принес?

— Кал!.. Что же теперь будет? Божек, а нельзя это как-нибудь водой разбавить?

Божек рассмеялся.

— Не волнуйся, Тщина. Пошли в пятую палатку, там один хворый парень лежит.

В тихой и пустой палатке на кровати лежал желтый, тощий как скелет узбек. Услышав шаги, он повел вокруг апатичными глазами.

— Шарипов? — обратился к нему Божек.

— А, привет, Божек-джон. Кто это с тобой?

— Мой друг, добрый джура из Польши.

— Привет, джура.

— Шарип-ака, у нас к тебе дело. Ты ведь страдаешь от поноса?

— Ха, Божек-джон! Страдаю, это ты верно говоришь.

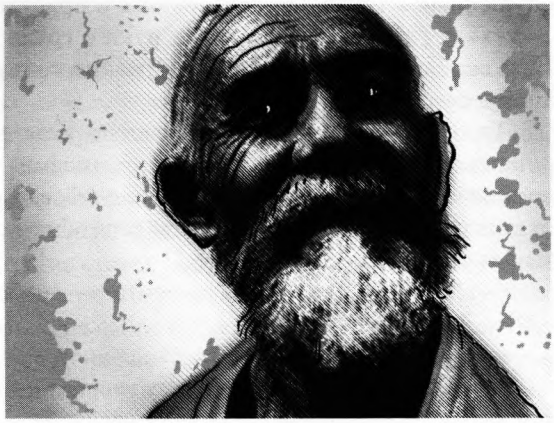
Божек протянул ему крышечку.

— Можешь встать с кровати? Нам нужно немного этого дела.

— Для джуры?

— Да. Мы должны получить освобождение.

Узбек ничего не ответил.



— Я дам тебе ячменя, — сказал Божек. — Ты поджаришь его и сваришь горячий кофе. Это тебе поможет.

— Помоги мне встать, — сказал Шарипов.

Вдвоем они подняли его с кровати. В рваной рубахе и широких полотняных штанах он направился в уборную, опираясь на плечо Тщинского. Божек шел за ними.

Шарипов обернулся.

— Подожди здесь, — сказал он Божеку.

Те двое зашли внутрь. Опять всё тянулось как в замедленном фильме. Опять эта отупляющая усталость как тогда, когда он мерил перед палаткой температуру. Он приложил ладонь ко лбу. Горячий! Что же происходит?

Вот наконец и они. Тщинский что-то крикнул и побежал прямо в амбулаторию. Шарипов приближался нетвердой походкой. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно более сердечно, Божек выговорил:

— Спасибо тебе, брат.

Узбек скривил в улыбке бледные губы, кивнул несколько раз головой и поплелся в палатку. Его широкие полурасстегнутые штаны волочились по земле, поднимая пыль.

2

Вечером температура у Божека поднялась настолько, что отъезд пришлось отложить. Организм, у которого он вымаливал жар, послушно выполнил просьбу и даже добавил кое-что от чрезмерного усердия. Божек был в сознании, но на ногах не держался.

— Поедем утренним поездом, — решил он. — К утру всё будет в порядке.

— Может, ты передумал? — спрашивал его Тщинский.

— Нет. Но мы не должны тащиться туда из последних сил. С тех пор как у меня в кармане завелись кой-какие деньги, я спокоен. Поедем утром.

С утра он действительно чувствовал себя хорошо.

Выдрессировал организм, как собаку, — подумал Божек. — Теперь он выполняет любой мой приказ.

Они потихоньку перенесли в вагон мешок с вещами Тщинского. Никто не может заметить мешок — ведь они едут только в краткосрочный отпуск. Не попрощались и с товарищами. Выходя из палатки

на работу, Ушер заговорщицки поднял сжатый кулак — вот и всё прощание. Лаборешных взвалил на плечо лом, что-то пробурчал и отправился вкалывать.

Сидя в вагоне, они ждали свистка паровоза. Время мучительно тянулось, по капле вытекая из вечности. И когда вагон наконец дернулся и заскрежетал, Божек зажмурился и побледнел от переживаний. Резко завыла сирена.

Они никак не могли тронуться. Вагон раскачивался на одном месте, стальные тележки поскрипывали. Божек видел, как из пятой палатки вышел исхудавший измученный узбек в низко спущенных штанах. Он остановился и приставил к глазам ладони, осматривая вагоны. Заметив Божека и Тщинского, приложил руки к груди и низко поклонился. Божек ответил ему тем же. Наш сообщник, — подумал он. Именно тогда в стальных тележках что-то хрустнуло, и поезд тронулся.

Тронулся! Тронулся! Он скользил по рельсам и выскальзывал из прошлого. Вся прежняя жизнь оставалась позади: палатки, речка с камышами, тучи комаров, Лаборешных, садист Хведченя, ненавистный гражданский прораб Карбовничий, скрывавший свое польское происхождение, страдающий от поноса Шарипов, чувствовавшая себя обманутой докторша, ночная разгрузка щебенки, использованная хлебная карточка.

— Помнишь, что должен говорить? — спросил Божек Тщинского.

— Да не боись, помню я.

— Ну, так повтори.

— Чего тут повторять? Даю ему паспорт и говорю: «Только нас двое, господин взводный». Если три лычки, то взводный, да?

— Неправильно! — крикнул Божек. — Ты даешь паспорт и ничего не говоришь.

— Ничего?

— Ничего. Ни слова обо мне! Пусть сначала тебя запишет. Вот когда он к тебе попривыкнет, включит тебя в список, когда ты уже будешь своим, тогда и начнешь говорить обо мне.

— А, всё, вспомнил. «Корешок, варшавянин, надо его как-нибудь пристроить, господин взводный».

— Вот-вот!

— А потом что?

— Потом он скажет: «Давай его сюда!»

— А если он скажет что-нибудь другое?

— Не скажет. Нормальный человек не скажет ничего другого. Представь себе, что ты — этот взводный, и приходят к тебе двое таких бродяг. Одного ты принимаешь, а потом он говорит, что есть еще второй, только, господин взводный, без документов, варшавянин. Ну, так что вы скажете, взводный Тщинский? Что бы ты ответил?

— Давай его сюда!

— Вот видишь! А он что, хуже тебя?

Хуже, — подумал Божек мгновение спустя. — Да, хуже. А если и нет, то ему кажется, что должен быть хуже. Или, может, он в самом деле должен.

Вечером они приехали в Янгиюль. Божек вел Тщинского по знакомым улицам с чувством горького торжества. Он снова попал в этот городок с белыми домиками и высокими шелковицами, где испытал столько унижений. Но теперь его так просто не возьмешь: он стал старше, он сильный, мускулистый, здоровый, у него есть деньги. О, нет, господа, на этот раз у вас ничего не выйдет, — спорил он неизвестно с кем. — Я поумнел. Теперь я знаю, что к чему. Воры, подонки, шулеры, отцеубийцы — холодные лица, безразличные сердца, скользкие руки. Вы, застегнутые на все душевные пуговицы нюхатели фиалок, слушатели соловьев, слюнявые хлыщи, я разгадал вас! Я уже не хуже вас! Теперь-то я знаю, как с вами поступать!

И хотя он по-прежнему оставался босым и оборванным, хотя судьба его всё еще не была решена, ему казалось, что он имеет право испытывать удовлетворение. Еще бы башмаками разжиться!..

В парке, под кронами деревьев, в которых мелькал электрический свет, они поужинали, сидя на устланной толстыми коврами скамье. Это была самая дорогая чайхана в городе, и именно поэтому

они хотели провести там ночь. Прислуживавший мальчик смотрел на них подозрительно, но, когда они купили белые лепешки, изюм и сразу заплатили за всё рублями, перестал ими интересоваться.

Среди ветвей гудело невидимое радио. Голос диктора предупреждал и призывал: Враг рядом! Враг прорвал линию обороны! Солдаты, защищайте родину! Генералы, наша родина велика, но мы не можем сдавать один город за другим. Кавказ в опасности. Сталинград в опасности!.. А потом голос пытался вселить надежду: враг обломает зубы. Наше дело правое — мы победим!

Божек растянулся на ковре и сказал:

— Значит, завтра...

— Завтра.

Он не мог уснуть и думал обо всем этом, взбудораженный надеждой. Лишь бы только снова стать человеком — может, тогда и на фронте дела пойдут лучше. Фронт! В этой суматохе о нем можно было и позабыть. Так человек намучается, что совсем запамятует: ведь вокруг происходят разные события — великие события. Поля, устланные трупами, по улицам городов ковыляют калеки, и он сам, вовлеченный в шестерни военной машины, — всего лишь одна из ее не значащихся ни в каком списке жертв: пропавших без вести, погибших или раненых. Важнейшее дело, величайшая борьба ускользает из сознания. А ведь фронт действительно существует. Божек помнит вкус снега, который он хватал пересохшими губами, лежа на земле после долгого перехода, помнит дружбу в донецких степях. Худой и длинный как жердь Ланцев рассказывал в окопе о Стендале и Роллане (и, как Жан Кристоф, был в восторге от немецкой музыки). Вадим Денисов, поклонник «Удела человеческого» Мальро, пошел добровольцем в разведку, стоял в шеренге полутора десятков смельчаков и ждал меня — мы только что поклялись друг другу быть вместе до самой смерти; он удивленно смотрел на меня, а я отводил взгляд — ведь мне хотелось в польскую армию. Может быть, он понял меня, не знаю — он ушел вместе с другими добровольцами, и нам уже не довелось поговорить. Фронт. Рано или поздно андерсовцы тоже закружатся в танце смерти, и он, Божек, если всё сложится удачно, еще раз приложит к этому руку.

Засыпáл он медленно, под монотонное жужжание радио и шум листвы. Ночью он слышал пение — высокие отчаянные причитания, голос молящий, экстатичный, словно скрипичная струна. Он с трудом открыл глаза. Между койками, змееобразно изгибаясь, пел десятилетний узбек. Он был почти голый, но на голове у него была узорчатая тюбетейка. Он аккомпанировал себе, потрясая небольшим бубном. Вот он встряхнул его, из бубна посыпался звон, мальчик начал причитать, рыдать, высоким голосом выкрикивать свое отчаяние. Старые узбеки сидели на койках и кивали в такт головами.

Мальчик перестал петь, но Божек слышал рыдания до утра, беспокойно вертелся на ковре, вокруг плакали и пели, звенел бубен, шумели листья, рвались мины, Вадим Денисов лежал в глубоком снегу и смотрел на Божека мертвыми глазами, радио выло как сирена, а старики скептически кивали головами. Божек услышал «давай его сюда» и открыл глаза. Светало, с деревьев капала роса. Мальчик растапливал самовар. Несколько стариков уже встали и поливали водой кончики пальцев. Тщинский смотрел вокруг отсутствующим взглядом, наконец понял, где он, и сказал:

— Выспался как граф.

По дороге в комендатуру они еще раз повторили, кто что должен сказать. Ты дашь, он скажет, ты скажешь, он ответит, я подойду, он скажет. Должно получиться!

Перед бараком коменданта они остановились. Над окошечком было написано по-польски: «Регистрация». В дверях стоял высокий мужчина в фартуке с большой деревянной ложкой в руке.

— Выглядит как наш староста, — шепнул Тщинский.

— Шутка сказать, шеф-повар! Проклятая власть!

— Но ведь наш, — убеждал Тщинский.

— Ясное дело.

— Что мне делать?

— Доставай паспорт.

— А теперь?

— Подойди к окошечку.

Тщинский приблизился к окошечку и тут же вернулся.

— Что случилось? — забеспокоился Божек.

— У него здесь такие треугольники. Я забыл, какое это звание.

— Сержант. Говори «господин сержант».

Тщинский подошел к окошечку. Божек встал сбоку. Сейчас все решится. Человек в окошечке спросил: «В армию?» Тщинский ответил: «Так точно, господин сержант». И протянул свой паспорт. Сержант громко сказал:

— Ого, вот это паспортище! Такой сейчас редко увидишь. Здолбунов. Подписан паном старостой, э-э-э... знавал я его, старого пропойцу... В армию?

Сержант что-то писал. У него были короткие усы с проседью, которые он теребил, когда задумывался над орфографией.

Божек громко дышал. Сейчас Тщинского примут. Он получит направление на медкомиссию и сможет плюнуть на Божека. Да ведь он так и сделает! Почешет в затылке и отойдет от окошечка. Если он отойдет ни с чем, этого потом уже не исправишь. Придется возвращаться в трудовой батальон. Тщинский. Тщинский. Все зависит от него: решится ли, захочет ли, не забудет ли, кто его сюда привел. Забудет! Люди — свиньи. Мелкие ничтожные твари.

— Готово, — сказал сержант и вернул Тщинскому паспорт. — Вот вам талон на обед.

Тщинский медленно прятал паспорт в карман. Забудет! Забудет! Тщинский стоял и кусал губы.

— Господин сержант...

Говорит!

— Господин сержант, — повторил Тщинский громче.

— Что еще?

— Тут со мной корешок. Свой парень, из варшавских. Тоже в армию хочет.

— Ну так что?

— Только вот, господин сержант, документов у него нету. Ни одной бумажки. Так что ему, пропадать? Из Варшавы парень. Может, вы, господин сержант, как-нибудь его пристроите?

Теперь сержант должен сказать: «Давай его сюда». Почему он молчит? Почему раздумывает, вздыхает и теребит свои усы с проседью?

Сержант открыл рот и сказал:

— Давай его сюда!

Божек подскочил к окошечку. Сержант глянул на него и спросил:

— Это вы?

— Да. Я. — (А теперь речисто, скороговоркой, одним духом — заговорить, оглушить, засыпать варшавистостью — живо, без остановок). — Родился и вырос в Варшаве, гимназию окончил на Сенаторской — знаете, господин сержант, напротив Дворца примаса? Внизу было итальянское мороженое, а рядом книжный Хесика. По НВП у нас был поручик Лаский, а муштровал нас капрал Мисяк — он еще потом в живые торпеды пошел. В школу я ездил на девятке, из Лешно до Театральной площади, или пешком шел — по Тломацкому, Белянской, мимо Польского банка. Я любил пешком ходить, посмотреть на девчат. Вы, господин сержант, наверное, помните, какие в Варшаве были девушки.

— Помню ли я!.. Ну, и что мне теперь с вами делать?

— Что-то надо сделать, господин сержант.

— В Персию вы и так не поедете. Список закрыт — это раз. А два — что я вам буду объяснять? Сами понимаете.

— Понимаю, конечно, но хочу пройти медкомиссию.

— Ну, дадут вам категорию «Д».

— Посмотрим! Я занимаюсь физическим трудом. Да что там! Главное, что мне это напишут на бумажке. С именем и фамилией. Дадут справку, что я не мародер, не бродяга, а отсеянный польский солдат. Ведь как сейчас — хуже всего. Без документов, без гражданства — я, варшавянин, участник сентябрьской обороны!*

Сержант кусал ус.

— Я включу вас в список рекрутов, которых вечером отправляют на медкомиссию в Шахрисабз. Знаете, где это? Где Тамерлан родился! Вам чертовски повезло.

— Я знаю. Спасибо вам.

— Ничего вы не знаете. Чертовски повезло! Ведь это последняя медкомиссия! Завтра было бы уже поздно.

Божек почувствовал, что у него кружится голова — совсем как когда-то в Ташкенте, после вина. Сержант записал его данные и дал ему талон на обед.

— Вечером в двадцать-пятнадцать отъезд. Не опоздайте!

Божек с талоном в руке шел к Тщинскому.

— Бронек, — сказал он. Впервые он обратился к Тщинскому по имени.

— Чего?

— Спрячь мой талон. Если хочешь, можешь им воспользоваться. Здесь дают хорошие обеды, из английских консервов.

Военный с ложкой свистнул им. Они послушно подошли. Повар посмотрел на босые ноги Божека и сказал:

— Там тряпка, здесь вода, а там — грязные миски. Не бездельничать.

Божек сбросил гимнастерку, закатал рукава прожженной от дезинфекции рубахи и принялся за работу.

3

Капрал рявкнул:

—В уборную бегом марш!

И они побежали колонной, совершенно так же, как в Донском запасном полку. Капрал отдал приказ по-польски, но голос у него был такой же хриплый, как у младшего сержанта Иванова и нескольких других знакомых Божеку русских сержантов. Уборная и здесь была длинной канавой, над которой солдаты приседали на дощатом помосте.

— К реке бегом марш!

Тщинский недовольно ворчал:

— Всё-то ему бегом.

Пока они плескались, капрал подгонял:

— Скорее, скорее! Господь Бог ждет!

Но на молитву не заставил их бежать. Они лениво прошли в глубь лиственного леса, где был разбит лагерь, и выстроились в две шеренги. Молитва застучала, посыпалась как град, как торопливая барабанная дробь. Потом из сотен ртов, врезаясь в шумящую зелень, полилась утренняя песнь. Божек присоединился к общему хору. Он прислушивался к собственному голосу — как тот вливается в хор, нарастает вместе с ним, становится громче, пробивается сквозь переплетение ветвей и возносится к

* Имеется в виду оборона Варшавы в сентябре 1939 года.

небу. Кто-то там его услышит и различит его голос среди сотен других. Ему вдруг стало очень хорошо, и он почувствовал облегчение, словно наконец нашел то, чего искал. Какую-то опору, упование. «Боже, смилуйся надо мной! Боже, взгляни, как я избит! Боже, вырви меня из этого одиночества!»

Глаза его наполнились слезами, когда он пел о тех, кто уже никогда не встанет, и о том, что он всё же пробудился, чтобы петь хвалу Богу. Поля, усеянные трупами. Они уже никогда не будут славить Господа. Он, бессильный, босой, пробудился, чтобы жить и верить. Заканчивая утреннюю песнь, он всматривался в зеленый купол леса, будто оттуда должно было прийти спасение.

Капрал захрипел:

— Вольно! Теперь завтракать, вшей давить, философствовать и спать. Я из вас солдат делать не буду. Не для того меня мать в муках на свет родила. После обеда начнет работать медкомиссия. Там и выяснится, кто солдат, а кто Богом обиженный. На кухню повзводно шагом марш!

После завтрака Тщинский лег на траву, подложив под голову вещмешок.

— Хорошо здесь, а? — сказал он.

Божек, прикрыв глаза, слушал шум листьев, словно в них еще колыхалась утренняя песнь. Как легко на душе!

— Что теперь будет, Божек? — тревожно спросил Тщинский.

— Все будет хорошо.

— Примут нас?

— Тебя примут.

— А тебя? — спросил Тщинский.

— Наверное, нет.

— Ты в лесу алтарь видел?

— Нет.

— А я видел. Пошли, помолимся.

— Мне для этого не нужен алтарь. Да и молитв я не знаю.

— За мной будешь повторять. Я хочу помолиться, Божек, — Тщинский хитро усмехнулся. — А ну ж поможе, ни?

Он поднялся, взял вещмешок и пошел в сторону реки. Божек двинулся за ним, но напомнил:

— В батальоне ты не молился.

— Конечно, нет.

— Почему?

— А какой от этого был прок?

Божек усмехнулся. Тщинский продолжал:

— Теперь-то есть о чем молиться, верно? Чтобы Бог просветил сердца этой медкомиссии. Я знаю несколько молитв, Божек, ты не боись — будешь повторять за мной. Я в Здолбунове не шибко набожным был. При советах даже в комсомол записался, представляешь? Потому и сбежал с русскими, что боялся: вдруг немцы мне чего сделают, когда придут. Я в молитвы не очень верю, но ведь хуже-то не будет. Ты давай за мной повторяй.

Маленький алтарь с иконой Остробрамской Божьей Матери стоял среди высохшей травы невдалеке от реки. Тщинский опустился на колени и начал молиться. Божек стоял рядом, широко расставив ноги, заложив руки за спину.

Тщинский обернулся к нему и спросил:

— Ты почему не встаешь на колени?

— Ноги не гнутся.

Тщинский продолжал молиться. Он запинался, останавливался, время от времени вставлял «это самое». И вдруг спросил:

— Почему ты не повторяешь за мной?

Он не будет молиться. Не будет ни о чем просить. Просить можно у человека — Бог должен знать и оценивать сам, давать безвозмездно. Зачем Ему унижение Божека? Неужели недостаточно его нищеты и ничтожества? А тут еще колени преклонять! Нет! И обещать он ничего не будет. Не

нужны ему тщеславные и мелочные начальники, которые любят, чтобы их умоляли. Ему нужна любовь. Кто-то должен наконец полюбить его, не требуя ничего взамен. Бог, девушка или старый узбек — всё равно. Пусть только это будет любовь, а не награда за хорошее поведение. Он не встанет на колени! Нет! Будет стоять прямо.

Тщинский поднялся, отряхнул колени.

— Странный ты, — сказал он. — Чего тебе стоит помолиться?

Божек не ответил.

— Ты мог отойти в сторону и сделать это по-вашему, — сказал Тщинский.

Божек начал смеяться. Тщинский тоже рассмеялся. Потом спросил с любопытством:

— Ты что, Божек, в Бога не веришь? Ни в вашего, ни в нашего?

Божек обнял ствол шелковицы.

— Сегодня несколько минут верил, — сказал он неожиданно для самого себя. — И даже счастлив был. Но, видно, не хватает у меня в мозгу какого-то винтика. Всё это сразу прошло.

— А по некрашеному дереву стучишь?

— Нет.

— Почему? А вдруг с тобой из-за этого что-нибудь плохое случится?

— Ну и пусть случается. Если этот мир так устроен, что несчастье может случиться из-за невыполнения какого-то обряда, то плевать я хотел — пускай случается. К чертям собачьим такие порядки!

— Чего ты на меня злишься?

Божек хлопнул его по спине.

— Да не злюсь я на тебя. Жарко становится. Пошли купаться.

4

Сходя с весов, он услышал:

— До нормы не хватает нескольких килограммов.

Это сказал толстый сержант-санитар. Седовласый врач в капитанском мундире поспешил Божеку на выручку:

— Однако на фоне других он выглядит неплохо.

— Я в последнее время много хлеба ел, — объяснил Божек.

— Следов анемии не видно. На что-нибудь жалуетесь?

— Еще никогда не чувствовал себя таким здоровым.

— Покажите зубы. Цинги не было. Как вам это удалось?

— Дикий чеснок, господин капитан.

— Здоров, — сообщил капитан председателю-майору. — Проходите дальше.

Голый Божек подошел к майору и протянул ему листок.

— Берген, — прочитал майор вслух.

И передал листок секретарю комиссии. Выпятив губы, он рассматривал Божека из-под полуопущенных век. Потом перевел взгляд вниз, между ног Божека. И бросил секретарю через стол:

— Категория «Д».

— Спасибо, — сказал Божек как можно более вежливо и подошел к столу секретаря. Тот дохнул на печать, приложил ее к бумаге и крикнул:

— Следующий!

Одевался Божек со справкой в зубах. Документ! Бумажка — с его настоящей фамилией. Наконец-то он получил, чего хотел. Он чувствовал себя уставшим, не мог собрать мысли. Одевшись, он вышел во двор, где рекруты дожидались своей очереди, и вдруг услышал сзади тихое «эй». Божек обернулся и увидел молча смотревшего на него седовласого капитана с незажженной папиросой в руке. Черт побери, опять кто-то жалеет.

— Из Варшавы? — спросил капитан.

— Да.

Пауза. И наконец:

— Я тоже. Если бы это от меня зависело... Но вы не расстраивайтесь.

— Я был к этому готов.

— Почему вы не приехали сюда под другой фамилией? Могли бы спокойно придумать фамилию получше. У вас... неплохая внешность — да, несомненно. И произношение, хорошее произношение. Это очень важно. Вы сами виноваты.

— Конечно, это я во всем виноват.

— Что поделаешь... Таковы обстоятельства. Надо было врать.

— А недостающая деталь между ног?

— Иногда это бывает по медицинским соображениям.

— Но мне уже надоело врать.

Капитан покивал головой.

— Да, да, я понимаю. Как я вас понимаю!

— Майор не должен был так настырно заглядывать мне между ног. Мог бы хоть немного слукавить...

— Возможно, он тоже не хочет лукавить. Всем уже надоело врать. А цивилизация держалась за счет фикции, вам не кажется?

Потом седовласый капитан сказал:

— Не переживайте. Кто знает, кому будет лучше — вам здесь или нам в Персии. К тому же генерал утверждает, что здесь будут формироваться новые дивизии.

— Я тоже думаю, что еще поеду на фронт.

— Вы еще дойдете до Варшавы раньше меня.

— Возможно.

Изнутри кто-то позвал:

— Господин капитан!

Врач протянул Божеку руку:

— Мне надо идти, — взглянул на папиросу, которую забыл закурить, и положил ее в карман. — Не расстраивайтесь.

Уходя, он вздохнул:

— Варшава, Варшава...

Божек смотрел ему вслед и думал: Чего он вздыхает? Дал бы лучше пару ботинок. Теперь мне нужны только ботинки.

Тщинского Божек увидел лишь вечером. Тот был в новехоньком мундире, красный после недавнего похода в баню. Он был похож на любого другого солдата, просто невероятно! В полевой форме, пилотке, штанах и гетрах, с манеркой на ремне этот недотепа выглядел почти как англичанин. Он стоял в компании нескольких земляков, бывалых вояк.

— Эти господа из Здолбунова, — объяснил Тщинский.

Один из них, указывая на Божека, спросил:

— Это кто?

Тщинский бросил на товарища тревожный взгляд:

— Этот? Приехал сюда вместе со мной, — и меланхолично добавил: — Да, господа, а ведь мы выглядели точь-в-точь как он.

Божек медленно удалялся. Тщинский по-прежнему говорил со своими новыми приятелями. Он уже забыл о лохмотьях, сбросив с себя не только их, но и всё связанное с ними, в том числе и память о Божеке. Но я-то по-прежнему оборванец. Сейчас посплю, а завтра отправлюсь в город искать работу. И куплю какую-нибудь обувку, лучше всего калоши. Лежа под раскидистой шелковицей, он считал деньги и со страхом подумал о зиме. Того, что он заработает, может не хватить на пропитание.

Ему снилось, что мать привезла новые башмаки. Он даже удивился, что до сих пор не догадался написать в Варшаву. Попытался эти башмаки надеть, но ноги пухли, а башмаки всё уменьшались и уменьшались. Тогда мать стала резать их ножницами, а он злился, что она портит такие замечательные ботинки. Ему захотелось побить ее, гнев на мать закипал в нем и доводил до безумия. Он начал спазматически рыдать и от этого плача проснулся.

Божек сел, обхватив руками озябшие колени. Вокруг вяло поднимались рекруты. Их было гораздо меньше, чем вчера: одних взяли в армию, другие разъехались. Он встал и начал греться, прыгая на месте. Ему казалось, что издалека доносится хриплый голос капрала: «В уборную! Бегом! Строем!» Потом он услышал пение. Пели принятые в армию рекруты — Богу, который о них позаботился, дал им мундиры, ботинки и corned-beef. Ему снова подумалось, что он правильно решил не вставать на колени и не просить понапрасну.

Голос капрала приблизился и захрипел над самым ухом:

— Господа, у меня есть для вас новость!

Капрал стоял рядом и, торжествуя, обращался к ним, не принятым:

— Господа, советую не расходиться. Вы получите дневной паек. И мундиры!

Успокоив гомон, он объяснил:

— Командование решило выдать непринятым рекрутам сто мундиров. Уже составлен список. Так что не разъезжайтесь, господа, и ждите сбора. А пока можно получить на кухне завтрак.

Сто мундиров! Божек считал присутствующих. В двух шеренгах стояло около ста сорока человек. Было бы еще больше, если бы вчера после медкомиссии некоторые не отправились сразу на станцию. Сто человек получат мундиры, сорок уйдут ни с чем. Список уже составлен. Они должны были составлять список, исходя из того, кто как одет, а не наобум. Он огляделся: несколько человек выглядели еще оборваннее его самого. У него галифе залатанные, но по крайней мере прилегают к ногам. У ребят в потрепанных ватных штанах вид был особенно жалкий. Некоторые специально переоделись к раздаче мундиров, чтобы вызвать жалость. Вот этого дылду Божек еще вчера видел в отличных хромовых сапогах. А теперь этот подлец, сволочь зажравшаяся стоит босиком, хотя его и так выдают глаженые галифе темно-синего сукна. Если эта скотина получит мундир, а я нет, то я ему глотку порву.

Сто человек получат, сорок уйдут ни с чем. Я не получу. Я уйду ни с чем. Ясно, что так оно и будет. Лучше не ждать. Однако он не уходил.

Перед ними лежали пять стопок одежды, и возле каждой стоял унтер. Сто мундиров. Сто шинелей и пилоток, одеял и полотенец, комплектов белья и портянок. И сто пар ботинок. Божек не отрывал от них глаз. Новые крепкие ботинки. На много-много лет!

Капрал начал хрипло выкрикивать фамилии. Сплошь чужие. Эти счастливцы подходили один за другим и по очереди брали из стопок все, что положено: мундир — шинель — пилотку — одеяло — полотенце — белье — портянки. Теперь ботинки. Хоть бы кто-нибудь не взял! Хоть бы сказал: а ботинки у меня и свои есть, дайте вон тому, который на меня так смотрит. Молчат. Улыбаются. Счастливчики. Все они счастливее меня. Стопки уменьшались. Всё меньше этих одеял, шинелей, мундиров. Ботинки, мне бы только ботинки. Капрал извергал из себя фамилии, десятки фамилий, сколько же их на свете, этих людей? Слишком много. Размножились мы, мать нашу так, всюду толкучка. Сильные локти нужны, на всех не хватит, кому-то должно не достаться — и уже ясно, что ему. Это же очевидно — как раз ему и не достанется. Горло сжимается все сильнее, тяжесть мучительно наваливается на ребра грудной клетки.

Возле стопок одежды стоял маленький квадратный столик. За ним сидел черноволосый, смуглый как перс подхорунжий и ставил галочки напротив фамилий на листке бумаги. Этот подхорунжий напомнил Божеку о чем-то далеком. Какие-то туманные ассоциации. Где-то я его уже видел. В гимназии? Был там кто-то похожий, помогал строить декорации, освещал прожекторами сцену, на которой он, Божек, декламировал всякую чушь. «Будущее нашей физики»? Иллюзия! Было бы просто поразительно, невероятно, из области фантастики и сказок, если бы подхорунжий за столиком оказался Олеком Стаховичем, гимназическим мастером на все руки, добрым другом Божека. Это смахивало бы на чудо, причем чудо ненужное — ведь список уже составлен, да к тому же, видимо, этим самым Олеком Стаховичем, который теперь сидит в нескольких метрах от Божека и ничем не может ему помочь.

Капрал читал фамилии.

— Олек, — шепнул Божек.

Капрал грозно нахмурил брови, но подхорунжий за столиком вздрогнул и огляделся. Значит, это он! Услышал! Стахович смотрел на две редеющие шеренги и никого не узнавал. Вот он пожал плечами. Божек снова шепнул: «Олек», — и тот снова беспокойно заерзал.

Капрал заканчивал чтение списка. На земле всё еще лежало пять небольших стопочек одежды. Капрал подошел к наблюдавшему за церемонией поручику и шепнул ему что-то на ухо. Поручик утвердительно кивнул. Тогда капрал сказал тем, кто продолжал стоять:

— Поскольку некоторые из нашего списка уже уехали, осталось еще полтора десятка комплектов. Мы отдадим их вам. Господин подхорунжий! — бросил он в сторону столика. — Допишите, пожалуйста.

Стахович взял в руку карандаш. Божек выбежал из строя и бросился к столику.

— Олек! — говорил он быстро. — Олек, это я, Берген. Запиши меня: Берген. Олек, это я! Допиши меня!

Капрал рявкнул:

— Встать в строй!

Божек побежал обратно. Со своего места он подавал Олеку знаки, шептал: «Берген... запиши... это я». Тот смотрел на него, кивал головой, но Божеку показалось, что он ничего не написал.

Капрал перестроил их в одну шеренгу. Потом встал перед ними, подпер ладонью подбородок и испытующе прищурил глаза. Божек впился в него умоляющим взглядом. Я. Я. Больше не могу. Посмотри на меня. Больше не могу.

Он прошипел соседу в суконных галифе:

— Я знаю, что у вас есть сапоги.

— Т-с-с...

— Я видел вас в сапогах. Если сейчас вам дадут, а мне нет, то... вы еще увидите!

Капрал прохаживался вдоль шеренги. Внезапно его глаза встретились с глазами Божека. И Божек почувствовал, что капрал дрогнул, что он плачет. Этого плача не было видно — лишь приоткрытый рот, беспомощное подергивание щеки. Должно быть, у меня страшные глаза, — подумал Божек. Он уже знал, что́ произойдет, и не удивился, когда увидел вытянутую в его направлении руку капрала и услышал его хриплый голос:

— Ты.

Тяжелым шагом он подошел к столику и доложил подхорунжему:

— Берген.

— Знаю. Записал.

Первый унтер бросил на его протянутые руки полевую форму со штанами и пилоткой. Затем он получил шинель. Одеяло и полотенце. Комплект летнего и шерстяного белья. Фланелевые портянки.

— Размер обуви? — спросили его.

— Восьмой сойдет.

Нагруженный он отошел под шелковицу. Он снимал с себя старые залатанные галифе, черную от многочисленных дезинфекций рубашку, меховую шапку, которая так долго защищала его от солнечного удара. Переодеваясь, Божек плакал. Он не сдерживал слез, не мог совладать с рыданиями и, лишь когда увидел подбегающего Стаховича, вытер мокрое лицо уголком старой рубашки. Стахович оправдывался:

— Это ты, Божек? Черт бы тебя побрал! Не узнал! Со мной в лагере в Рыбинске был какой-то засранец Берген — я думал, это он. Ну, как-то обошлось. Помнишь этого идиота Сыского? Я тоже дурачился изрядно. А что с твоей девушкой, этой блондинкой от Калецкой? Мы пытались задействовать ее в Мольере, но играла она из рук вон. Ты выглядишь прямо как отец того Божека. Почему ты не надеваешь ботинки?

— Подожди минутку, пойду ноги вымою.

Он побежал со всеми вещами к реке и погрузил ноги в воду. Подождал, пока улягутся волны, и взглянул на свое отражение. Он увидел солдата с суровым ожесточенным лицом, темные глаза смотрели мстительно. Так это я? Этот кремень-парень — я?

Он вышел из воды, ибо понял, что начинает сочувствовать себе и любоваться собственным лицом как Нарцисс. Медленно и благоговейно он зашнуровывал ботинки — крепкие, прочные, износу им не будет. Мне чертовски повезло!

Встал, попробовал пройтись. Земля уходила у него из-под ног. Теперь он чувствовал себя более высоким, легким.

Очаровательная женщина в форме — светловолосая, зрелая, элегантная дама с офицерскими нашивками. Он безотчетно взглянул на нее и с удивлением заметил, что женщина, проходя мимо, улыбнулась ему с симпатией, почти кокетливо. Отойдя на некоторое расстояние, она обернулась и еще раз улыбнулась. Изумление пригвоздило его к месту. Боже мой, что произошло? Что такого произошло? Что случилось за эти двадцать минут?

Он поднял с земли лохмотья, в которые только что был одет, и прижал их к груди, шепча:

— Боже, Боже!..

Он не знал, что с ними делать. Оставить на память? Но его ужасала мысль, что они еще могут пригодиться. Он бросил их в реку. Всё: галифе, рубашку, кальсоны, шапку. Рубашка долго парила в воздухе, прежде чем упасть в воду. Течение подхватило одежду и унесло прочь.

Он отряхнул руки. Повернулся, сделал несколько шагов и ударил в землю каблуком. Великолепно! Не чувствуются неровности, корни, осколки стекла, твердость земли. Теперь он не будет бояться раскаленных камней и обжигающих рельсов.

Я никогда не забуду, — вдруг подумал он.

И произнес вслух, как в горячке:

— Подонки, негодяи, нюхатели фиалок! Я буду как вы. Теперь-то я знаю. Вы научили меня. Теперь я знаю.

Он шел к Стаховичу, который прислонился к стволу шелковицы и дружески беседовал с Тщинским. Тщинский заметил Божека, стал делать ему рукой знаки. Божек ударил в землю каблуком. Как гремит! И шепнул:

— Ну, теперь я вам покажу...

Осень 1956 г., Оборы

Józef Hen, Nikt nie woła, cz. I. Wydawnictwo Literackie, Kraków 1990-2013.

Валерий Мастеров

ОНА РАСПОЛАГАЛА К СЕБЕ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Ушла Тереса Торанская — человек и журналист высшей пробы

2013 год начался с невосполнимой потери в польской журналистике и общественной жизни. 2 января, на следующий день после своего дня рождения, скончалась Тереса Торанская — прима интервью и репортажа, автор книг, без которых невозможно зримо представить главных действующих лиц современной Польши. Близкие люди и друзья этой обворожительной женщины знали о ее неизлечимой болезни, но разве от этого легче переносится утрата?

С Тересой Торанской меня познакомил Мартин Войцеховский, публицист «Газеты выборчей». Это произошло во время одной пресс-конференции в пресс-центре Польского агентства печати и оказалось для меня событием с далеко идущими творческими последствиями. Конечно, заочно я знал известную журналистку — по публикациям в печати и книгам «Они» и «Мы», а по телепередачам, вроде ток-шоу «Теперь вы», представлял, как она выглядит. Знал, что у нее есть офицерский крест ордена Возрождения Польши, врученный «за выдающиеся достижения в журналистской и публицистической работе», что она отмечена премией польского ПЕН-Клуба им. Ксаверия Прушинского и стала первым лауреатом премии им. Барбары Лопенской за лучшее интервью (это была беседа с Войцехом Ярузельским). Все это я носил в себе, поскольку сам люблю жанр интервью, а с героями Торанской мне тоже доводилось пересекаться в моей корреспондентской работе в Польше. Понятное дело, мне очень хотелось познакомиться с Торанской. А когда это неожиданно случилось, то, признаюсь, словно язык прикусил.

Но благодаря радушию пани Тересы, моя неловкость растворилась без осадка. Она так участливо отнеслась ко мне, когда Мартин меня представил, что расположила к себе с первого взгляда. И через несколько мгновений общего разговора мне уже казалось, что знакомы мы давно.

Следующая наша встреча была тоже в какой-то мере случайной, но более обстоятельной. В Доме Полонии на Краковском предместье в Варшаве «Пресс-клуб Польша» устроил торжественный вечер по случаю вручения награды имени известного польского журналиста и редактора Дариуша Фикуса — «За журналистику самой высокой пробы». Собрался весь цвет польских СМИ, прибыли важные зарубежные гости. На награду за 2011 год претендовали 47 журналистов, в конечном итоге капитула выбрала трех номинантов, среди которых была и Торанская. Лауреатом же стала Эва Седлецкая из «Газеты выборчей» за цикл публикаций о конституционном трибунале. От этой же газеты выдвигалась и попавшая в призеры Торанская — за публикацию в приложении «Дужи формат» интервью с министром здравоохранения Эвой Копач.

Это интервью было одним из нескольких бесед Торанской с людьми, которые волею судьбы или профессиональной деятельности соприкоснулись с последствиями трагической катастрофы польского президентского самолета 10 апреля 2010 года под Смоленском. Об этой работе мы долго разговаривали с пани Тересой после окончания официальной церемонии, и я почувствовал, как глубоко погружена она в эту горестную тему, которая до сих пор не оставляет без внимания польское общественное мнение. Мне захотелось продолжить разговор уже «для печати». Торанская тут же согласилась и назначила мне встречу в своем любимом кафе «На Роздрожу», завсегдатаем которого был корифей польской журналистики Стефан Киселевский.

Своя в кафе была и пани Тереса — это было видно по особо приветливому к ней отношению. Был у нее тут любимый столик, любимый супчик. Но главным стал разговор «вокруг авиакатастрофы» и о «двух Польшах», на которые, по ее словам, поделилась страна после трагедии. «Не вижу надежды на объединение. Одна Польша должна уйти. Пусть останется в XX веке. Для нее через несколько лет места уже не будет. Она задержалась где-то в 80-х годах и там останется. Тут решит биология», — размышляла Торанская, когда я спросил ее, о чем будет ее очередная книга.

О том, как важна для Торанской точность в выражении мыслей и что разговор был для нее не проходным, я почувствовал вечером того же дня встречи, получив от собеседницы письмо:

«Уважаемый Валерий!

Я сказала Вам, что Польша поделена. Пожалуй, это не совсем точно, поэтому решила написать.

ПиС — это партия прошлого, живущая мифами и поддерживающая национальные фобии. Платформа — пытается (подчеркиваю: пытается) вырваться в будущее, освобождая поляков от мышления стереотипами. СДЛС хочет того и другого и не может решиться, что принесет ему больше выгоды на выборах.

А вообще я передаю Вам сердечный привет и благодарю за беседу.

Тереса Торанская»

К этому письму была еще приписка, которую я воспринял как доверие. Торанская просила в случае каких-то сомнений — спрашивать. И упреждала, что ничего редактировать и вычеркивать не будет.

В первую годовщину авиакатастрофы еженедельник «Новое время» («The New Times») опубликовал нашу беседу под названием «Катынь нам мстит до сих пор». Журнал вышел из печати, Торанская была довольна публикацией, а я никак не мог отойти от разговора, который, как мне казалось, остался незаконченным. И я попросил Торанскую продолжить беседу, на что тут же получил очередное приглашение все в то же кафе «На Роздрожу». Результатом новой встречи стало большое интервью «Усталость от траура» в «Новой Польше» (2011, №6).

За три дня до ухода из жизни Тереса Торанская сказала в интервью: «Журналистика — это моя группа крови». Да, журналистика была для нее животворной средой, но корпоративность, как ее сейчас культивируют, была ей чужда. Помню представительную конференцию в феврале 2011 года в Варшавском университете: «Год 1989-й в Европе. Картина — Память — Завещание», где Торанская

принимала участие в нескольких дискуссиях. Вызывая огонь на себя, она не щадила и журналистскую братию. «Медиа играют огромную роль и, к сожалению, все чаще негативную. Журналисты могут продвинуть то, что выглядит на самом деле совершенно по-другому», — говорила Торанская, подтверждая примером «жирной черты» Тадеуша Мазовецкого, смысл которой был повернут против первого некоммунистического премьера в послевоенной Польше. Именно журналисты, как подчеркивала Торанская, внушили, что Мазовецкий отпустил грехи коммуне, а ведь он сказал следующее: «Прошлое отчеркиваем толстой жирной чертой. Отвечать будем только за то, что сделали, чтобы вытащить Польшу из нынешнего состояния надлома и отчаяния». Торанской всегда было важно не допускать искажений действительности в угоду сиюминутной конъюнктуре.

На той же конференции Торанская еще раз вернулась, видимо, к наболевшему: «Мне кажется, что случилось что-то очень плохое в моей профессиональной среде. Журналисты, которые должны быть четвертой властью, часто переоценивают свою роль. Недостает честной и глубокой информации, которая бы не уступала сенсациям, называемым ньюсами».

В памяти моего мобильного телефона останется эсэмэска от Тересы Торанской, в которой она сообщает свой новый номер. В нем остались три «восьмерки», только в старом они лепились вместе, а в новом им предшествовали нули. Теперь эти «восьмерки» воспринимаются как уход в бесконечность. Вслед за Тересой Торанской...

Валерий Мастеров — многолетний собственный корреспондент российских СМИ в Польше.

Дебора Фогель

Перевод Даны Пинчевской

ПИСЬМА БРУНО ШУЛЬЦУ

От переводчика: Имя Деборы Фогель мало известно современному русскоязычному читателю, и причин тому несколько. Первая и решающая — полное отсутствие переводов ее произведений на русский язык[1]. В качестве второй причины следует указать «пограничную» позицию писательницы, каковую она вполне сознательно занимала в отечественной литературе и искусстве как при жизни, так и после трагической гибели в Яновском концлагере, чаще называемом львовским гетто. Третьим и, наконец, одним из самых существенных объяснений может стать тот факт, что Дебора Фогель никогда не стремилась очутиться в центре какого бы то ни было исторического процесса, включая и процессы художественный и литературный, так как, согласно негласному кодексу чести прирожденных просветителей, слишком долго занималась чужими делами, чтобы сохранить должное количество сил для дел своих собственных.

Впрочем, все вышеизложенное нуждается если не в объяснении, то в дешифровке. Итак, начну с начала.

Польско-еврейская писательница Дебора (Двойра; Debora; Dvojra) Фогель (Вогель; Vogel-Barenblüth) родилась в галицийском городке Бурштын, название которого в переводе с украинского и польского означает янтарь, в 1902 г. в, что называется, просвещенной еврейской семье: отец и мать писательницы были учителями. Полиэтническая и, следовательно, поликультурная Галиция, будучи провинцией Австро-Венгерской империи, себя таковой никогда не ощущала, почему ее жители, в частности непосредственно связанные с какими бы то ни было культурными процессами, были легки на подъем: так, Дебора поступила в гимназию во Львове, закончила ее в Вене, куда семья уехала во время Первой Мировой войны, а затем, после нескольких лет преподавания в львовской еврейской гимназии, легко поступила в краковский Ягеллонский университет, каковой окончила (в процессе обучения вполне успешно освоившись с западноевропейскими художественными процессами), защитив диссертацию на факультете философии с симптоматичным для всей ее дальнейшей деятельности названием «Познавательные свойства искусства у Гегеля и его модификации у Иозефа Кремера».

Философ по образованию, искусствовед по роду деятельности и писатель по призванию, Дебора Фогель вернулась во Львов, где ей предстояло уже во взрослом возрасте выучить идиш и превратиться в автора ряда публикаций, посвященных изобразительному искусству и литературе, а также состояться в качестве поэтессы и переводчицы. Перечислять все ее публикации в данном случае нет смысла: во-первых, потому что эта тема слишком обширна для отмеренной статье теме; во-вторых, по той причине, что польский идишист Каролина Шиманяк осуществила этот труд в собственной диссертации, а также в монографии «Быть агентом вечной идеи: перемены эстетических взглядов Деборы Фогель»[2].

Если говорить о некой сверхзадаче, объединяющей все занятия и интересы Деборы Фогель, которую она никогда не формулировала ни в письмах, ни в официальных публикациях, то ее цель

---

[1] Несколько моих попыток исправить ситуацию окончились тремя разрозненными фрагментарными публикациями: 1. Доклад на научной конференции по иудаике «Книжная графика группы «АРТЕС»: иллюстрации Генрика Стренга к прозе Деборы Фогель» // Научные труды по иудаике. Материалы Семнадцатой Международной ежегодной конференции по иудаике. Т.1. М., 2010. 2. Дебора Фогель. Цветочные с азалиями // Сетевой журнал «Двоеточие». 2010. №15. Пер. с польского: Дана Пинчевская. Ред. Р.Шустерович. http://dvoetochie.wordpress.com/2010/11/24/debora-fogel-zvetochnye/. 3. Д.Пинчевская: «И вновь цветет акация...» О прозе Деборы Фогель // Сетевой журнал «Двоеточие». №11. http://polutona.ru/index.php3?show=dvoetochie&number=11&id=312

[2] Karolina Szymaniak. Być agentem wiecznej idei. Przemiany poglądów estetycznych Debory Vogel. Krakow, 2006.

была непростой: я бы рискнула определить ее как органичный синтез традиционной еврейской культуры диаспоры с идеалами европейского просвещения — в сфере изобразительного искусства и, конечно, литературы. В сущности почти все ее произведения были в той или иной степени удачной попыткой перевода, здесь — в понимании перевода ряда культурных ценностей, читай: кодов, — на иврит и идиш, то есть на языки еврейской диаспоры, в то время по понятным причинам настроенной аутично.

Междисциплинарная, как теперь принято говорить, деятельность в культурологической сфере во Львове конца 1920-х — 1930-х гг. была отнюдь не тем видом занятий, какой горячо приветствовали широкие слои общественности, но, балансируя на границе между философией, искусствоведением и литературой, Дебора Фогель успела сказать всё, что считала нужным, — благодаря невероятной литературной одаренности, а также друзьям, которые подтверждали своими произведениями лучшие из ее теорий, и, конечно, в силу существования ряда периодических изданий, которые даже если не всегда разделяли ее взгляды, то во всяком случае считали нужным публиковать ее статьи, эссе, аналитику и, конечно, литературные произведения.

Лотерея, которую по не всегда прозрачным причинам определяют в качестве путевки в пресловутую Историю, выдала этой писательнице странный билет: будучи концептуальным писателем и критиком, убежденным в том, что искусствоведение — это наука и, следовательно, оперирует рядом точных терминов и универсальных схем, позволяющих объективно оценивать произведения искусства, Дебора Фогель предстала перед читателем XXI века в роли «музы», причем музы писателя, который никогда не стал бы тем, кем мы его знаем, если бы не случайное знакомство с ней летом 1930 г. на горном курорте в Закопане, в мастерской известного уже тогда художника Станислава Игнация Виткевича — Виткация. Впрочем, дальнейшее коротко и емко описывает Ежи Фицовский, первый и длительное время бессменный биограф Бруно Шульца:

«Она была доктором философии, автором книги стихотворений, энтузиасткой современной живописи. В Деборе Шульц обнаружил интеллектуально близкого себе человека, и случайное знакомство со временем превратилось в долгую дружбу. С тех пор он бывал у Деборы — ее называли Дозей — во Львове и проводил множество времени, гуляя, общаясь и дискутируя с ней. Вскоре оба удостоверились в том, что их многое объединяет и что вдохновение, возникающее благодаря их общению, убедительно и взаимно.

Они начали обмениваться письмами, и около года спустя после начала переписки в письмах Шульца стали появляться фрагменты блестящих мифических историй, написанных в пространных постскриптумах. На фоне магически преображенного Дрогобыча, во времени, которое избавилось от непрерывности и освободилось от бесповоротности собственного течения, начали разыгрываться перипетии отца Якуба и сына Юзефа, которые очаровывали свою единственную читательницу. Поиски нового «сообщника для новаторских начинаний» подействовали, как некогда, в качестве возбудителя. Из постскриптумов, написанных сперва для единственного адресата, возникла книга «Коричные лавки»»[3].

Лирическая изнанка этой истории неоднократно подвергалась различным истолкованиям, в большей или меньшей степени правдоподобным. Так, исследователи писали о невероятной близости этих людей; об их не состоявшемся — из-за запрета матери Деборы — браке; о нерешительности самого Бруно, который, в частности, размышлял об особенностях собственной неважной наследственности в том ключе, в котором обычно рассуждают люди, вынужденные оправдываться перед социумом за свое одиночество. Все эти версии в той или иной степени верны, в чем нетрудно убедиться, читая оставшиеся письма обоих писателей; но, согласно этим источникам, можно с неменьшей уверенностью утверждать, что в расчеты толкователей закралась некая существенная ошибка, объяснению которой как переводчик прозы и поэзии Деборы Фогель я сейчас пытаюсь посвятить некоторое количество предложений.

[3] Цит. по: Єжі Фіцовський. Регіони великої єресі та околиці. Пер. з польськ. А.Павлишина. Київ.: Дух і літера, 2010.

Мне кажется, нет ничего проще попытки подогнать под некие общественные стереотипы отношения между людьми творческих профессий: катастрофическое отсутствие контакта таких людей со стереотипами занимает в истории литературы не меньшее место, нежели, скажем, интерес к теме совместимости «гения и злодейства». Ключ к пониманию отношений между этими людьми легче найти в той области, которой каждый из них отдал довольно времени и внимания, а именно в философии, в той ее части, которая теперь, в зависимости от говорящего, определяется в качестве «религиозного экзистенциализма», или, менее официально, «философии диалога». Один из его основоположников, Мартин Бубер, современник и в известном смысле соратник Деборы Фогель — во всяком случае в том, что касается личного отношения к просвещению, — размышляя над феноменом близости такого рода, в частности, писал:

«Тот, кто говорит Ты, не обладает никаким нечто как объектом. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто; каждое Оно граничит с другим Оно; Оно существует лишь в силу того, что граничит с другими. Но когда говорится Ты, нет никакого Нечто. Ты безгранично. Тот, кто говорит Ты, не обладает никаким Нечто, он не обладает ничем. Но он со-стоит в отношении»[4].

Понимание человеческой близости как философского феномена с точки зрения участника процесса отношений такого рода означает беспрерывную рефлексию, неотъемлемую от предельной, не всем доступной искренности, в том числе с самим собой. Для зрителя она остается тем, чем такие вещи всегда остаются для зрителя, а именно повествованием, правдивости которого каждый волен верить в меру отпущенной ему веры.

Я сознательно не стану пересказывать здесь биографию Бруно Шульца. Открытие, реконструкция, деконструкция, а затем повторное воссоздание галицийского мифа, в том числе той его части, которая возникла благодаря творчеству этого писателя, хорошо знакомо русскоязычному читателю благодаря изданиям его прозы в переводе Асара Эппеля, а также международным выставкам, литературным фестивалям и всем другим существующим формам воссоздания духа эпохи, каковое неуклюжая постсоветская терминология называет «популяризацией культурного наследия». Но, постепенно возвращаясь от разговора о личностях к теме публикации, следует на прощание указать, как именно об одном из реальных последствий своих отношений с Деборой Бруно Шульц однажды написал своей невесте, Романе Гальперн: «Жаль, что мы не познакомились на несколько лет раньше. Тогда я еще умел писать прекрасные письма. Из моих писем постепенно возникли «Коричные лавки». Те письма были адресованы госпоже Деборе Фогель, автору книги «Акация цветет»[5]. Большая часть этих писем погибла»[6].

Почти все герои этой истории погибли в Катастрофе, особенно беспощадной в Галиции, в одном и том же 1942 году. Дебору вместе со всей ее семьей убили во Львове, во время так называемой «акции», где шлифовал свои таланты будущий командующий расправой над Варшавским гетто, эсэсовец Юрген Штрооп. Бруно Шульца расстрелял в Дрогобыче пьяный немецкий офицер. Спустя несколько десятилетий галицийский миф с относительным успехом осторожно отмывается от невыносимого запаха крови стараниями культуртрегеров, литераторов и переводчиков, в частности, посредством серии фестивалей, посвященных творчеству Бруно Шульца.

На этих фестивалях среди «женщин Бруно Шульца» иногда упоминается имя Деборы Фогель. Нижеследующая публикация, на мой взгляд, если не проясняет, то во всяком случае отчасти уточняет нюансы вероятных ответов на некоторые вопросы, какими задаются литературоведы, сравнивая прозу Бруно Шульца с произведениями Леопольда фон Захер-Мазоха и Франца Кафки, изредка включая в этот перечень также и ее имя.

Перевод осуществлен по изданию: Bruno Schulz. Księga listów. Zebrał i przygotował do druku Jerzy Ficowski. Wydanie trzecie. Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2008.

---

[4] М.Бубер. Я и Ты // М.Бубер. Два образа веры. М.: АСТ, 1999.

[5] Книга Деборы Фогель «Акация цветет» впервые издана в 1932; польское переиздание книги осуществила Каролина Шиманяк: Debora Vogel. Akacje kwitną. Il. Henryk Streng. Posł.: Karolina Szymaniak. Krakow, 2006.

[6] Bruno Schulz. Księga listów.

1

21.V.1938

Бруно!

Декорация этого письма... — Сколе*. Дорога из Сколе в Хоростов**, куда я собиралась отправиться после того, как сняла жилье на лето в Сколе, но передумала посреди пути. Я как-то странно подавлена и раздергана этим сегодняшним днем: не знаю, как смогу прожить здесь два месяца — как полагалось бы по нашим планам. Не знаю даже, смогу ли работать — в согласии с первоначальными намерениями. И что хуже всего — не знаю, буду ли еще располагать деньгами на какую-нибудь другую, необходимую и личную поездку.

У меня такое ощущение, как будто всё во мне омертвело для гор — несмотря на то, что они и теперь «издалека подобны синим сливам на блюде одиночества». Кажется, будто с последним умирающим звуком этой метафоры окончена и глава поэзии тишины, пустой тишины, пустоши, для которой у меня некогда было столько имен. Можно ли так сказать: пустота природы? Однако такова она для меня сегодня, здесь, враждебностью своих форм, лишенных человека, в то время как, втиснутая в городской пейзаж, ошеломляет запахами, зеленью, блеском зелени, наложенным на палевый асфальт.

Нам необходимо многое. Урбанизм — не пустая фраза. Мы должны отдыхать в чужих городах. Когда ты будешь в Париже — возвращаюсь к практическим делам, — а я смогу отложить немного денег, — то приеду к тебе в две последних недели августа. Сейчас это невозможно ввиду следующих сложностей: неделю назад Ась*** сломал лодыжку, и теперь его ножка в гипсе, потом нужен специальный уход; ко всему не могу возложить всё на маму, которая в последнее время неважно себя чувствует, а с той истории с Асем (здесь можно сказать почти о настоящем счастье, что не случилось катастрофы) лежит в постели и ничего не может делать.

О формальностях насчет отъезда: я в прошлом году ездила с экскурсией, но при этом с индивидуальным паспортом (он стоил 80 злотых), так что могла возвратиться отдельно. Слышала, что в этом году должны быть специальные льготные условия выезда во Францию (результат туристического соглашения между Польшей и Францией): паспорт стоимостью в 40 зл. будет действителен на целых два месяца, а поездки в пределах Франции очень дешевы. Уточни детали в «Орбисе». Для паспорта необходимо удостоверение личности, документы о гражданстве и доходах в Польше (Á propos: мы случайно вычитали новость о твоих успехах на поприще преподавания...)

А теперь снова вернусь к твоему письму: разумеется, абстрактное знание о диалектике действительности должно быть подкреплено реализацией, без которой оно бесплодно. Однако же оно помогает в предельном отчаянии и безнадежности. Больше, чем кто угодно из людей мог бы помочь. И, возможно, больше, чем та вторая, предложенная тобой возможность продолжить себя и свои нереализованные возможности в потомстве. У меня серьезные сомнения насчет этого продолжательства, да и ты подчеркиваешь сомнения: собственные дети редко обращаются к нам, обычно идут за началами к другим, будто инстинктивно защищаясь от вырождения, свойственного слишком близкому «браку», избыточной близости психического тела, ведущей к разложению и упадку. Они предпочитают восстанавливать чужие, суровые для них элементы мысли и способы психического бытия. Но если бы даже всё было не так — могут ли продолжатели утешить нас, пока мы чувствуем собственную неуспешность, пока мы вообще хотим чувствовать, что живем? Сомневаюсь.

И у меня такое впечатление, что не эту роль играют в нашей жизни дети. Если мы хотим обобщить принцип тоски по потомству, то разве только как некую эмоциональную транспозицию стоического принципа: жить в согласии с природой?

Что касается Лоуренса**** — не знаю, чисто теоретически, что появляется в моем подсознании

---

* Сколе — дачная местность в Стрыйском повете [ныне районный центр Львовской области. — *Ред.*]. — *Здесь и далее (если не указано иначе) прим. Ежи Фицовского из вышеуказанного издания.*

** Правильно — Коростов.

*** Ась — сын Деборы Фогель.

**** Дэвид Герберт Лоуренс (1885-1930) — английский прозаик, поэт, эссеист, критик; в частности автор исследования «Psychoanalysis and the Unconscious» (1921), а также романа «Любовник леди Чаттерлей» (1928).

в этом случае. В сознательном сознании заложено неодолимое ощущение непродуктивности такого подхода к половому вопросу, несущественности и пустоты, таящейся в нем, и большой ошибки, согласно которой некоторые формы извращения (а преувеличение определенных функций я тоже считаю извращением) возведены в достоинство новой, примитивной, прекрасной любви. Нет, это не любовь на Таити и даже не та, определение которой в качестве идеала и отхода от французской любви я нахожу в третьем томе «Тибо»* («Пора расцвета»)!

Это ошибка. И только сочетание ошибки с сенсационностью, грубой отваги и преодоление стыдливости в этих вопросах позволило поставить эту книгу** в ряд важных книг. Но сенсация не всегда сопровождает несомненное открытие, от которого требуется нечто большее — в особенности план, и красочность, и полнокровность жизни.

Возможно — но не уверена, — я смогу приехать к тебе на один день. Напишу после. Передай мою благодарность Виту*** за последнюю открытку и передай ему, что на днях я свяжусь со Стренгом****, чтобы узнать о судьбе его вечера.

Небо заволокло тучами. Очень грустно. Возвращаюсь в Сколе, а там на вокзале буду ждать отъезда поезда.

Сердечно жму руку.

Дозя

2

Бруно!

Твое последнее письмо вернуло мне давний образ осеннего ландо, на котором мы должны были вместе уехать в красочную страну. Запах путешествия обладает неотразимым очарованием и странным образом всегда ассоциируется с образом кого-то другого, спутника. Затем оказывается, что хорошо быть одному, совсем хорошо быть более чем одному — быть одиноким, оставленным, безнадежно отданным на милость оставленности и бездомности. Тогда «видится» хорошо. Несмотря на это тоскую по путешествию с тобой. Невероятно интересуюсь художественным результатом этого путешествия, разговорами о некоторых улицах и образах, которые, возможно, позволят нам обоим кристаллизовать наш одинаковый или разный подход.

Во мне здесь, кажется, не нарастает никакого нового жизненного слоя — во всяком случае, как о том до сих пор свидетельствует контроль, нет. Но произошло нечто иное: необходимость возвращения из «тупика» времени, сильная, хищная тоска по труду, контроль каждой потерянной минуты и переход прежнего содержания в стадию, которую можно определить как «выход из обращения», выход из интеллекта, отступление в тело, откуда это содержание излучается в интеллект при соответствующих, ассоциативно навязывающихся, спровоцированных обстоятельствах. Теперь нужны только соответствующие обстоятельства, чтобы кристаллизовать дальнейшие слои образов и концепций. Жаль только, что конец пребывания здесь испортил мне инцидент с простуженными почками; чувствую себя уже лучше, но не хочу рисковать с поездкой в Дрогобыч, на которую я так давно настроилась. Поэтому очень вас прошу: приезжайте сюда. До среды (7.IX) мы остаемся в Сколе: к примеру, приезжайте в воскресенье. Это было бы прекрасно — а я уже из Львова отдам задолженность (беру гувернантку к Асю). Кто хочет со мной познакомиться? Это безумно любопытно — тем более что я «живу» такого рода встречами. Меня окружают люди, о духовных качествах которых можно говорить с гордостью: мне повезло общаться с интереснейшими среди совре-

---

* Д.Фогель упоминает роман Роже Мартена дю Гара «Семья Тибо». — *Прим. пер.*

** Речь, по всей вероятности, идет о «Любовнике леди Чаттерлей».

*** Юлиуш Вит (1902-1942), настоящая фамилия Витковер. Поэт, связанный с кругами краковского авангарда. Погиб во Львове во время немецкой оккупации. Бруно Шульц написал рецензию на сборник его стихотворений «Лампы» (Новый поэт // Сигналы. 1936. №23).

**** Генрик Стренг (1903—1960) — живописец, участник и соавтор львовской художественной группы «Артес». Учился во Львове, затем в Париже, в Академии Фернана Леже. Был, в частности, автором иллюстраций к книге Деборы Фогель «Цветет акация»; во время войны был свидетелем уничтожения Деборы Фогель и всей ее семьи во львовском гетто. После войны с новым именем Марек Влодарский — преподаватель, а затем профессор варшавской Академии изобразительного искусства.

менников, и я даже сама иногда не ценю этого факта — это случилось как-то машинально, как нечто само собой разумеющееся, в то время как другие должны бороться за такие «отношения».

Что касается моего положения в польск[ой] лит[ературе], то я сама во многом виновата, не используя возможности дальнейших публикаций как теории, так и других работ. Возможно, немного наверстаю, если усилие воли появится. В последнее время во мне была внутренняя вялость, результат усталости и технического отсутствия времени.

Но сейчас я не хочу больше писать — хочу разговаривать. И жду вас в воскресенье, в понедельник или — самое позднее — во вторник.

Очень прошу тебя передать несколько слов Виту и прощаюсь,

сердечно,

Дозя

1 сентября 1938 года

3

21.XI.38

Бруно!

Вчерашний день, которого я ждала с такой надеждой, желая возродить и начать новую серию прежних воскресений, оставил мне легкий осадок неудовлетворенности: мы почти друг с другом не разговаривали, а такие поверхностные, интеллигентские разговоры с чужими людьми — это именно то, чего я избегаю. Сколько лжи, сколько искусственных, механических переживаний и псевдозаинтересованности они провоцируют, принуждая к искусственной активности!

А может быть, мы подсознательно избегаем друг друга, и поэтому с некоторого времени окружаем себя чужими, если встречаемся? Возможно, подействовали и сделали свое все эти высказывания о нашем сходстве, и мы теперь не хотим чрезмерно раскрываться друг перед другом? Как печальна такая скупость, как непродуктивна. Сколько дурного может натворить человеческая глупость, и как грустно, что именно она обладает такой властью даже над самыми существенными потребностями, даже над глубочайшей человеческой тоской. Ведь наши прежние разговоры и наш контакт были одним из тех немногочисленных чудесных явлений, какие случаются единственный раз в жизни, а может быть, только раз на сколько-то безнадежных, бесцветных жизней.

И мы сами обрекли друг друга на присутствие человека, который меня на самом деле не раздражает, но тебе испортил настроение и к тому же был так лишен проницательности, что не оставил нам даже последнего получаса. По дороге я была зла на него, невероятно зла.

Это, однако, не означает, что я не выдавила для себя из этого дня хоть немного красочности. Твое присутствие само по себе хорошо на меня влияет (признание пансионерки первой половины XIX века, т.е. романтической). Загляни как-нибудь во Львов — возможно, на каникулах я поеду на несколько дней в Варшаву.

Читаю роман Пейпера*, который кажется мне бессодержательным.

Берусь за подготовку вступительного слова на моем вечере. И думаю, что если бы в союзе осуществились наши совместные вечера, то пусть каждый из нас говорит о себе. Я напишу тебе, будет ли это дело устроено и как.

Сердечно жму твою руку

Дозя

Передай поклон и благодарность сестре.

Мои поздравления госпоже Лауре**, — уже теперь.

---

* Тадеуш Пейпер (1891-1969) — поэт, литературный критик, ведущий представитель «краковского авангарда» 1920-х. Здесь имеется в виду его автобиографический роман «Ему 22 года» (1936). — *Ред.*

** Лаура Вюрцберг (1913—1942), дрогобычанка, близкая знакомая Бруно Шульца, работала библиотекарем в публичном читальном зале Дрогобыча «Альфа», во время написания письма — начинающий литератор. Шульц помогал ей в ее писательских экспериментах и рекомендовал ее сочинения различным редакциям (возможно, в частности, и львовским «Сигналам»). В 1938 в одной из газет, благодаря посредничеству и поддержке Бруно Шульца, было напечатано ее первое произведение — «Пожар», основанное на детских воспоминаниях писательницы о пожаре на нефтяной шахте в Бориславе. Ее последующие тексты и далее публиковались на страницах прессы до начала Второй Мировой войны. Лаура Вюрцберг была расстреляна во время немецкой оккупации Дрогобыча.

4

7.XII.38

Бруно!

Целых две недели пишу тебе письмо, но никак не получается кодифицировать его. И нарастает череда смен, которые я должна испытать по очереди вплоть до последней, до реакции на твое странное и неожиданное последнее письмо.

Итак, сперва было это письмо, ответ на мое однодневное пребывание в Дрогобыч. Ты выдал одну вещь, о которой я не подозревала: что ты меня ревнуешь. Должна быть откровенной: даже теплые, колоритные интеллектуальные контакты, такие как с Минкоффом или — в течение некоторого времени — с Ройтманом*, — выглядят совсем иначе, нежели исключительные по своему характеру отношения с тобой. Выживание и насыщенность такого колорита после стольких перипетий и нескольких резких нападок со стороны — правда, без нашей вины — действительности, похоже, свидетельствуют, что нет никаких видов на конкуренцию и что это всё-таки одно из тех незыблемых дел, которые на языке бессмертных, на языке уже канонизированных, и называются «бессмертными». Что касается лица, замешанного в этом подозрении, то я начинаю, под влиянием твоим и твоего окружения, видеть отчасти вашими глазами — но справедливо ли это? Я ценю в нем его страсть и поэзию, но ничего глубокого нас с ним не связывает.

Я чрезмерно задержалась на первой смене твоего письма.

Немного писала, заканчивая несколько вещей, и готовила вечер. Как больно, что, как только я выхожу к людям, меня всегда ждет разочарование. Этот вечер вновь пробудил тревогу и горечь, в последнее время было утихшие: для кого я пишу по-еврейски? Те, кто пришел, понимали, в чем дело, но им мешало незнание языков. Из еврейских поэтов и т.н. идишистов не пришел никто. Стренг кипит от возмущения и утверждает, что сам этот факт отпугивает его от всяких контактов с евреями. Я на вид спокойнее, привыкла к тому, что мной пренебрегают те, кто невежествен в поэзии, тем не менее довольно остро ощущаю обобщения и перспективы этого явления. Сегодня я снова слегка смирилась, то есть спокойна, но несколько ночей не могла уснуть, листая страницы той грустной книги, которая описывает мою судьбу и безжалостно пророчит мое будущее.

Впрочем, был в этом вечере и позитивный момент: если моментами я не была уверена, удалось ли мне художественно сформулировать актуальные элементы, политический и общественный (это был один из трудных экспериментов), то во время выразительного, громкого, отчасти декламационного чтения я убедилась, что удалось. Возможно, этот момент придает смысл всему вечеру. Зося Лисса, суждения которой весьма компетентны, была очень взволнована.

А теперь уже перехожу к последнему письму.

Я хотела бы пройти с тобой строку за строкой — в разговоре. Не только потому, что ты так серьезно требуешь серьезной реакции — «не лишь бы что», — но потому, что твое письмо годится на проблематизирование. А когда мы будем — может быть, в ближайшее воскресенье? — читать это письмо, прочтем еще и другое: то, которое ты писал, узнав о моем обручении, и мое письмо тех времен, кажется, неотправленное, или, может, отправленное не в той форме. (Наводя порядок, нашла пакет с твоими письмами, и прошу тебя вернуть мне другие, одолженные, если они тебе не нужны, и те, что были в свое время у доктора Фр., — я хочу упорядочить их хронологически). Что их связывает? Есть у меня некая странная, иррациональная ассоциация размышлений; случайно прочитанное вышеупомянутое письмо сложило такую фигуру размышления: не потому ли я не сделала выводов из того письма, что не верила в его буквальность? Что отнеслась к нему, несмотря на то что сама тогда чувствовала в этих категориях и так отчаянно, скорее как к поэзии на тему, чем к буквальному признанию, и не верила, что ты действительно умеешь желать жизни и счастья, но всегда превращаешь эту тоску в чистое, сублимированное переживание и на том отчасти успокаиваешься, на этой поэзии

* Ройтман — Ежи Рейтман (1888-?), польско-еврейский поэт, публицист, предприниматель, общественный деятель. В 1933 положил начало строительству туристического центра отдыха «Свечение» в Коростове близ Сколе. Этот центр вскоре стал модным оздоровительным курортом, в частности в среде еврейской интеллигенции. Шульц изобразил Рейтмана в своем рассказе «Республика грез».

жизни, на этом экстракте чудесного, не желая или не умея распробовать грубое и серое сырье, полное скуки и труда? Вероятно, так я чувствовала, располагая, кстати, определенными доказательствами, как мне — возможно, несправедливо — казалось.

Потом мы повзрослели. Центр тяжести нашей жизни сдвинулся к формулированию жизни, и вот теперь ты пишешь мне письмо как раз о поисках счастья и прежде всего именно на этой основе. О совместных поисках. Берусь [...]*.

5

9 I 1939

Бруно!

Вторично перечитала твое письмо, чтобы найти в себе ту же реакцию, что и неделю назад, согласие — в особенности — с той его частью, где говорится о твоем отношении к Т[омасу] Манну, некоторые сомнения насчет оценки моего подхода и отождествления наших миров. Нет, мне не жаль времени на дискуссии об этих материях — что же лучшего найти для работы нам, разделенным океанским пространством трех часов езды пассажирским поездом, нам, осужденным главным образом на логические чувства, на эти красочные чудеса, растущие из мышления и суждений? Призн***а***юсь также — в этом случае — в склонности к абстрактному; интересные мыслительные сопоставления у меня обладают красочностью поэзии и формы, вызывают дрожь напряжения, подобного напряжениям, которые вызывает иррациональное (алогичное) сопоставление элементов, — так почему бы не подискутировать, почему не употребить и это средство, чтобы поддержать в себе временами угасающий огонь красочности?

Я без оговорок разделяю твое восхищение Т.Манном. То, что он дает, — это чистый экстракт «мудрости и сна», обвенчанных счастливей всех в мире, это иррациональность (сон), схваченная самыми мудрыми и точными словами, какие нам когда-либо доводилось слышать. И эта конденсация содержания, эта необходимость и наполненность каждого слова, дорогого, как драгоценный плод. Да, эти книги можно читать бесконечно, их никогда не будет слишком много, наоборот: складывается такое впечатление, как будто во время предыдущего чтения не всё прочитано, что-то упущено, что-то не понято. И в то время как вторая часть трилогии как будто слабеет и слишком часто повторяет первую — третья, с описанием двора фараона и молодого Иосифа в Египте, возносится на высоты нового откровения. (Я заказала для тебя книги, но книжная лавка мне до сих пор не ответила). Можешь написать ему**, наверняка до него никто ему не говорил о таких вещах в такой форме и с такой лексикой.

А теперь вторая часть письма; начну с вопроса: считаешь ли ты, что те, у кого набор конкретностей складывается в фигуру, исполненную логического смысла, могут иметь в частной жизни переживания, настолько и в такой степени важнее и сильнее, чем мы (в этом случае, говоря о таких вещах, я с некоторым правом говорю о нас на одном дыхании), — в такой степени, в которой складывается сопоставление их конкретности и нашей пресловутой абстракции? Я так не считаю. А говорю об этом в связи с предложением: «как хочешь напрягай свою память, но ты не найдешь в твоей биографии ничего, что могло бы быть предметом повествования».

Мы также проходим через всё «человеческое», больший либо меньший процент внешних аксессуаров здесь, на мой взгляд, не имеет значения (к примеру: любили ли мы раз в жизни или у нас было множество любовных приключений — я считаю это маловажным с момента, когда в тот единственный раз мы испытали всю «сладость и горечь», все возможности любви либо какое-то их количество, зависящее как раз от того, как сложились обстоятельства). Ты скажешь, что это оно и есть — что я хочу жить «примерами» жизни, той мизерной конкретностью, которую мы, как ты выражаешься, «раздуваем в пламя». Не думаю, что другие поступают как-то иначе, что они не живут образцовой жизнью, которая открылась им в некоторых — не во всех — их переживаниях; что так, как я или как

* Здесь письмо обрывается.

** Переписка между Томасом Манном и Бруно Шульцом началась приблизительно в 1939 и насчитывала всего несколько писем; ее прервала Вторая Мировая война.

мы, она не имеет за собой огромного количества «переживаний» (в этом месте употребление этого слова — своего рода «contradictio in adiecto»), из которых ничего нельзя вытащить, которые отпадают, как плева, обогащая самое большее одним нюансом, одним оттенком цвета то главное, образцовое переживание, и потом этот нюанс привязан только к нему. И у нас, как у них, есть за этой человеческой, серой и извечной жизнью, а скорее перед ней — некая доля романтики, приключений, страшных ошибок и катастроф; и у нас есть некий процент экзотики, приходящий к нам в обличье путешествия, посещения чужих и незнакомых городов, окрестностей и в виде неожиданных там встреч. И не обязательно это путешествие должно длиться целых шесть месяцев, чтобы пережить — образцово — ее сущность; а переживаешь всегда образцово, потому что никто не познал в с е х путешествий, а это был бы единственный аргумент против познания «образцового», — так я определяю этот процесс. Процент жизни не определяет его значения для нас; всё решает образцовость[...]*.

* Здесь текст письма обрывается; остальные письма из этой части эпистолярного наследия Деборы Фогель и Бруно Шульца не сохранились до наших дней.

Пётр Черёмушкин

МАРШАЛ РОКОССОВСКИЙ — ВЕРНЫЙ СЫН ИМПЕРИИ

Наверное, нет другой такой личности в истории XX века, которая бы столь по-разному оценивалась в России и в Польше, как «маршал двух народов» Константин Константинович Рокоссовский. В трактовке этой важнейшей фигуры военной истории также проявляется различие в мироощущении и восприятии — как в России, так и в Польше — Второй Мировой войны, послевоенного обустройства Восточной Европы и оценок того, как русские и поляки строили свои отношения по окончании войны.

Это различие в восприятии роли исторической личности можно сравнить с отношением к фельдмаршалу Суворову, который в России — герой победоносных походов, а в Польше — душитель восстания в варшавском районе Прага. Но, как это часто бывает при рассмотрении сложной и крупной личности, реальная ситуация оказывается значительно более сложной и запутанной, чем простой ярлык, всегда оказывающийся полуправдой. Особенно потому, что в отличие от Суворова Рокоссовский был этническим поляком и состоял на русской и советской службе.

В 2009 г. в Вашингтоне, в фойе Центра Вудро Вильсона, мне пришлось увидеть большую фотовыставку, посвященную тому, как после 1945 г. Польше был навязан коммунистический строй по советскому образцу, как страна прошла через него со всеми волнениями и борьбой за самостоятельность и как в 1989 г. «соскочила» с советской орбиты. На одной из первых фотографий, которую правильнее назвать огромным плакатом, был изображен во весь рост красавец-кавалерист верхом на боевом коне, в конфедератке и аксельбантах — маршал Польской Народной Республики Константин Рокоссовский. Для поляков, не упускающих случая рассказать американцам о бедах, нанесенных им Россией, портрет этого человека, представленный в столице США, — символ советизации и чуждого режима, установленного в Польше после окончания Второй Мировой войны, когда страна была фактически лишена суверенитета.

В России маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский — один из легендарных творцов великой победы, 65-летие которой отмечалось в 2010 году. Это полководец в плеяде советских маршалов, чье имя навсегда вошло в историю со знаком плюс. Но главное: Рокоссовский — это человек, отличавшийся от других советских военачальников своим нормальным людским поведением, не душегуб и не изверг, бросавший в топку войны пушечное мясо, а настоящий «отец солдатам». О нем в войну солдаты пели: «И не его ли обнял Рокоссовский, срывая орден со своей груди».

При этом герой-полководец — один из тех, кто переломил хребет гитлеровской военной машине во время битвы под Москвой и под Сталинградом, организатор победы на Курской дуге, командующий войсковой операцией в Восточной Пруссии, в ходе которой гитлеровцы были выбиты из Кенигсберга, Данцига, Штеттина, и, наконец, командовавший парадом Победы. И не менее важно, что Рокоссовский — один из тех, кто попал в молотилку сталинских репрессий в 1937 г., отсидел три года в тюрьме по надуманному обвинению. Всё это подробно описано в новой биографии маршала, вышедшей в Москве в серии ЖЗЛ в 2010 году.

Известный российский историк, публицист и литературовед Борис Соколов посвятил маршалу К.К.Рокоссовскому свою 60-ю по счету книгу. Книга поступила в российские магазины и уже нашла своего читателя. Это объемный и очень живо написанный труд, в котором впервые за многие годы предпринимается попытка посмотреть на маршала с позиций XXI века. Теперь, когда пришло время, когда открылись многие архивы, когда возникает множество вопросов и споров о войне и послевоенном устройстве Европы, Борис Соколов в книге «Рокоссовский» собрал и попытался распутать исторические узлы, память о которых сохраняется в воспоминаниях тех, кому не чужды переживания о прошлом.

Б.Соколов — автор многих книг, посвященных советским политическим и военным деятелям («Жуков — портрет без ретуши», «Буденный», «Берия», «Тухачевский»). Но впервые, если говорить о военачальниках, о которых Б.Соколов писал, в строках этого без преувеличения огромного писательского и исторического труда чувствуется симпатия и даже сочувствие автора к великому человеку, который ходил по улицам Москвы еще недавно, при жизни нынешнего поколения. «Без сомнения Рокоссовский был самым симпатичным из советских маршалов, — пишет Б.Соколов в предисловии к своей книге. — Галантный красавец почти двухметрового роста, всегда строгий, подтянутый, без малейшего изъяна в форменной одежде, он всегда нравился женщинам. Писать на эту тему в советское время было строго запрещено, а когда появилась мода на такие публикации, Рокоссовский был мощно заслонен фигурой Жукова, к личной жизни которого публика питала повышенный интерес».

Обращение Б.Соколова к биографии Рокоссовского не вызывает удивления, кажется вполне закономерным, так как автор хорошо знает польскую тему и военные сюжеты, связанные с ней. В изучении «белых пятен» в истории польско-российских отношений у Б.Соколова давний опыт. В этом могли убедиться слушатели «Эха Москвы», когда в 2008 г. он обсуждал с тогдашним директором Польского культурного центра И.Гралей проблематику Варшавского восстания 1944 года. История жизни Рокоссовского, написанная Б.Соколовым, — добротное и серьезное произведение, в которое вошли важные открытия, сделанные историком в архивах и в ходе бесед с членами семьи маршала, с внуком Константином Вильевичем и правнучкой Ариадной Константиновной Рокоссовскими. В частности, впервые, еще до выхода сборника «Белые пятна — черные пятна» под редакцией А.В.Торкунова и А.Д.Ротфельда, Б.Соколов разобрал и изучил в российских архивах документы, имеющие отношение к послевоенному пребыванию Рокоссовского в Польше. И, пожалуй, в этом одна из существенных первооткрывательских заслуг автора. «Рокоссовский должен был исключить возможность развития событий в Польше по югославскому образцу, обеспечив с помощью советских офицеров надежный контроль над Войском Польским», — пишет Б.Соколов и приводит все воспоминания очевидцев того, как Сталин принимал решение сделать Рокоссовского министром обороны ПНР.

В 1949 году Сталин вызвал маршала к себе на ближнюю дачу в Кунцево. На веранде Рокоссовский никого не увидел. Из сада появился Сталин с букетом белых роз, и было видно, что он их не резал, а ломал: руки были в царапинах.

— Константин Константинович, — обратился Сталин, — ваши заслуги перед отечеством оценить невозможно. Вы награждены всеми нашими наградами, но примите от меня лично этот скромный букет!

По мнению Соколова, эта история вполне укладывается в порядки российской империи:

«Мне этот эпизод напомнил встречу императора с генералом Ермоловым, у которого царь спросил:

— Чем тебя еще наградить, мужественный старик?

— Присвойте мне звание немца, — ответил Ермолов».

«Рокоссовский ничего подобного не пожелал, но ему было присвоено звание поляка», — иронически отмечает российский историк. При таких обстоятельствах была решена судьба маршала Советского Союза, ставшего маршалом ПНР. Любопытно, что из книги Соколова складывается довольно противоречивое понимание того, говорил ли Рокоссовский по-польски и насколько хорошо. Соколов утверждает, что до приезда в Польшу после войны маршал практически не владел польским языком, забыл его. И уже в Варшаве потребовал для себя хрестоматию, по которой учатся польские школьники. Это звучит несколько странно: семья Рокоссовского была чисто польской, и сестра его прожила в Варшаве почти всю жизнь. Вместе с тем Соколов уточняет: «Очень скоро маршал восстановил навыки польского языка, который был для него родным, и стал свободно говорить по-польски. Причем современники отмечали, что говор у него был тот, который был характерен для Варшавы начала XX века, времен его детства». В вышедшем недавно фильме из серии «Хроника забытых побед», посвященном Рокоссовскому, можно услышать его выступление при открытии Вечного огня у Кремлевской стены в 1965 г., где в речи маршала явно чувствуется польский акцент. Не следует забывать, что Варшава начала XX века была городом, входившим в состав Российской Империи и говорили там на диалекте, типичном для восточной Польши, а влияние русского языка и русификация также были крайне высоки.

На мой взгляд, история службы и жизни Рокоссовского в послевоенной Польше читается в книге с наибольшим интересом. Б.Соколов без обиняков описывает безобразия, совершавшиеся на территории оккупированной Польши воинами Красной армии, и подчеркивает, что это приводило к росту антисоветских настроений, к тому, что население примыкало к антисоветскому подполью. «Бесчинства новых властей и советских солдат толкали поляков в ряды противников коммунизма», — пишет историк. Не обходит вниманием Соколов и донесения советников МГБ СССР из Варшавы на рубеже 1949-1950 гг. о том, как оттесняли летом-осенью 1949 г. Ролю-Жимерского с поста министра национальной обороны Польши, чтобы подготовить этот пост для маршала Советского Союза К.К.Рокоссовского.

Но по прибытии в Польшу у Рокоссовского отношения стали складываться весьма непросто как с советскими спецслужбами, так и с ЦК ПОРП. В частности, во время беседы с представителем Военной информационной службы, которая исполняла роль политической полиции в Войске Польском, полковником МГБ Д.П.Вознесенским, Рокоссовский схватил его за руку, на которой были видны часы, и дернул ее вверх, так что стали видны идущие от часов провода. И в таком виде вытолкал Вознесенского. «Не оставалось сомнений, что глава Войсковой информации записывал все беседы с Рокоссовским, чтобы затем докладывать о них в Москву», — пишет Б.Соколов.

«Рокоссовский с самого начала понимал, что не все в Польше ему рады», — считает российский историк. Полковнику Ф.Д.Свердлову он позднее рассказывал: «Нельзя сказать, что весь офицерский корпус Вооруженных сил Польши тепло принял меня. Часто во время приездов в дивизии из глубины построенных на плацах для встречи войск слышались одиночные, а иногда и групповые выкрики: «Уезжайте в Россию!», «Долой красного маршала!»». Маршал вспоминал, что несколько раз за время службы в Польше его машину обстреливали. В августе 1952 г. Рокоссовский вступил в острый конфликт с первым секретарем ЦК ПОРП Б.Берутом из-за попытки маршала добиться повышения денежного довольствия офицеров. «Противостояние достигло такой остроты, что Рокоссовский открыто заявил о невозможности оставаться на посту министра обороны», — отмечает Б.Соколов.

Вопрос о том, был ли Рокоссовский сталинистом или нет, к которому невольно обращается каждый читающий его биографию, носит умозрительный характер и может задаваться только с позиции абстрактной, лишенной понимания исторического контекста. Маршал Рокоссовский по сути был одним из тех столпов, на которых держалась система, выстроенная Сталиным. Когда после смерти «вождя народов» режим не мог более существовать в прежнем виде и стал давать трещины, одними из первых проявлений которых стали события в Познани в июне 1956 года, Рокоссовский оказался главным силовиком, способным применить войска для разгона протестов. Однако, и об этом пишет Соколов со слов правнучки Ариадны, в отношении познанских волнений «никаких документов и приказов о введении войск или открытии огня с подписью Рокоссовского нет»*. В то же время в октябре 1956 г. во время пленума ЦК ПОРП, на котором сторонники Гомулки решили свергнуть сталинистов, первой их целью стало избавиться от Рокоссовского. Но это оказалось нелегким. Соколов считает, что московские руководители в этой ситуации на первых порах «планировали покончить с польскими реформаторами силой, в чем маршалу отводилась немалая роль». Видимо, чувствовал эту отведенную ему роль и сам Рокоссовский. Со слов маршала А.Е.Голованова Б.Соколов приводит воспоминания Рокоссовского: «Польское Политбюро не знает, что делать. День и ночь заседают и пьют «каву». А в стране сложная обстановка, убивают коммунистов... Я слушал-слушал, пошел к себе в кабинет и вызвал танковый корпус...». Как видим, вопросы маршал Рокоссовский решал в духе кавалерийских атак своей молодости. Однако дни его службы в Польше были сочтены, и Рокоссовский был вынужден улететь в Москву — навсегда. «Когда осенью 1956 года маршала фактически изгнали из Польши, он поклялся туда никогда не возвращаться и слово свое сдержал», — пишет Б.Соколов.

Биография Рокоссовского, написанная Б.Соколовым, — это по сути дела обзор самых сложных вопросов советско-польских отношений первой половины XX века и особенно военного периода — таких как Варшавское восстание 1944 г., ликвидация Армии Крайовой, послевоенная советизация

* Ариадна, повидимому, хочет защитить прадеда, а между тем, он сам признал позже, что намеревался использовать армию для подавления бунта.

Польши, проблема восприятия катынского убийства советскими поляками, служившими Сталину, к коим принадлежал и Рокоссовский. Отдельная глава в книге посвящена Варшавскому восстанию и обстоятельствам, ему сопутствующим, а также месту и роли Рокоссовского в этих событиях в том ключе, как их определил Сталин.

Большой раздел в главе «Горе побежденным!» посвящен грабежам и насилию, творившимся в Восточной Пруссии по отношению к немецкому населению, когда Красная армия вошла туда под предводительством Рокоссовского. Соколов не стесняется в описании масштаба и деталей тех бесчинств, которые воины Красной армии творили на территории побежденной Германии и частично Польши. Возможно, кому-то детали изнасилований, совершенных солдатами Красной армии в Германии, покажутся шокирующими и неуместными. Одна читательница даже выразила недоумение, почему нужно было большой кусок текста в книге про Рокоссовского посвящать тому, как насиловали немок, и описывать при этом детали перелома позвоночника.

По утверждению автора, Рокоссовский первым из командующих издал приказ, требующий прекратить насилие против мирного немецкого населения. «И это совсем не случайно. Константин Константинович всегда щепетильно относился к вопросам воинской чести. Ему было очень больно, что его подчиненные совершали преступления против военнопленных и мирного населения, — пишет Б.Соколов. — Рокоссовский, конечно же, не мог совладать со стихией насилия, захлестнувшей советские войска в Европе, но с ней не мог совладать и любой другой командующий фронтом или командарм».

Б.Соколов отмечает двойственность положения маршала, которого в Польше считали русским, а в СССР — поляком. И в обеих странах это принесло ему немало неприятностей. «В Советском Союзе его польское происхождение стало причиной его ареста в 1937 году и более чем двухлетнего пребывания в тюрьме. Национальность послужила и главной причиной того, что Рокоссовскому не дали в 1945 году взять Берлин — эта честь досталась его бывшему подчиненному Жукову, коренному русаку, — справедливо утверждает Б.Соколов. — Из-за той же национальности его отправили после войны в Польшу, во многом чуждую ему к тому времени страну, и заставили в течение многих лет заниматься в первую очередь не военными, а глубоко чуждыми маршалу политическими вопросами».

Автор точно отмечает мифологизированность биографии Рокоссовского в советские времена и причесанность ее под общий ранжир жизнеописаний и мемуаров советских военачальников. «Разумеется, всячески обходились сложности во взаимоотношениях с польским руководством во время пребывания Рокоссовского на посту министра обороны Польской Народной Республики», — пишет Б.Соколов. Историк отмечает, что в советских биографиях не уделялось внимание психологии маршала, его внутренним переживаниям. Формально он прав, однако следует напомнить, что в 1988 г. в издательстве «Детская литература» была опубликована книга Наума Мара «Есть упоение в бою», где были собраны воспоминания адьютанта Рокоссовского Б.Захацкого и опубликованы фрагменты из писем маршала с фронта.

«Рокоссовский не был участником сталинских репрессий, но был их свидетелем и жертвой, и это не могло не отразиться на его личности», — пишет Б.Соколов, отмечая вместе с тем, что Рокоссовский воздерживался от публичной критики Сталина, начавшейся после доклада Хрущева на XX съезде КПСС. «Можно предположить, что маршал всю жизнь был благодарен Сталину за то, что тот вытащил его из тюрьмы, а потом возвысил до командующего фронтом и дважды Героя Советского Союза», — утверждает историк.

«Мне не удалось обнаружить ни одного приказа о расстреле конкретных офицеров, подписанного им, тогда как такого рода приказов за подписью Жукова и других «маршалов Победы» сохранилось предостаточно», — сообщает Б.Соколов. Российский военный историк подчеркивает сложный психологический мир маршала, который, с его точки зрения, отличался немалой ранимостью, если так можно сказать про военачальника столь высокого уровня. «Рокоссовский наверняка переживал, что политические обстоятельства не дали ему возможности взять Варшаву и разгромить немцев в родной Польше. Огорчался он и от того, что, также по политическим соображениям, его перебросили на второстепенный 2-й Белорусский фронт», — пишет Б.Соколов.

Очень подробно в этой биографии Рокоссовского изложены факты и версии семейной и внесемейной жизни знаменитого маршала. В частности, подробно изложена история отношений со знаменитой в сталинские годы актрисой Валентиной Серовой, которой приписывали краткий роман с маршалом.

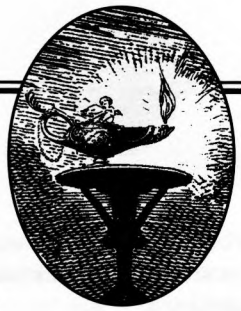
А также история его отношений с Галиной Талановой, которая в январе 1945 г. родила ему дочь Надежду. В то же время автор подчеркивает необыкновенную преданность Рокоссовского своей семье и законной жене Юлии Петровне Барминой, которая вместе с ним пережила сталинские репрессии и тот период, когда она считалась женой врага народа.

Весьма серьезно и детально Б.Соколов рассматривает происхождение и первые годы жизни маршала, его старинные шляхетские корни. Долгое время в определении места и даты рождения маршала царила путаница. Б.Соколов совершенно определенно утверждает, что «местом рождения будущего маршала были либо Варшава, либо какой-то другой город на территории Царства Польского». Однако в сталинские времена К.К.Рокоссовского заставляли писать в анкетах, что местом рождения были Великие Луки. По мнению потомков маршала, это было связано с тем, что в СССР дважды Героям Советского Союза устанавливались памятники на родине. В случае Рокоссовского такой бюст пришлось бы устанавливать в Варшаве, а это было слишком яркой демонстрацией зависимости Польши от СССР. К тому же в Польше существовала угроза осквернения памятника. Поэтому было решено поставить его в Великих Луках, где когда-то было имение князей Рокоссовских — дальних предков маршала. «Что мы знаем точно, — пишет Соколов. — так это то, что при рождении Константин был крещен в православии». «Большинство поляков относились к соотечественникам, принявшим православие, настороженно, видя в них агентов России — страны, лишившей Польшу независимости и проводившей в конце XIX и в начале XX века политику русификации», — справедливо отмечает автор. Весьма любопытны воспоминания сестры маршала Хелены о том, что Константина особенно увлекали военно-исторические романы Пшиборовского «Шведы в Варшаве» и «Битва под Рашином». «Военная романтика в конце концов привела его в русскую кавалерию и определила жизненный выбор», — резюмирует Б.Соколов. Одновременно он подчеркивает, что в Первую Мировую войну в русской армии служило немало Рокоссовских. «Были среди них офицеры, генералы, дворяне», —напоминает историк.

Дореволюционная военная карьера Рокоссовского интересна тем, что будущий маршал совершил целый ряд настоящих боевых подвигов за которые получил Георгиевские кресты, о чем Б.Соколов пишет очень подробно со ссылкой на изученные им архивные документы. После революции Константин Рокоссовский предпочел остаться в России и связать свою судьбу с большевиками, в которых, как пишет Б.Соколов, «увидел единственную политическую силу, способную в будущем возродить армию». «Задумаемся на мгновение: что было бы, если бы Константин вслед за братом Францем отправился в Польский легион? Внук маршала Константин Вильевич Рокоссовский в беседе со мной резонно предположил, что в этом случае у Константина Константиновича был бы большой шанс оказаться в одной из катынских могил, — пишет Б.Соколов. — Оставшись в Советской России, Константин Константинович сделал блестящую военную карьеру, внес заметный вклад в разгром гитлеровской Германии, выполнил свое жизненное предназначение и вошел в историю как выдающийся полководец».

В целом биография маршала К.К.Рокоссовского, написанная Б.Соколовым, наводит на довольно простую мысль, что быть поляком в СССР было весьма непросто — вне зависимости от того, какое положение ты занимал. И даже маршалу приходилось несладко. Впрочем, хорошему человеку везде паршиво. Историю поляков, находившихся на русской и советской службе, до сих пор нельзя считать серьезно изученной и описанной, и эта тема еще ждет своего исследователя. Книга Б.Соколова, безусловно, вносит важный вклад в освоение этой темы. Главное ощущение, которое не покидает читателя после прочтения «Рокоссовского», — это осознание переплетенности судеб русских и поляков в их славе и горе, в их успехах и несчастьях. Книга Б.Соколова получилась очень человечной, как и герой этой биографии, и хочется порекомендовать её думающему читателю. Возможно, она найдет свою аудиторию и в Польше, если будет переведена на польский язык.

Пётр Черёмушкин — автор «Новой Польши» с 2004, в 2008-2012 собкор информационного агентства «Интерфакс» в США. В настоящее время — в Ассоциации исследователей российского общества XXI века.



Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Сливки авангарда собраны в Лодзи! Тамошний Музей искусств представляет самую крупную выставку 2013 года — «Корреспонденции. Современное искусство и универсализм». Представлено 400 работ крупнейших художников XX и XXI века. На трех этажах в комплексе мануфактуры, в 12 отделах («пассажах», как у Вальтера Беньямина), выставлены произведения из собрания Лодзинского музея и из швейцарского «Кунстмуземума» в Берне. Лодзинское собрание основали художники, работавшие как группа «a.r.» («artyści rewolucyjni» — революционные художники) в Лодзи и в Париже, — Владислав Стшеминский, Катажина Кобро, Генрик Стажевский, Ян Бженковский и Юлиан Пшибось. Им удалось получить в дар произведения от выдающихся творцов европейского авангарда, в частности от Пабло Пикассо, Маркса Эрнста, Сони Делоне и Ханса Арпа. История швейцарского собрания почти на два десятка лет дольше. Его создал Герман Рупф, бизнесмен и собиратель произведений искусства.

В Лодзи показаны работы таких гигантов, как Пикассо, Кандинский и Клее. Есть портрет Ленина 1949 г. Войцеха Фангора и фильмы Юзефа Робаковского. Есть картины Фернана Леже и Жоржа Брака, автопортреты Йозефа Бойса, психоаналитическая графика Луизы Буржуа, скульптуры Катажины Кобро и Магдалены Абаканович, рисунок Пабло Пикассо «Голова курильщика» и знаменитая Мэрилин Монро Энди Уорхола. Настоящая радость для любителей современного искусства и новейших течений. Выставка будет работать до 30 июня.

» Тем временем в Варшаве в Национальном музее 18 января открылась «Галерея искусства XX и XXI века» — первое в столице стационарное собрание, представляющая панораму польского искусства последних ста лет — от основания возрожденного государства до Третьей Речи Посполитой. Самые ранние работы относятся к первому десятилетию минувшего века, самые новые созданы в 2012 году. Куратором галереи стал Петр Рыпсон.

» Проект Конрада Смоленского победил на конкурсе кураторских проектов выставки в польском павильоне на LV Международной выставке искусства в Венеции в 2013 году. Конрад Смоленский (род. в 1977 в Калише) — выпускник Познанской академии изящных искусств. В 2011 г. стал лауреатом премии «Взгляды» Фонда «Дойче-банка» для самых интересных молодых польских художников.

» Наталья ЛЛ, или Наталья Лях-Ляхович (род. в 1937 в Живце), — художница, которая занимается преимущественно фотографией, но также и рисованием, перформансом, видео-артом и скульптурой, — стала в этом году лауреатом премии им. Катажины Кобро. Премию вручили 19 января в Музее искусства в Лодзи.

» В Центре современного искусства в Уяздовском замке в Варшаве проходит первая в Польше ретроспектива Артура Жмиевского, одного из наиболее радикальных современных художников. На ней представлено несколько десятков работ последних пяти лет, преимущественно видео-арт, при съемке которого Жмиевский обращается к методам, характерным для документалистов и репортеров. Он представил цикл «Демократии» — серию фильмов, описывающих групповую политическую ангажированность (демонстрации, манифестации, инсценировки сражений, похоронные церемонии). Еще один цикл, «Избранные труды», — фильмы об одном дне работы уборщицы, кухарки, чернорабочего, кассирши, которые, по мнению художника, «невидимы, это только масса». Есть также кинозапись католической литургии «Месса», которая в форме спектакля была поставлена в 2011 г. на сцене варшавского Драматического театра.

У выставки в Уяздовском замке нет куратора, это авторский проект Жмиевского. Выставка работает до 24 февраля.

» В галерее варшавской Кордегардии 21 января открылась выставка «1863 — 2013. 150-я годовщина Январского восстания», организованная по инициативе президента Бронислава Коморовского Национальным центром культуры. На ней можно увидеть впервые показываемую в Варшаве картину Яна Матейко «Закованная Польша» (другое название — «Полония, год 1863»), а также копии рисунков Артура Гротгера из циклов «Польша», «Литва» и «Война». Представлена также коллекция памятных предметов: печати повстанческих отрядов и Национального правительства, популярная после подавления восстания так называемая повстанческая траурная бижутерия и памятные медали. Собрание памятных предметов сопровождает мультимедийная презентация, в которой использованы, в частности, два довоенных художественных фильма — «Год 1863» и «Верная река».

Выставка будет открыта до 17 февраля.

» Национальный музей в Варшаве обогатится работами авторства Бруно Шульца (1892-1942), выдающегося польского писателя, живописца и графика, родом из Дорогобыча. Относящийся к 1938 г. небольшой карандашный рисунок «Якуб, Юзеф и фотограф» был приобретен у нью-йоркского аукционного дома «Сотби» за 46,8 тыс. долларов. Средства на покупку выделило министерство культуры и национального наследия. Рисунок — это иллюстрация к знаменитому сборнику рассказов «Санатория под клепсидрой».

» 12 января исполнилось 20 лет со дня смерти Юзефа Чапского — художника и писателя, свидетеля Катыни, одного из создателей парижской «Культуры». По этому поводу Польское радио организовало специальную серию передач, представляющих, в частности, архивные записи радио «Свободная Европа». Автор пронзительной книги «На бесчеловечной земле» рассказывает о своем детстве на восточных окраинах Польши, об участии в польско-большевицкой войне, о своем пребывании в межвоенном Париже с группой польских художников-колористов, рассказывает о войне, о неволе в лагере в Старобельске и поисках погибших польских офицеров. Мы слышим также до сих пор не опубликованные беседы с Чапским о великих людях, с которыми его столкнула судьба. Среди них генерал Владислав Андерс, Шарль де Голль, Альбер Камю, Андре Жид, Андре Мальро и Анна Ахматова.

» На торжественной церемонии 15 января в Большом театре в Варшаве в двадцатый раз вручались «Паспорта «Политики»». В юбилейном для премии году лауреатов избирали сами читатели еженедельника. В категории «Литература» победил Щепан Твардох, автор романа «Морфин» («Выдавництво литерацке»). Он награжден за «отважное и отчаянное исследование о мужской слабости и хрупкой национальной идентичности, помещенное в реалии первого месяца немецкой оккупации в 1939 году».

В категории «Кино» премию получил Мартин Доротинский, который в 2012 г. в двух военных фильмах сыграл два диаметрально противоположных образа — несгибаемого романтического героя («Роза» Смажовского) и поляка, надломленного войной, предельно негероического («Облава» Крышталовича).

В категории «Музыка» премия досталась «TWOgether Duo», дуэту виолончелистки Магдалены Боянович и аккордеониста Мацея Фронцкевича. В категории популярной музыки больше всего голосов получило «Tres. b», трио двоих мужчин и вокалистки Миси Фуртак.

В категории «Театр» победил Иван Вырыпаев — художник российский, но также и все более польский, выдающийся режиссер и драматург. В категории визуальных искусств «Паспорт «Политики»» получила Юлита Вуйцик, автор знаменитой радуги из тысяч искусственных цветов на площади Спасителя в Варшаве. Этот новый символ столицы в последние месяцы неизменно разрушался (вандалы, Новый год) и восстанавливался.

Специальную премию для творцов культуры получили Эльжбета и Кшиштоф Пендерецкие.

» Премию ПЕН-клуба им. Ксаверия и Мечислава Прушинских получила 7 января в Варшаве профессор Виктория Сливовская, исследователь, занимающийся преимущественно историей России и польско-российских отношений. Она родилась в 1931 г. в Варшаве, а училась в Ленинграде, где познакомилась со своим будущим мужем, выдающимся русистом Рене Сливовским. По возвращении в Польшу в 1953 г. начала работу в Институте истории Польской академии наук, с которым связана по сей день. Опубликовала много работ на тему судеб польских ссыльных в Сибири. Кроме того, она автор самой обширной в Польше монографии

о жизни и творчестве Александра Герцена. Занималась также обработкой свидетельств детей, переживших Катастрофу. Вместе с мужем написала воспоминания «Россия — наша любовь» (2008).

Во время церемонии в Доме литературы председатель польского ПЕН-клуба Адам Поморский сказал, что «премия присуждена профессору Сливовской за исследование истории польской и русской интеллигенции в моменты ее конфронтации с историей XX века. Профессору Сливовской удалось охватить многонациональную перспективу истории, показать, что понятие интеллигенции как социальной группы наднационально, а поляков и русских объединяет общая судьба».

» Анджей Франашек, литературовед и литературный критик, получил 18 января в Кракове премию им. Казимежа Выки за биографию Чеслава Милоша. «Милош, предстающий перед нами со страниц Франашека, — это поразительный человек, полный противоречий, имеющий ощущение собственной исключительности и угнетаемый чувством вины и нереализованности. Франашеку удалось создать такого нарратора, который понимает величие героя своего повествования, не забывая, однако, о минутах его слабости и не скрывая собственных сомнений. И это я бы назвал главным достоинством книги», — сказал в похвальной речи краковский литературовед профессор Мариан Сталя.

Премия присуждается с 1980 г. за достижения в области литературной критики, эссеистики и истории литературы.

» В конце января истекает срок номинации на поэтическую премию имени Виславы Шимборской. Премию учредил фонд имени умершей год назад нобелевского лауреата, в соответствии с ее завещанием. Прислано свыше семидесяти сборников стихов, в абсолютном большинстве польских, несколько сборников — переводы стихов с английского языка. В капитуле, оценивающем выдвинутые сборники, состоят шведский переводчик польской и французской литературы Андерш Бодегард, американская славистка и переводчица Клер Кавана, французская исследовательница литературы и культуры XIX и XX века Мария Делаперьер, полонист, критик и переводчик из Италии Луиджи Маринелли, испанский поэт Абель Мурсия Сориано, председатель польского ПЕН-клуба, литературный критик и переводчик Адам Поморский; немецкая переводчица Рената Шмидгалль, а также профессор Мариан Сталя. Секретарь премии — Паулина Малохлеб.

Премия для победителя составляет 200 тыс. злотых. Если лауреатом окажется иноязычный автор, премию в размере 50 тыс. злотых получит также переводчик. Торжественная церемония запланирована на 16 ноября 2013 года.

» 16 января министр культуры Богдан Здроевский и уполномоченный правительства ФРГ по вопросам культуры и СМИ Берндт Нойман открыли новую постоянную экспозицию в музее Крашевского в Дрездене. Экспозиция значительно обновлена по сравнению с прежней, представлено много мультимедийных материалов. Юзеф Игнаций Крашевский (1812-1887) написал свыше 250 романов, 25 драматических произведений, несколько томов поэзии и путевых заметок. Он уехал в Дрезден после Январского восстания. Посвященный ему музей создан на вилле, в которой он жил. Это единственный польский музей на территории Германии.

» На октябрь нынешнего года приходится двухсотая годовщина со дня рождения Джузеппе Верди. Большой театр — Национальная опера участвует в юбилейных мероприятиях первой премьерой нынешнего года (13 января) — «Доном Карлосом» в режиссуре Майсье Хуммеля, за пультом итальянский дирижер Карло Монтанаро. Это перенос на польскую сцену спектакля, премьера которого состоялась в Амстердаме в 2006 году. Там его поставил немецкий режиссер Вилли Деккер. Варшавский спектакль не восхитил критику: бесцветные певцы в минималистской постановке, Верди в гробнице. Директор Большого театра Вальдемар Домбровский сообщил, что в ходе Года Верди будут возобновлены еще две постановки опер композитора: «Травиата» и «Риголетто».

» Кинооператор польского происхождения Януш Каминский, лауреат уже двух премий американской киноакадемии за съемки фильмов «Список Шиндлера» и «Спасти рядового Райана», выдвинут на «Оскар» за операторскую работу в «Линкольне» Стивена Спилберга. Всего фильм получил 12 номинаций. Лауреатов узнаем 10 февраля.

» Фильм Малгожаты Шумовской «Во имя...» («In the Name of...») будет показан в главном конкурсе на «Берлинале», где имеет шансы конкурировать на «Золотого медведя». «Во имя...» — это история ксендза, который в небольшом приходе организует центр для трудной молодежи. Прихожане его любят, но он скрывает от них свое запутанное прошлое. В роли ксендза прекрасный актер Анджей Хыра. Это уже третий полнометражный художественный фильм, который автор «33 сцен из жизни» представляет на Берлинмели кинофестивале. В прошлом году был показан ее «Спонсоринг» с Жюльетт Бинош.

» В январе на рынке появился новый литературно-культурный ежемесячник «Химера». Главный редактор издания — Рафал Брындаль, бывший главный редактор уже не существующего ежемесячника «Плющ». «Химера» — название с прекрасными традициями. Это был один из ведущих журналов «Молодой Польши». Основанный поэтом и критиком Зеноном Пшесмыцким (Мириамом), он выходил в Варшаве в 1901-1907 гг. как ежемесячник, посвященный искусству и литературе.

К сотрудничеству в современной «Химере» Брындаль пригласил поэтов, писателей и публицистов, таких как Павел Демирский, Иоанна Батор, Януш Рудницкий, Куба Воевудский, Марта Шарейко, Адам Ведеман и Агнешка Вольны-Хамкало.

— Задача создателей этого вневременного журнала — достижение идеального равновесия между интеллигентным текстом и выразительными иллюстрациями. Благодаря таким установкам «Химера» уже в скором времени должна стать архипелагом хорошего стиля, — написал в своей первой колонке редактора Рафал Брындаль.

Замыслы амбициозные, название обязывает. Желаем успехов!

Прощания

» 25 декабря 2012 г. в Кракове умер Ежи Бересь, выдающийся польский скульптор, перформер, ученик Ксаверия Дуниковского. Его произведения с 1958 г. выставлялись на многих персональных выставках, а также на главных тематических выставках: «Романтизм и романтика в польском искусстве XIX и XX века» (1975-1976) и «Автопортрет поляков» (1979-1980). Монографическая выставка творчества Береся «Духи. Пророчества. Алтари. Вызовы» прошла в познанском Национальном музее в 1995 году.

» 2 января после тяжелой болезни в Варшаве умерла Тереса Торанская, выдающаяся польская писательница и журналистка, мастер интервью. Ей было 69 лет. Международную славу ей принесла появившаяся в самиздате в 1985 г. книга «Они», составленная из интервью с бывшими коммунистическими заправилами об их роли в построении ПНР. Книга была переведена более чем на десять языков. Другие изданные Торанской работы — «Мы», «Были», «Существуют. Разговоры о добрых чувствах», «Мы существуем. Расставания-68», а также «Смерть опаздывает на минуту» (три беседы: Михал Бристигер, Михал Гловинский, Адам Даниэль Ротфельд). Торанская была соавтором документальных фильмов, таких как «Гданьский вокзал» и «Ночь с генералом» (оба в режиссуре Марии Смаж-Кочанович), «Было и прошло» (в постановке Феликса Фалька), а также фильма для Би-Би-Си «Changing the Guard» о первых шагах демократии в Польше.

Была также автором ток-шоу «Теперь вы» на второй программе польского телевидения и цикла телевизионных программ («Повторение из ПНР» и «Власть»). Была первым лауреатом премии им. Барбары Лопенской за лучшее интервью для прессы (разговор с генералом Войцехом Ярузельским).

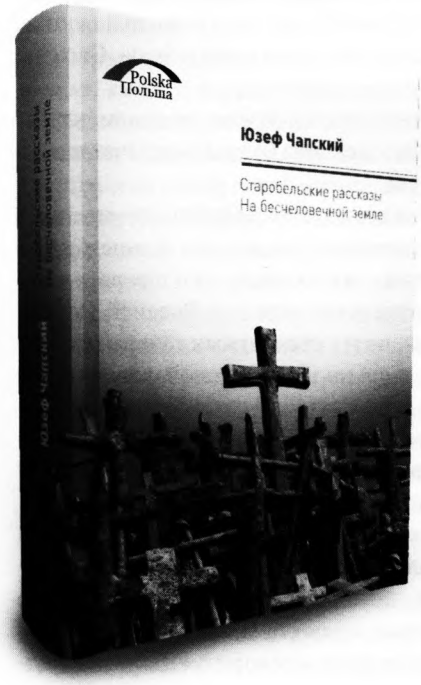
Президент Бронислав Коморовский посмертно наградил Тересу Торанскую Командорским крестом Ордена Возрождения Польши.

(Читайте также воспоминания на стр. 54-56).

» 10 января в Редлове умер Мацей Корвин, актер и режиссер родом из Лодзи. Он прожил 60 лет. В течение 18 лет был директором Музыкального театра в Гдыне. Благодаря его упорству и таланту эта крупнейшая польская сцена для мюзиклов выбралась из репертуарной и финансовой пропасти. Тригород (Гданьск — Гдыня — Сопот) обязан Корвину самыми крупными достижениями музыкального театра последнего двадцатилетия — годами не сходившими с афиш польскими постановками мировых мюзиклов «Эвита», «Чикаго», «Красавица и чудовище» или «Шрек».

Татьяна Косинова

ВОСПОМИНАНИЯ ЮЗЕФА ЧАПСКОГО ИЗДАНЫ ПО-РУССКИ



В декабре 2012 г. в издательстве «Летний сад» вышла книга мемуаров польского художника и писателя Юзефа Чапского. «На бесчеловечной земле» и «Старобельские воспоминания» впервые полностью опубликованы на русском языке.

Идея издания книги родилась в Петербурге, в НИЦ «Мемориал», пятнадцать с лишним лет назад.

Известный польский художник и писатель Юзеф Чапский (1896-1993) провел в Петербурге-Петрограде несколько лет, 1912-1918 гг., закончил 12-ю гимназию, учился в Петроградском университете и на ускоренных офицерских курсах в Пажеском корпусе, ушел на фронт Первой Мировой, был сооснователем толстовской коммуны в Петрограде в 1918-м... Поэтому в год столетия Чапского Петербург наряду с Прагой, Парижем и Варшавой стал местом демонстрации первой биографической выставки, посвященной ему. Выставка называлась «Человек и место. Юзеф Чапский. К 100-летию со дня рождения». 12 ноября — 15 декабря 1996 она экспонировалась в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Одним из ее организаторов стал Научно-информационный центр «Мемориал». Во время подготовки выставки началось исследование петербургского периода жизни Чапского и возникла идея издать весь корпус лагерных и послелагерных мемуаров по-русски.

Издание осуществлено при финансовой поддержке польского МИДа (программа «Распространение знаний о Польше»), при финансовой поддержке польского Института книги в рамках программы «Poland Translation Program». Перевод выполнен участниками семинара «Трансатлантик» при Польском культурном центре в Москве под руководством Ксении Старосельской.

«В Старобельском лагере на момент расформирования, 5 апреля 1940 года, было 3920 офицеров, несколько десятков гражданских лиц и около 30 подхорунжих и хорунжих. Из них выжили 79. Я — один из них, — так начинаются «Старобельские воспоминания». — Все остальные исчезли бесследно, несмотря на неустанные попытки выяснить, где они находятся.

Когда в сентябре-октябре 1939 года в советский плен попала часть польской армии, офицеров и часть рядовых разместили в трех лагерях — в Старобельске, Козельске и Осташкове. Во всех этих лагерях к началу их расформирования, 5 и 6 апреля 1940 года, было около 8700 офицеров и около 7000 унтер-офицеров и рядовых. Из общего числа пленных, находившихся в упомянутых лагерях в период с октября 1939-го по май 1940 года отыскались в общей сложности 400 человек (офицеры, рядовые и маленькая группа гражданских), которые в 1940-1941 годах были переведены в Грязовец под Вологдой. Кроме того, нашлись еще несколько десятков офицеров и рядовых, вывезенных ранее из тех же лагерей в тюрьмы с целью возбуждения против них судебных дел.

Пленные из Грязовца вместе с вышеупомянутыми пленными, отправленными в тюрьмы, были освобождены по большей части в августе 1941 года после заключения советско-польского договора.

Остальные исчезли...»

Предисловие к книге — «Русофил старого закала» — написал Адам Михник:

«Автор этой книги, — пишет он, — знал Россию начала XX века; знал русских писателей; какое-то время жил в Петербурге. Впоследствии, в межвоенной Варшаве, общался с русскими эмигрантами, например с Мережковским и Философовым.

Поэтому в его книге нет и тени неприязни к России и русской культуре. Зато есть рассказ о катынском преступлении советских властей, о судьбе поляков, которых тоталитарная система преследовала, бросала в тюрьмы и лагеря. Всё это скрывалось под завесой лжи и тайны. В России и Польше говорить об этом, публиковать документы начали лишь после 1989 года. Только тогда жестокое преступление было названо своим именем. И большая заслуга в этом Юзефа Чапского, художника, писателя, эмигранта, чьи книги выходили в Лондоне и Париже задолго до краха коммунизма. Сегодня его свидетельство попадает в руки российского читателя.

Наперекор апологетам сталинской лжи, многие российские демократы, друзья-москали, участвовали в раскрытии правды о катынском преступлении. Их имена золотыми буквами запечатлены в польской памяти.

Книга Юзефа Чапского, однако, — не только рассказ о безнадежных поисках жертв преступления в Катыни. Это рассказ о поляках, об их жизни и страданиях на бесчеловечной земле — в сталинском Советском Союзе. Земля эта, конечно же, была бесчеловечной не только для поляков, но и для россиян.

Главная тема книги: встреча поляка — аристократа, художника и гуманиста — с Россией. Россия эта разнородна. Чапский встречался не только с простыми людьми, но и с советскими генералами, но и с Алексеем Толстым, аристократом и сталинским придворным, и с Анной Ахматовой, величайшей поэтессой всея Руси. Чапский писал: «Я сохранил воспоминания об Ахматовой как о натуре неординарной, сложной в общении из-за присущего ей легкого лицедейства, хотя это могло быть обусловлено уникальностью ее личности. У меня создалось впечатление, что я беседую с человеком, которому нанесли глубокую рану, и шутовство служит ему защитой, маскирует боль».

Анна Ахматова тоже запомнила Чапского. У Лидии Чуковской в ее воспоминаниях есть такая запись: «Я давно подозревала, что стихотворение «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» посвящено тому высокому поляку, который в Ташкенте бывал у нее и, помнится, провожал ее откуда-то из гостей домой — не от Толстых ли?..» Сама же Ахматова записала: «...некто Ч[апский], который в Ташкенте, в 1942 году церемонно становится на одно колено, целует руки и говорит: «Вы — последний поэт Европы»».

Литовский поэт и эссеист Томас Венцлова писал об этом ахматовском стихотворении: «Ахматова упорно молчала об адресате своего ташкентского стихотворения, избегая даже малейшего намека на его национальность. Причина этого, конечно, отчасти лежит в области внелитературной. Любое упоминание о знакомстве с Чапским могло быть опасным».

Вновь Ахматова встретилась с Чапским только в 1965 году в Париже.

Книга Чапского — ответ художника, гуманиста и христианина на кошмар тоталитарного мира. Разными бывали такие ответы. Кто-то (например, Александр Солженицын или Густав Герлинг-Грудзинский), отвечая на большевистскую или нацистскую релятивизацию ценностей, выбирал позицию морального ригоризма. Другие на жестокость тоталитаризма отвечали милосердием.

Таков, полагаю, был выбор и Юзефа Чапского».

Презентация книги состоится в Петербурге и в Москве в январе-феврале 2013 года.

Чапский Юзеф. На бесчеловечной земле. Москва—Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака-Езеранского, 2012. 478 с.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Рискну выдвинуть тезис, что с XIX века Сибирь для поляков — край знакомый, а для многих это, возможно, даже «дальние окраины» польской экзистенции. Мои земляки время от времени туда упорно возвращаются — или как туристы (сейчас довольно часто), или в писательском воображении, как в прекрасном романе Игоря Неверлы «Сопка голубого сна», или, наконец, в своих репортерских поездках, как это осуществили недавно такие авторы, как Яцек Хуго-Бадер в книгах «Белая горячка» и «Колымские дневники» или Магдалена Скопек в своем репортаже «Хорошая кровь», вводящем читателя в мир ненцев. Недавно польские журналисты появились в Усолье.

Один из репортажей оттуда, авторства Петра Скветинского, опубликованный на страницах «Жечпосполитой» (2013, №4), называется «Не говорите: «Бесчеловечная земля»». Эти слова отсылают нас к знаменитой трагической книге Юзефа Чапского «На бесчеловечной земле», посвященной судьбам поляков в СССР после 1939 года. Журналист обнаружил, что в одной из гимназий «уже больше десяти лет учат польский», который вытеснил из школы, как читаем в подзаголовке статьи, немецкий, французский и испанский. И он пытается понять, почему так получилось:

«Почему? Ведь знание, например, немецкого пригодилось бы больше? — Теоретически да, — говорит польским журналистам, направленным в Усолье Центром польско-российского диалога и единения, директор школы Сергей Кривобоков. — Но у нас как-то так получилось, что мы поставили на Польшу. (...) В школьном кружке русские дети танцуют краковяк в краковских костюмах, декламируют, поют по-польски. Программа очень амбициозная: 17-летний Андрей бравурно исполняет... «Мы на отдыхе» Млынарского. Хочет поехать в Польшу и стать актером. Уже несколько лет назад Анета Ксель заинтересовала детей празднованием польского Рождества. Маленькие русские мастерят елочные игрушки, потом делятся облатками». Можно сказать — пастораль, а вдобавок католический обиход, что заставляет думать, проникать в потемки иноверческого пространства. Повторим: «Маленькие русские мастерят елочные игрушки, потом делятся облатками»...

Но и это вовсе не конец культурной конкисты: «В кабинете, который используется для обучения нашему языку, — пишет с гордостью польский репортер, — над доской висит маршал Пилсудский, в другом — Владимир Владимирович Путин... Местные власти не мешают польскому эксперименту, относятся к нему, скорее, доброжелательно». Здесь нечему удивляться, поскольку мы узнаём, что на пространстве трущобного района Усолья уже несколько лет действуют польские монахини-альбертинки. Они опекают детей из неблагополучных семей, создали для них пункт дневного пребывания. Можно сказать — очередная, наряду с африканскими или азиатскими, миссия польских монахов и монахинь. Вот так: «Детишки, ни один из которых не ходит в элитарную гимназию №1, учатся здесь основным вещам: поддерживать чистоту, делать уроки. Альбертинки создают им возможность нормального времяпрепровождения. (...) Без этого сидели бы по домам, где правит водка или что похуже. Или были бы на улице». Тем временем репортер завершает абзац: «Некоторые девочки обещают стать настоящими красавицами».

Детей вырывают также из пропасти безбожия: «Некоторые принимают крещение, — говорит сестра Агнешка. — Один мальчик был в армии, имел шанс стать профессиональным военным. Отказался, поскольку это означало бы, что в течение двух лет он не имел бы возможности ходить в костел». Альбертинками, однако, дело не исчерпывается: «А еще в Усолье, — сообщает Сквицинский, — есть (в большом числе) польские монахини-кармелитки и еще польские кармелиты в часовне во имя св. Рафала Калиновского». И добавляет: «Все это сложилось в поразительный феномен. В Восточной Сибири есть точка, где для многих местных людей Польша — более важная страна, чем мощные государства Западной Европы. Усолье — конечно, исключение на фоне всей России. А на

фоне Восточной Сибири — несколько иначе». И если в европейской части России случается (хотя и редко: автор подчеркивает, что Россия — это «не страна, кипящая антипольскими эмоциями»), что поляк сталкивается с холодным приемом, то «в Восточной Сибири иначе. Здесь поляк вообще не встретится с иной реакцией, нежели дружелюбие».

Вообще говоря, у поляков немалые заслуги в колонизации Сибири. «— Поляки добрались сюда точно тогда же, когда и русские, — подчеркивает заместитель руководителя администрации президента Бурятии. (...) Представитель администрации прав. Поляки и в самом деле добрались до Сибири тогда же, когда и русские, — ибо еще в XVI веке в сражениях между Речью Посполитой и Москвой польских пленных включали в направляемые на восток отряды казаков. Они завоевывали Сибирь для России. А мир тогда был значительно больше, чем сегодня, о возвращении не было и речи». Мне кажется, что Сквитинский несколько преувеличивает — удалось же Марко Поло добраться до Китая и вернуться на родину. А еще раньше случалось, что и давние русские князья, чтобы подтвердить у монголов право на управление, предпринимали дальние путешествия, с тем чтобы вернуться из далекой Азии на европейские просторы сегодняшней России с соответствующей бумагой. Но и в самом деле, тяжкой была судьба польских пленных.

«Потом были очередные волны ссыльных, в том числе и самая большая — 1863 года. Но не только и не прежде всего ссыльных. В конце XIX века очень многие наши земляки добровольно искали лучшей жизни, а часто и карьеры, на восточных рубежах царской империи». Но позже весело уже не было: «После гражданской войны и Рижского мира многие поляки вернулись на родину. Польская операция НКВД 1937 года нанесла по полякам в России страшный удар (...). Те, кто выжил, ушли в подполье: из страха перед НКВД не учили детей польскому языку, часто вообще не говорили им, что по происхождению они поляки». Теперь уже иначе, польскость можно культивировать без препятствий: «Мы очень часто слышали, из самых разных уст, слова, которые поначалу вызывали у нас недоумение: «Пожалуйста, не используйте определения «бесчеловечная земля». Нам это больно, это нас обижает. Для нас это очень человечная земля»». Журналист добавляет через две недели пребывания: «Эта земля очень человечная. Земля, на которой нас, поляков, любят и ценят. Земля определенным образом польская».

Несколько иначе видит это репортер «Тыгодника повшехного» (2013, №1) Малгожата Ноцунь, которая, скорее всего, прибыла в Усолье такой же, как Скветинский. Ее репортаж, названный «Седьмой континент», открывается, как начало фильма, запущенного в замедленном темпе: «Берега Байкала ежегодно немного расходятся. Через много тысяч лет земля может лопнуть, и тогда отделится новый континент. Если так случится, если очередной континент возникнет, то новая земля не будет уже Азией, географы придумают для нее другое имя». Страшно подумать: это ведь означало бы уничтожение самого большого резервуара пресной воды на земном шаре.

После такой увертюры, отчасти фантастичной, автор переходит к конкретике, но в несколько иной подаче, чем ее сосредоточенный на судьбах поляков коллега: «Современные российские ученые — социологи, политологи, геологи, историки — задаются вопросом: «Что такое Сибирь?». Здесь очень многое пошатнулось: несвобода неожиданно переродилась в свободу, женщины приняли роль мужчин, коммунистический эксперимент, который должен был стереть ощущение национальной особенности, провалился (буряты подчеркивают, что они буряты, а не русские). Житель Сибири зачастую сначала скажет о себе, что он сибиряк». Но, добавим, это не мешает Валентину Распутину утверждать, что «Сибирь более русская, чем сама Россия». Интересно, впрочем, что он все же противопоставляет в этом случае Россию Сибири, поскольку «Сибирь более...» Быть может, потому, что (возвратимся к репортажу Ноцунь) по прибытии сюда декабристов, сосланных в Сибирь после неудавшегося восстания, они сумели повлиять на изменение установок живших в Иркутске и в других городах людей: «Александр Петров, историк Иркутского государственного университета: «Это они посеяли тут ген свободы, вольнодумства, привили либеральные взгляды. Жители Иркутска поняли, что они не должны на все соглашаться. По сей день это один из наиболее непокорных регионов России. Не так охотно здесь ходят на выборы и не так охотно голосуют в соответствии с указаниями властей»». А после этих замечаний автор вводит польский сюжет: «Жители Иркутска — это потомки не только

декабристов, но и повстанцев 1863 года. Польские ученые, в частности Александр Чекановский и Ян Черский, открывали Байкал. Польские инженеры строили транссибирскую магистраль. Поляки восхищались Сибирью. Так смешивались культуры и традиции, Восток с Западом».

Наконец мы в Усолье: «Сибирское Усолье в Иркутском уезде жило промышленностью. В XVII в. здесь открылась соляная шахта, в советские времена заработок давали химические, фармацевтические и оружейные предприятия. Крах СССР принес упадок планового хозяйства и безработицу. Жители Усолья-Сибирского или едва сводят концы с концами, или зарабатывают. Здесь не хватает местного среднего класса». Дальнейший ход репортажа приносит высказывания живущих в Усолье людей, картины их повседневной жизни, знакомит с горизонтом их мечтаний. «Алена не может сказать, что такое Россия, а что такое Сибирь. Она никогда не выезжала из Усолья, размах Сибири знает только по карте. Ей интересно, везде ли так холодно, как в Усолье. Она молода, но не знает, о чем мечтает. Скорее всего, хочет остаться в своем городе, хотя люди отсюда бегут. Алена: «Они говорят, что это загаженный город. А я Усолье люблю. Район, где стоит мой дом, деревья за окном. От себя не убежишь»».

Автор меняет перспективу, из Усолья ведет нас в Иркутск: «Иркутск не утратил своей роли. 55% торговли между Москвой и Монголией идет через Иркутск. Но, конечно, хуже с работой для молодых, если у них нет предпринимательской жилки. (...) В провинции эта картина выглядит еще грустнее, здесь люди с трудом сводят концы с концами. (...) Альтернатива — эмиграция, или в европейскую часть России (Москву, Петербург), или на Запад. В провинции видишь обезлюдевшие деревни: старики умерли, молодые уехали. Из полутора десятков рассыпающихся домов только в одном-двух можно обнаружить, что здесь живут люди».

И снова мы несколько дальше: «Улан-Удэ — это столица Бурятии и третья по величине метрополия Восточной Сибири. Город был русифицирован: буряты забыли свой язык (...) классическая бурятская литература для многих стала недоступной. Бурятская культура постепенно умирала. Но буряты не смогли раствориться в советском обществе. (...) В России живет сегодня около 450 тысяч бурятов, а в Бурятии происходит возрождение национальной культуры: люди возвращаются к буддизму, к тибетской медицине. Построены дацаны — буддистские монастыри-школы, разрушенные Советами в 30-е годы на волне борьбы с религией. Ученые исследуют старые книги, уцелевшие после разрушения храмов; их многие годы хранили во вновь сооруженных коммунистических храмах атеизма. Традиция говорит, что книги следовало окружать почтением наравне с иконами, что внесение в них каких-нибудь изменений должно караться смертью. Тамдин Бадараев, социолог из Российской академии наук: «Буряты сегодня на этапе формирования этноса. Мы не однородная группа: делимся на бурятов западных, восточных, иркутских. Буряты знают, что они не русские. Но если спросить их о национальности, в первую очередь ответят: «Я сибиряк». Потом добавят: «И бурят». Сегодня национальное возрождение начинается с возврата к религии: буддизму, шаманизму».

И мы вновь в Польше, где читатели обращаются к материалам посланных газетами репортеров. Известно, что читатели «Жечпосполитой» чаще всего не смотрят «Тыгодник повшехный», а читатели «Тыгодника» редко читают «Жечпосполиту». Обе группы получили репортаж из России, то есть страны, которая, среди многих других, должна быть объектом их особого интереса. «Тыгодник», как-никак католическое издание, и словом не обмолвился о деятельности католических монахов и монахинь в Усолье, в то время как «Жечпосполита» посвятила этому достаточно много места, открыто, без обиняков подчеркивая, что местные власти «не препятствуют польскому эксперименту». И при этом, благодаря «Жечпосполитой», читатель может испытать гордость от достижений польских цивилизационных предприятий и радоваться, что даже в Сибири есть земля «в определенном смысле польская», в то время как с помощью «Тыгодника» попадает в чуждый польскому духу мир буддистов-бурятов. О чем, ясное дело, я пишу здесь (отмечу во избежание недоразумений) с иронией.

В самом деле, прав был Станислав Ежи Лец, когда сказал: «Окно в мир можно занавесить газетой»!

Томаш Достатний

Перевод Анастасии Векшиной

ОКОНЧЕННЫЕ БЕСЕДЫ С АРХИЕПИСКОПОМ ЮЗЕФОМ ЖИЦИНСКИМ

Когда я время от времени встречал одного пожилого священника из Люблинской епархии, то всегда спрашивал его, не слышал ли он каких-нибудь новых анекдотов о нашем архиепископе. И священник этот всегда преподносил мне что-нибудь изысканное. Но архиепископ Жицинский и сам любил рассказывать смешные истории.

На вопрос, всегда ли он был оптимистом, священник отвечал цитатой из Тишнера: «Юзеф Тишнер рассказывал историю Яся из Гонсениц, который служил в спецназе. Во время учений солдатам сказали, что им предстоит прыгнуть с самолета, когда он наберет высоту 600 метров, а затем построиться цепью и начать атаку. Все внимательно слушали, и только Ясь спросил: «А не мог бы самолет снизиться до 200 метров вместо 600?» — «Теоретически мог бы, — ответил офицер, — но если вы выпрыгнете с высоты 200 метров, парашюты не успеют открыться». — Простите пожалуйста, — смутился Ясь, — я не знал, что будут парашюты...».

Таким был архиепископ — он умел ответить шуткой на вопрос, но иногда и высмеять абсурдную ситуацию так, что никому уже не хотелось дальше ее обсуждать. Анекдот был для него остро́той, но также и средством защиты от нелепости и глупости.

*

Интервью, опубликованное в текущем году — назовем его «вторым интервью», — создавалось в последние годы жизни архиепископа и внезапно прервалось с его смертью. Журналистка Александра Клих даже вписала себе в ежедневник дату следующей встречи: 17 февраля. Но ей уже не суждено было состояться. Журналистка долго колебалась, не зная, может ли отдать для публикации такой материал. Хорошо, что она приняла положительное решение. В этом разговоре архиепископ очень открыт, он говорит так, как говорит человек много переживший, или — если угодно — съевший пуд соли (в его адрес уже выдвигались различные обвинения), и, хотя это сильный человек, разговор от этого только выигрывает, потому что затрагивает много личных сюжетов, неизвестных прежде.

Но начнем с начала. В этом интервью сказаны одни из лучших слов об отношениях между друзьями — в связи с о. Юзефом Тишнером. Архиепископ говорит о том, каким он его запомнил, и с теплым чувством, без своей характерной манеры, называет его «гуральским философом». Мимоходом роняет (как и в другом месте этого разговора) критические реплики о своих собратьях — епископах и священниках. Могут ли существовать две разные Церкви, например, Жицинского и Тишнера? Можно подумать, что в Церкви должно быть полное единообразие. Обратите внимание, такие взгляды сохранились до сегодняшнего дня. Их отголоски можно найти в подвываниях по поводу разделения польского епископата. Как будто епископы не могут быть разными. В подобном тоне он высказывается по поводу не менее удивительных открытий, которые преподносит нам вот уже несколько лет после смерти Иоанна Павла II свящ. проф. Вальдемар Хростовский. Я считаю, что языку Иоанна Павла II нет альтернативы. Уважение и любовь, с которой он обращался ко всем людям, независимо от их вероисповедания и национальности, обязывают поляков, которые ссылаются на его имя. «Речь идет об антисемитизме?» — спрашивает собеседница. А Юзеф Жицинский отвечает:

— В этом контексте предположение, что Иоанн Павел II не понимал еврейского вопроса и что только теперь некоторые наши соотечественники знают, что не стоит использовать, к примеру, опре-

деление «старшие братья по вере», я считаю неловким отходом от большой традиции, переданной нам польским Папой.

Он не скрывал своего возмущения по поводу реакции некоторых кругов, считающих себя католическими, после смерти профессора Геремека:

— Сегодня подозрительность и недоверие стали для многих способом самоутверждения. Это нельзя оправдывать — это нужно менять. Одна знакомая рассказывала мне, как после долгого отдаления от Церкви она решила помолиться. Это было через несколько дней после трагической гибели Бронислава Геремека. И на Краковском Предместье в Варшаве у церкви она встретила группу людей с транспарантом «Спасибо, Господи, что забрал его у нас». Конечно, женщина тут же развернулась и, не входя в храм, отправилась домой. Отталкивать людей, отваживать их от Церкви — это большой грех.

Я боюсь, что цена, которую христианству придется заплатить за подобные убеждения, будет высокой. Если кто-нибудь из официальных представителей Церкви поддержит такого рода выступления, публикации, точку зрения, ему это припомнят, как припоминают Национально-радикальному лагерю его антисемитизм или некоторым преподавателям университетов — непротивление «гетто на скамьях». Эти грустные слова в контексте сегодняшних уличных протестов под знаменами ордена редемптористов, поддерживаемых не всегда одним только молчаливым согласием других, звучат как нельзя правдиво. Дай Бог, чтобы они не оказались горьким пророчеством. Они показывают, как не хватает сейчас голоса архиепископа.

О чем еще шла речь в прерванной беседе? О свободе, об открытости (чтобы «католик не размахивал саблей»), об одиночестве (писать, творить не получится, если всё время ходить с именин на именины). О дружбе, о мире пустых храмов, о том, что «сомнение — это благословение», и о том, «зачем епископу неверующие». О страдании. О деньгах в Церкви, об интернете, о сексе, о женщинах. Но самые откровенные признания, касающиеся слежки за ним служб госбезопасности, можно найти в главе «Обвинение» (!). Журналистка спрашивает архиепископа, не лучше ли было просто махнуть рукой на обвинения в сотрудничестве, вместо того, чтобы оправдываться?

— Я предпочитаю объяснять. Если уж мне суждено, чтобы меня публично поносили и обвиняли, то пусть лучше это будут ложные политические обвинения, чем сексуальные. Я возлагаю свои надежды на то, что я делаю всё, что в моих силах, для того чтобы жить честно, работать, писать книги. Чтобы после меня что-то осталось. А то, что по пути меня кто-то несколько раз отправит в нокаут, — что ж, без страдания нет жизни. Я довольно силен психически. Но мне искренне жаль людей, которые тяжело переживают ложные обвинения, остракизм. Особенно, когда нет никаких доказательств, а их уже называют ворами или убийцами.

Известно, что архиепископ если и высказывался остро, то только тогда, когда выступал в защиту кого-то, на кого нападали. Таких примеров можно вспомнить множество, взять хотя бы первый, что приходит в голову: его речь в защиту Гжегожа Мотыки, когда к тому жестко отнеслись представители сообществ, сами себя называющих «кресовыми»: им трудно было понять позицию выдающегося специалиста по истории польско-украинских отношений в вопросе о погромах на Волыни.

В прерванном разговоре строки, написанные о страдании, могут быть прочитаны (хотя, наверное, на них не обратят должного внимания) как кредо архиепископа, который не эпатировал своего ближайшего окружения своими собственными болезнями и страданиями. Его простые слова передают сущность христианства:

— Необходимость размышления о Христе. Меня потрясает понятие кенозиса, которое в двух словах можно объяснить так: Бог, страдающий Христос, тот самый, который висел на кресте, сегодня страдает в бедных, замученных, умирающих от голода или жажды. Именно поэтому так необходима и естественна наша солидарность с теми, кто слабее нас. Потому что Бог солидарен с ними. А мог торжествовать. Вы можете себе представить победный пир после Воскресения из мертвых?

— *Нет.*

— Вот именно, потому что Христос выбрал смирение, покорность. Это имеет большое значение для понимания, например, природы страдания. Того, что в страдании мы не одиноки, что инвалидность — это не результат зловредных генов. В том, что болит, имманентно присутствует Христос. Иоанн Павел II писал, что основная цель богословия — научиться самопожертвованию для других. Что ж, напишите об этом статью на передовицу газеты. Читатели подумают, что вы сошли с ума. Современный мир занят совершенно другим.

А стоит напомнить, что собеседница, Александра Клих, — журналистка крупнейшей польской газеты, формирующей общественное мнение, — «Газеты выборчей».

*

Другая беседа — назовем ее «первым интервью» — состоялась в 1998 г. и была дополнена в 2003-м. Теперь, после смерти архиепископа, издательство быстро допечатало тираж. Спустя почти 15 лет после записи это интервью читается как интересный срез первых лет независимости Польши, представленных с точки зрения одного из самых выдающихся польских епископов, который всегда пытался сохранить свой собственный голос. Голос настолько доходчивый, что он выходил за видимые пределы Церкви. Первое интервью — это серьезный разговор, в котором сделана попытка объять все сферы от А до Я. Что ж, некоторые именно так понимают работу над интервью. Я читал его, когда оно вышло впервые, и снова прочел сейчас. Несколько сюжетов я открыл для себя заново.

Архиепископ Жицинский был реалистом, но имел явно оптимистический подход к жизни. Собеседники спрашивают его:

— Как Люблинский католический университет пытается распространять свое влияние за пределы Церкви?

— Это влияние сочетается с открытостью к диалогу с теми, кто не принадлежит к Церкви, с последователями других религий. Это поиск общих форм рефлексии с агностическими кругами, с людьми науки, организация междисциплинарных семинаров — всё, чему последовательно учит Иоанн Павел II. С другой стороны — это деятельность за пределами академической среды. Стихийно образуется множество групп, основывающих свои дискуссионные клубы. В этих клубах есть потребность в интеллигентных людях, сочетающих живую веру с глубиной взгляда и компетентностью...

Таковы были ожидания нового люблинского митрополита в 1998 году. Роль университетов, а особенно Люблинского католического университета, профессору Юзефу Жицинскому всегда была глубоко небезразлична. Вопрос «А как она выглядит сегодня?» стоит честно поставить перед собой во время чтения этого интервью.

Когда архиепископ вспоминает 80-е годы XX века и тогдашнюю атмосферу диалога с инакомыслящими, возникает вопрос:

— Не было ли в вашем кругу опасений, что новые партнеры по диалогу на самом деле хотят только использовать Церковь в политических целях? Такие опасения встречались в церковной среде?

— Я думаю, что подобные мнения были мало представительны. Конечно, везде можно встретить людей, которые всего опасаются и во всем видят подвох. Но большинство из нас были убеждены — будь то под влиянием печати или по впечатлениям от личных контактов — в честности представителей «неверующих левых». Я сам очень тепло вспоминаю о встречах с Клеменсом Шанявским в то время, когда он подвергался преследованиям со стороны властей. Напомню, что, когда ему было запрещено преподавать в государственных учебных заведениях, его взяли на работу в семинарию отцов доминиканцев... С перспективы сегодняшнего дня это должно звучать шокирующе, потому что сейчас уже известно, что Клеменс был масоном. Масон, учащий будущих доминиканцев! — это гротеск, но я помню, как мы гуляли с Клеменсом незадолго до моего епископского назначения и разговаривали, обсуждая как некоторые светила интеллектуальной жизни, так и попытки ввести постмодернизм в польские философские дискуссии, и во всем были абсолютно согласны.

Я помню эти лекции Шанявского — я был его студентом. Они производили на нас, молодых доминиканцев, огромное впечатление. Он, ученик Котарбинского, Татаркевича и Оссовских, кембридж-

ский стипендиат, преподавал нам методологию науки. Когда его в какой-то момент спросили, зачем нам понадобится в будущем его математически точная интерпретация, чего он хочет достичь своим курсом, он ответил: «Того, чтобы вы, братья, четко и ясно могли обосновать то, что хотите сказать». А после смерти о. Ежи Попелушко он долго рассказывал нам о нем.

В первом интервью архиепископ затронул вопрос, который сегодня различные идеологи веры открыто высмеивают. Он рассказал, как понимает «открытое католичество»:

— Стоит только задуматься над этими словами, и мы увидим, что это вопрос не просто публицистический, но что он охватывает целый пласт глубинной христианской формации. Мне была близка идея диалога с наукой и современной мыслью, но в диалог этот я вступал не во имя открытости, а во имя ответственности за истину.

А в другом месте он уже очень широко объяснял:

— Многое зависит от того, как мы определим открытый католицизм. Можно ли назвать отца Максимилиана Кольбе открытым католиком? Ведь и его увлечение техническими достижениями, и то, как он ценил возможности печатного слова, и прежде всего — то, что он отдал жизнь за ближнего, говорят о предельной открытости, на которую только может быть способен христианин. А с другой стороны, если бы некоторые фрагменты его «Маленького журнала» были опубликованы сегодня в католической прессе, то на главного редактора обрушились бы громы и молнии. Поэтому мы должны осознавать, что трудно найти простое определение открытого или закрытого католичества.

В то же время, в отношении тех людей, которых сейчас условно называют «открытыми католиками», то есть представителей кругов таких изданий, как «Тыгодник повшехный», «Знак» или «Вензь», мне кажется особенно важной их вдохновляющая роль не только в развитии католической мысли, но и в формировании взглядов интеллигенции в целом. В качестве примера можно привести цикл публикаций на страницах «Знака», представляющий тексты самых выдающихся современных мыслителей — Шелера, Уайтхеда, Рикера — цикл, разрушавший монополию, которую благодаря цензуре пыталась себе обеспечить марксистская философия. Это был действительно важный вклад в искусство мышления. Открытость к областям, которые по своей природе не принадлежат к сфере церковной евангелизации, но способствуют евангелизации путем формирования независимого мышления, — это в моих глазах самое главное достижение так называемого «открытого католичества».

Архиепископ, как можно заметить, ценил диалог и не относился к нему как к инструменту.

Первое интервью — всеобъемлющее, «биографическое» — раскрывает многие области интересов архиепископа Жицинского. Оно сконструировано несколько искусственно, но сегодня — спустя многие годы — позволяет составить представление о первых годах свободы после 1989-го. Собеседник рассказывает о семейной среде и молодости, о Польской Народной Республике (какой она была при позднем Гомулке, при Гереке и во время военного положения), не избегает темы марта 1968-го и отсутствия комментариев Церкви на эту тему. Он говорит о примасе Вышинском, о Церкви и либеральной интеллигенции. О Польше после падения коммунизма — об итоговой «жирной черте» и о «войне наверху». О встрече философии и культуры, в том числе массовой. О «божественно-человеческой симфонии», как любил ее называть профессор архиепископ Жицинский.

Появляется и близкая моему сердцу тема — чешская. К сожалению, Подпольная церковь Чехословакии, показанная в лице епископа Феликса Давидека (в книге Кароль Давидек) и интерпретация его миссии главного защитника чешской католической Церкви через рукоположение в сан женатых мужчин и случай рукоположения женщины не имеет никакого отношения к историческим фактам. И тут никак не оправдаешься. Но ведь нельзя быть энциклопедией во всем.

*

Название второго интервью — «У мира должен быть смысл» — передает нечто очень важное во взглядах архиепископа Жицинского. Недавно я принимал участие в конференции в Гамбурге, организованной газетой «Цайт». Главный редактор газеты спросил: «Зачем нам Господь Бог?» Такой вопрос — следствие восприятия мышления типа: мы, люди, сами, по своему усмотрению устроим свою жизнь, обеспечим себя на старость, а если будет нужно, то прекратим боль. Я ответил ему: «А

зачем нам Моцарт? Зачем нам Эйнштейн?» Общество без высоких идеалов, без настоящих ценностей, где люди жуют жвачку и обмениваются сплетнями, может существовать, но я боюсь такого мира. У мира должен быть смысл. И он все время искал его. Во встрече с другим человеком, думающим и верующим иначе или неверующим вообще. В естественных науках и в философии науки. Потому что знал, что у мира есть смысл.

Первое интервью — «Невидимый свет» — содержит в своем названии ту огромную жажду архиепископа, которую он выразил, отвечая на вопрос: Что значит сегодня быть человеком совести?

— Это значит, помимо прочего, сохранить в глубине души сократическую тоску по гармонии мыслей и поступков. Не позволить жизненным разочарованиям затмить ее силу. Признать первенство рефлексии над действием, то есть, не допустить того, чтобы мышление стало идеологическим оправданием для любого образа наших действий. Это значит формировать в себе естественную этическую восприимчивость — как путем углубления знаний об общих моральных принципах, так и через молитвенную связь с Богом, который во мраке наших исканий говорит с нами так же, как некогда говорил с Авраамом, Моисеем и Иаковом.

А в завершение разговора архиепископ цитирует фрагмент поэмы Т.С.Элиота «Скала»:

Поэтому мы благодарны Тебе за наш огонек, окутанный тенью. <...>

А когда мы построим алтарь Свету Невидимому,

Можно будет поставить на него огни, для которых и предназначено наше телесное зренье.

И мы славим Тебя, ибо тьма — напоминанье о свете.

О Свет Невидимый, мы возносим Тебе хвалу за Твою великую славу!

Пер. Андрея Сергеева

На этом можно было бы и закончить, но лишь конец второго интервью действительно ставит точку в оконченных беседах. Журналистка спрашивает:

— Проповеди, «Пастырские 15 минут», мессы, встречи со священниками и облаточные встречи, конференции, конфирмации — все эти епископские обязанности занимают много времени. Как Вы находите свободное время для научной работы?

— Честно говоря, охотнее всего я искал бы их в вечности. В день моего рукоположения я молился о том, чтобы Господь дал мне 40 лет динамичной и наполненной смыслом жизни. Бог исполнил мою просьбу в неожиданной форме — когда мне исполнилось сорок, он перенес меня из философов в епископы. Я привык благодарить Бога за то, что мне удалось сделать в обоих качествах. Иногда, приходя домой после огромного количества встреч и лекций, я думаю — может, уже достаточно для одной жизни? Я был бы благодарен Богу и чувствовал бы себя состоявшимся, отходя в вечность и в 62 года.

— К счастью, Бог не откликается на эти вздохи...

— По крайней мере пока.

— Когда мы сможем встретиться в следующий раз?

— Это зависит, в частности, от того, как Бог отнесется к моему предложению не затягивать с отходом в вечность...

От этих слов подкатывает комок к горлу. Сегодня они стали отправной точкой не только для доброй памяти об архиепископе, но и для честного размышления над его взглядами и картиной мира.

Niewidzialne światło. Z ABP. Józefem Życińskim rozmawiają Dorota Zańko i Jarosław Gowin.
Wydanie III. Kraków: Znak, 2011.
Świat musi mieć sens. Przerwana rozmowa arcybiskupa Józefa Życińskiego i Aleksandry Klich.
Warszawa: Agora, 2012.

akcent

* Передача архиепископа Жицинского на радио Люблинской епархии. — *Пер.*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- М. Войцеховский: Гордиев узел многих народов
- Беседа с Олегом Орловым, Владиславом Терлецким, Владиславом Фрасынюком
- Анджей Стасюк специально для «Новой Польши» о культурном наследии, которое не признает границ
- Лешек Шаруга о Богдане Осадчуке

Проза

Владислав Мильчарек

Мацей Орлось

Стихотворения

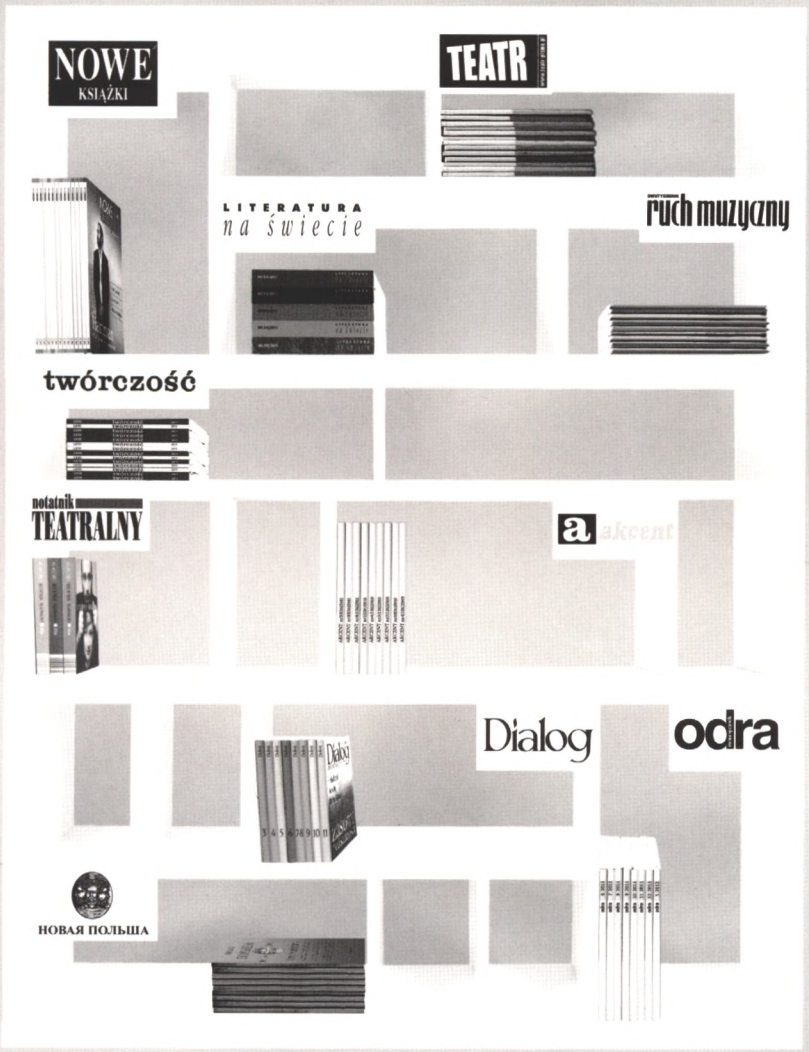
Януш Джевуцки

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589